

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

ДЯДЯ
КОЛЯ
ПОП
ПОПОВ
ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ
БЕЗ
ФУТБОЛА

Л. ДАВИДЫЧЕВ

**ДЯДЯ
КОЛЯ
ПОП ПОПОВ-
ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ
БЕЗ ФУТБОЛА**

ПОВЕСТЬ

Пермское
книжное
издательство
1980

Р2
Д13

Художник **С. МОЖАЕВА**

Д **70802—52**
М152{03}—80 **44—80**

© **Пермское книжное
издательство. 1980.**

Героев книг этого писателя не надо искать среди знакомых детей и взрослых. Они, конечно, на наших знакомых похожи, но не такие. Иван Семенов, например, — не просто лодырь и выдумщик, он великий лодырь и выдумщик. Петька Пара из другой повести — не просто засоня, он засоня невероятный, жуткий, фантастический. Сусанна Кольчикова — не просто злая девчонка, а такая, что злее не придумаешь. Зато Лелишина — такая девочка-умелочка, что старательнее и добрее не найдешь. И все, что в этих книгах происходит с ними — мальчиками и девочками, бабушками и дедушками, циркачами и милиционерами, — не просто весело, а ужасно смешно.

Уж такой любитель преувеличивать этот писатель Лев Иванович Давыдычев. Такие у него правила игры.

Вот и сейчас вам предстоит встреча не просто с дядей Колей Поповым, а бывшим попом Поповым, и хочет стать тот бывший поп не просто вратарем, а вратарем непробиваемым. И советы этому дяде Коле дает сам господь бог. Правда, во сне... А на самом деле стать настоящим футболистом помогают дяде Коле, конечно, люди. Хорошие люди — демобилизованный ефрейтор Егор Веселых и мальчик Шурик, который упрямо не желает быть абсолютно круглым отличником...

Но стоп, стоп! Так ведь можно нечаянно рассказать всю повесть, и читать ее будет неинтересно. А нам хочется, чтобы вы, уважаемые читатели, как называет вас автор, его повесть прочитали и догадались, зачем это он все и всех так преуве-

личивает. Совсем не только затем, чтобы посмешить вас и позабавить, а затем, чтобы вы получили разглядели доброту добрых, упорство упорных, силу сильных и коварство злых, жадных, несправедливых. А еще чтобы поняли вы: у злости, жадности, несправедливости одна добрая мамочка — Л Е Н Ъ. Из маленьких лодырей могут вырасти бо-оль-шие туняядцы. Об этом — все книги веселого писателя Давыдычева.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**Чем закончилось для попа Попова
приобретение им в районном центре
телевизора**

Жил-был поп Попов.

Не беспокойтесь, не волнуйтесь, уважаемые читатели, все напечатано правильно, без единой ошибочки: да, действительно жил-был поп по фамилии Попов.

Как же так смешно получилось?

Поп Попов!

— Сие, видимо, потому, — терпеливо объяснял поп Попов тем, кто удивлялся смешному сочетанию его звания и фамилии, — что весь наш род с наидревнейших времен был поповским. Конечно, не каждый раб божий по фамилии Попов обязательно из поповского рода, но и далеко не каждый поп носит фамилию Попов. Со мной же по воле господней произошел именно этакий редкостный случай. И вполне вероятно, что можно встретить кузнеца Кузнецова или сапожника Сапожникова. Но и не менее вероятно встретить кузнеца Сапожникова или сапожника Кузнецова. Все в руках божьих.

И сколько бы и скольким бы людям ни сообщал терпеливо поп Попов об этом, они, люди, все-таки удивлялись, а иные и посмеивались даже.

Жил поп Попов в далеком старинном селе. Церквушка там была весьма и весьма дряхленькая, готовая в любой момент развалиться, но и такая она еще тре-

бовалась некоторым богомольным старичкам и старушкам. Псп Попов и совершал там со своими немногочисленными помощниками положенные церковные дела.

Между нами говоря, поп он был неважный, плохой он был поп, а помощники его и того хуже. Вечно они все путали, на работу опаздывали, прогуливали нередко, ссорились между собой, обзывались. Словом, с трудовой дисциплиной в церковном коллективе было примерно на троечку с минусом.

Сам поп Попов очень обожал рыбалку, любил собирать грибы и ягоды, с большим удовольствием пилил и колол дрова, часами возился на огороде, летом по многу раз в день купался, а зимой часто ходил на лыжах далеко-далеко в лес. И за всеми этими дорогами сердцу занятиями он мало внимания уделял своим церковным обязанностям.

Станный поп, не правда ли?

Но вы о нем, уважаемые читатели, еще и не такое узнаете!

Богомольцы и богомолки ворчали-ворчали, терпели-терпели до тех пор, пока их батюшка не увлекся футболом. А футболом поп Попов увлекся так быстро и, главное, так страстно, что однажды на проповеди в церкви вдруг заговорил о том, что...

Ох, зароптали богомольцы и богомолки, глаза вытаращили от изумления и ужаса, обескураженно переглядывались, пожимали плечами в великом недоумении, испуганно крестились...

А поп Попов громогласно вещал о том, что рука господня обязательно покарает грешника-судью, который вчера в конце первого тайма не засчитал гол, а во втором тайме изгнал с поля совсем неповинного перед зрителями и богом достойнейшего раба его в майке с номером 10, чей гол он не засчитал в конце третьего тайма...

— Помолимся, братья и сестры во Христе, — громогласно призвал поп Попов. — Помолимся за то, чтобы судейство в футболе было справедливым и милосердным, как милосердны и справедливы деяния господа! Аминь!

Еще возмущеннее зароптали богомольцы и богомолки, еще больше вытаращили глаза от изумления и ужаса, совсем обескураженно запереглядывались, за-

пожимали плечами в великом недоумении, очень испуганно закрестились, но их батюшка ничего этого не заметил, да и впредь не замечал ничего этого и теперь все церковные службы сводил к длинным и задушевым разговорам на футбольные темы.

А началось все это вот с чего.

В районном центре поп Попов вдруг неожиданно для самого себя купил телевизор. Собственно, приобрести его батюшка давно собирался, но считал сие не совсем удобным для священнослужителя. А тут он представил, как длинные, скучные, тоскливые зимние вечера будут — имей он телевизор — не такими уж длинными, скучными и тоскливыми.

Первой передачей, которую увидел поп Попов, оказалась трансляция футбольного матча. Батюшка и в кино-то не чаще одного раза в год ходил, в театре никогда не был, даже ни одного концерта художественной самодеятельности в сельском клубе не видел. А тут сидит он себе, чаек попивает из своего любимого самоварчика и с удивлением поглядывает, как два десятка рабов божьих за одним мячиком бегают, падают, толкаются, прыгают...

— Донельзя глупо, но тем не менее занятно, — вслух сказал поп Попов и тут же ощутил какое-то неясное беспокойство, и не сразу понял его причину.

Правил-то игры он не знал, вообще ничего в футболе не разумел, ибо увидел его впервые, но уже незадолго до перерыва между таймами тихо и неуверенно выкрикнул:

— Мазила...

И сам поразился, откуда ему в голову пришло это доселе неизвестное слово.

К середине второго тайма, забыв о любимом самоварчике, поп Попов уже разобрался в главном: играют две команды, и которая больше забьет мячей в ворота, та и станет победительницей.

Вот ему и захотелось, чтобы мячик как можно чаще попадал в ворота. В которые ворота, для батюшки сначала было безразлично.

Неясное же беспокойство усилилось, когда поп Попов уразумел, что ему — неизвестно отчего — нравится команда в белой форме. И он по привычке молил господа бога, чтобы тот покарал ее противников двумя-тремя-четырьмя голами...

Но команда в белой форме проиграла, и у попа Попова настолько испортилось настроение, что он выключил телевизор и стал мучительно размышлять о случившемся. Почему проиграла именно та команда, которая ему нравилась?! Конечно, все в руках божьих... И чудовищная мысль вползла ему в голову: если речь идет о футболе, то так и хочется сказать, что все в ногах божьих... Поп Попов суматошно перекрестился, но думы о футболе вытеснили все остальные. Может, отслужить молебен за понравившуюся, но проигравшую команду? Футболисты, конечно, безбожники, но он, поп Попов, будет молиться за спасение их душ и ловкость ног, и тогда они, дорогие безбожники, никогда никому больше не проиграют! Милость господня распространится отныне и на футбол!

Уже рассвело, а поп Попов еще и не засыпал. Необыкновенное ощущение своей силы, здоровья, желания двигаться, что-то делать подняло его с постели. Поп Попов оделся и вышел в огород. Ноги его сами собой стали выделять что-то похожее на удары по мячу, потом он несколько раз подпрыгнул, бодая головой воздух.

Набегавшись и напрыгавшись, поп Попов вернулся домой и заснул воистину богатырским сном.

Днем он, сколько ни боролся с собой, отправился в библиотеку, что-то там, сгорая от стыда, наврал и ушел домой с кипой спортивных журналов. В них он прочел все о футболе, но далеко не все понял и очень расстроился.

С кем посоветоваться? У кого спросить, например, что такое «положение вне игры»? Или что такое «угловой»? За что назначают одиннадцатиметровый?

Конечно же, смешно даже и предполагать, что хотя бы один богомольный старичок, не говоря уже о богомольных старушках, худо или плохо мог разбираться в футболе!

Казалось, что проще всего было бы обратиться к мальчишкам. Но их поп Попов боялся. Он был глубоко убежден, что почти в каждом мальчишке сидит бесенок, а то и два. Засмеют они батюшку, задразнят бедного.

Вот и приходилось надеяться на какой-нибудь счастливый случай. А пока поп Попов не пропускал ни одной игры и внимательно слушал комментаторов.

Нынешняя его жизнь стала куда интересней прежней. То он с острым нетерпением ждал очередного матча, то бурно радовался победе своей любимой команды, то чуть ли не до слез огорчился ее поражению, то пытался разгадать: радоваться или огорчаться ничьей?

Верующие уже открыто возмущались поведением своего непутевого батюшки, писали на него жалобы, как вдруг с нашим болельщиком произошло нечто, я бы сказал, совсем не церковное.

Представьте себе, уважаемые читатели: попу Попову самому захотелось научиться играть в футбол! И он съездил в районный центр и купил мяч, всю дорогу бережно, даже нежно держал его в руках, дома поставил на стол, любовался, но что делать дальше, понятия не имел.

Вечером, однако, он не выдержал, вышел в огород — там была небольшая полянка, — опустил мяч на землю и очень призадумался.

Конечно, господь бог вряд ли что понимал в технике удара по мячу, но поп Попов ни с кем больше не мог посоветоваться и истступленно прошептал:

— Господи, благослови... помоги рабу своему грешному...

Он истово перекрестился, отбежал назад, еще раз и еще более истово перекрестился, бросился вперед, к мячу, и со всей силы носком правой ноги пнул себе в левую пятку. Как сказал бы спортивный комментатор, удар был сильный, но неточный.

Лежал поп Попов на травке, тихонько постанывал от боли, думал, где бы ему раздобыть учебник для юного футболиста.

И хотя боль в пятке утихла только к утру, батюшка тут же вышел на тренировку.

Ничего у него не получалось!

Не получалось у него ничего!

У него ничего не получалось!

Сам по своим ногам он уже не бил, но толком попасть по мячу так и не мог ни разу. Ударит поп Попов по мячу, чтобы тот летел вперед, будто там ворота, а мяч летит вправо или влево — в горох или огурцы, в бобы или помидоры. Особенно доставалось бобам и помидорам: после нескольких тренировок все кустики были поломаны.

— Мазила ты мазила! — бранил себя незадачливый футболист-самоучка.

Однако никто в селе о тренировках попа Попова и не подозревал. Он спокойно мог разрушать свой огород.

Скандал разразился совершенно неожиданно. Шел поп Попов через село к себе домой и вдруг увидел: мальчишки гоняют мяч.

Сердце попа взвыгло, как сердце профессионального футболиста, который почувствовал возможность забить верный гол. И когда мяч подкатился к его ногам, он успел лишь быстренько перекреститься.

И ударил без подготовки.

Мяч, сами понимаете, уважаемые читатели, полетел не вперед, а в сторону, а батюшка, запутавшись в рясе, рухнул во весь рост на землю.

Разбив окно в ближайшей избе, мяч, как потом выяснилось, сбил со стола трехлитровый бидон молока, влетел в еще не протопившуюся печь, полежал там немного и лопнул со страшной силой.

Из печи в избу полетели искры, угольки, клубы дыма и пепла.

Хозяйка — совсем старая старушка — в ужасе зашептала:

— Свят, свят! Свят, свят! Пронеси, господи!

Она упала на колени перед иконами и стала быстро-быстро-быстро молиться.

Ну, знаете ли, это уже анекдот!

Набезобразничал-то кто?

Да поп, самый настоящий, самый обыкновенный поп!

А совсем старенькая старушка быстро-быстро-быстро молилась, чтобы господь спас ее.

От кого?

От попа, получается, самого настоящего, самого обыкновенного попа!

Анекдот, конечно. Хотя нашему попу-футболисту было не до смеха. Да, да, скандал разразился невероятный!

Мальчишек поп Попов успокоил без труда: отдал им свой мяч.

— Не поп, не игрок, а мазила какая-то! — повторяли с тех пор, хохоча, мальчишки. — У него даже с правой удар не поставлен!

А к вечеру пришел милиционер, оштрафовал попа Попова, сказав при этом:

— Вообще-то за такие дела, то есть за хулиганские выходы, положено пятнадцать суток. — И еще припугнул, уходя: — Не бывать вам, батюшка, в сборной.

В том-то и дело, уважаемые читатели, что поп Попов был опечален только одним: научится ли он когда-нибудь бить по мячу более или менее точно? И случившееся он переживал не как священнослужитель, а как начинающий футболист, мечтающий попасть в сборную команду страны.

Мне даже трудно передать, до чего ему тяжело было. Сидит он вечером один-одинешенек. Мяча у него нет. Телевизор не включен, потому что трансляции матча сегодня нет. И любимая прежде рыбалка представляется сейчас глупейшим занятием. И даже чай из самоварчика пить не хочется...

Ох...

И за что ему такое наказание?

Эх...

Может, попробовать совсем забыть о футболе, буд-то его, любезного поповскому сердцу, и на свете нету?

Ах...

Нет, не может он жить без футбола!

В душе попа Попова уже крепки, незаметно для него самого, качества настоящего спортсмена. Вот и сейчас, ненадолго поддавшись унынию, батюшка решил не вешать носа, не сидеть сложа руки, не тосковать, не сдаваться плохому настроению. Ведь к этому времени он привык почти ежедневно делать утреннюю гимнастику, трижды в день заниматься тяжелой атлетикой (поднимал во дворе тяжелый камень), прыгал в высоту (через изгородь) и в длину, много плавал.

Так что, можно сказать, поп Попов достаточно закалился, мускулы и нервы у него окрепли, и он был готов к любым испытаниям («соревнованиям», как подумал он).

Да, он не мог жить без футбола. И настало время выбирать: кем быть?

Попом или футболистом?

Футболистом или попом?

Промучившись очень сильными сомнениями не-

сколько дней и ночей, сел Попов писать заявление с просьбой уволить с работы по собственному желанию, то есть снять с него церковный сан.

Если вы, уважаемые читатели, подумаете, что это решение далось попу хотя бы относительно легко, то вы заблуждаетесь. Даже когда он запечатывал заявление в конверт, руки плохо его слушались, а, когда он относил конверт на почту, ноги у попа чуть подкашивались.

Перекрестившись, он отправил заявление заказным письмом и только тут почувствовал некоторое облегчение: выбор был сделан, все пути назад отрезаны. Остался лишь один путь — вперед, в футбол!

Прямо с почты пошел поп Попов в парикмахерскую.

Кстати, по дороге с попом Поповым не поздоровался ни один богомолец, ни одна богомолка, но он весело приветствовал всех! На лице у него так и было написано: физкульт-привет!

В парикмахерской оторопевшая от потрясающей неожиданности пожилая уборщица слова вымолвить не могла, только мелко-мелко крестилась, вытаращив на батюшку испуганные глаза.

Бывший поп в третий раз сказал:

— Мастера мне.

— Зачем, зачем, батюшка? — в третий раз еле-еле выговаривала уборщица.

— Власы лишние убрать желаю, — в третий раз отвечал бывший поп Попов, — а также бороду и усы.

— Что же это такое творится-то? — запричитала уборщица. — Уж не сатана ли тебя попутал, батюшка? В здоровом ли ты уме, батюшка?

— Никто меня не попутал. В уме я самом здоров. Просто снимаю с себя сан. Ухожу из лона церкви.

— Куда, батюшка?

— В большой футбол. Или, по крайней мере, в средний. На худой конец, в маленький. Да я в любой футбол согласен. Я без футбола жить не могу. Зови мастера.

Мастера богомольная уборщица позвала, а сама убежала сообщить селу не укладывающуюся в голове новость.

Сбрили бывшему попу Попову усы и бороду, коротко остригли волосы.

Помолодевший, радостный, шагал он и негромко напевал:

— В футбол играют настоящие мужчины, поп не играет в футбол!

(Хоккей он, кстати, не признавал, называя его бра-тоубийством.)

Да и как ему было не радоваться, если теперь он мог посвятить футболу всю свою жизнь без остатка, а сегодня по телевидению — два матча!

Физкульт-ура!

Придя домой, бывший поп Попов начал немедленно готовиться к отъезду.

А куда?

А хоть куда! А хоть куда!

А куда — хоть?

В любой город,

городок,

поселок,

село,

деревню,

где есть стадион и футбольная команда, отправится бывший поп Попов! Отсюда он и начнет путь в БОЛЬШОЙ, средний или даже маленький футбол!

Но вот только зря писал он заявление с просьбой уволить его с работы в церкви по собственному желанию. Жалобы богомольцев дошли уже до его начальства, и вечером приехал новый поп. Был он стар, суров и немногословен; плотно поел и сразу же лег спать, предварительно усердно помолившись. А так как он был к тому же еще и глух, то не мешал бывшему попу Попову до глубокой ночи смотреть футбол.

На этот раз, как-то особенно глубоко переживая за игру своей любимой команды — московского «Торпедо», бывший поп Попов впервые подумал о том, что ему хочется стать не защитником, не полузащитником, даже не нападающим, а ТОЛЬКО И ТОЛЬКО ВРАТАРЕМ!

Хорошо человеку, когда он прямо и твердо идет к своей заветной цели! Когда он не боится трудностей! Когда он готов к любым испытаниям-соревнованиям!

Даже сквозь довольно крепкий сон бывший поп Попов чувствовал, какие великие перемены ждут его в жизни в самое ближайшее время. И хотя он, честно

говоря, понятия не имел, что и как предстоит ему делать, он знал, что находится на вернейшем пути.

Утро выдалось прохладное и веселое. Бывший поп Попов, будущий вратарь, сделал гимнастику, семнадцать раз поднял во дворе огромный камень, одиннадцать раз перепрыгнул через изгородь, искупался и пошел в контору совхоза просить машину до станции.

Новую жизнь свою он решил начать с того, чтобы посмотреть в Москве большой футбол.

И там, в столице — вы только представьте себе, уважаемые читатели! — бывший поп Попов попал на самый настоящий матч, да еще на стадионе в Лужниках, да еще играла его любимая команда — московское «Торпедо»!

И — выиграла!

«Господи, господи! — несколько раз по привычке подумал бывший поп Попов. — Хвала тебе, всевышний, что направил раба своего грешного, сына своего недостойного на путь истинный — в футбол!»

Будущее представлялось ему разноцветным и шумным, как переполненные трибуны стадиона, веселым и ярким, как зеленая травка на милом сердцу футбольном поле, и огромным, как небо над ним!

Купил бывший поп Попов три футбольных мяча, полную футбольную форму, свитер, кепку и вратарские перчатки.

И ничего не волновало, не тревожило, даже не беспокоило его, до того он был уверен в правильности избранного самим собой пути. Пусть все в руках господних, а все мячи в его руках будут.

В поезде, лежа ночью на верхней полке, со спортивной газетой в руках, он вспоминал свою жизнь. Да, вот так и получилось: он, сын попа, сам бывший поп, решил стать вратарем.

Куда же он едет?

И что же с ним будет?

Как говорится, прочитаем — увидим.

Николай Попов надел свитер, кепку, вратарские перчатки и уснул. Во сне он стоял в воротах и пропустил всего один гол.

«Неплохой результат для начала, — подумал бывший поп Попов сквозь сон, — если так будет продолжаться и дальше, я войду в число лучших вратарей сезона!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Полукруглый отличник Шурик Мышкин вполне может стать потомственным, абсолютно круглым отличником, но по ряду причин мечтает стать обыкновенным троечником

К

огда в дневнике у Шурика Мышкина среди пятерок оказывалась четверка, его мама в невероятном ужасе восклицала:

— Ты вырастешь недоучкой!

И восклицала она это в таком невероятном ужасе, словно хотела сказать, что из-за единственной несчастной четверки ее сын, тихий, скромный, старательный, предельно послушный, вырастет убийцей-рецидивистом.

Папа нервно ворчал:

— С таким прохладненьким отношением к учебе ничего путного из тебя не получится.

И папа ворчал так нервно, словно был убежден, что из-за одной случайной четверки его сын, тихий, скромный и т. д., после школы станет, по крайней мере, взломщиком-рецидивистом.

Дедушка говорил наиназидательным тоном:

— Тебе, внук мой, следовало бы твердо помнить, что в нашей семье все всегда были только круглыми отличниками. И ты вполне можешь, ты просто обязан, следуя семейным традициям, быть потомственным, абсолютно круглым отличником.

И дедушка говорил таким наиназидательным тоном, словно его внук, тихий, скромный, старательный и т. д., будет в каждом классе по два-три-четыре года сидеть.

В ответ Шурик виновато вздыхал и молчал. Был он маленького роста, со взъерошенными волосами, чем-то похожий на озабоченного воробышка. Он даже и не ходил, а подпрыгивал почти при каждом шаге и часто останавливался задумчиво склонив голову набок.

Никому он в этом не признавался, но в глубине души никак не мог понять: почему нельзя хотя бы изредка получать четверки?

Что в этом страшного?

А ведь в школе ему буквально каждый день и по несколько раз напоминали:

— Эх, Мышкин, Мышкин, ты вполне мог бы стать абсолютно круглым отличником!

И доходило до того, что Шурик видел себя во сне круглым, словно мяч, и уже не ходил, а перекачивался, а двоечники с троечниками в диком восторге играли им в футбол!

А вот самому Шурику Мышкину играть в футбол папа и мама с бабушкой не разрешали. Он должен был беречь силы для учебы.

Вы, уважаемые читатели, удивитесь, и я вас очень хорошо понимаю: а почему, собственно, Шурику Мышкину и не стать абсолютно круглым отличником? Если он уже полукруглый? Тогда бы все от него, как говорится, отстали. Сейчас же ему доставалось больше, чем любому троечнику или даже двоечнику.

Троечнику — что? Намекают ему, конечно, чтобы он не забывал, что существуют на свете и четверки, не говоря уже о пятерках. Намекать-то намекают, но в общем-то все лишь о том думают, как бы он с троек куда пониже не скатился.

У двоечника же забот и того меньше. Никаких забот у него просто нету! Тю-тю! Кто-то о нем беспокоится, а он знай себе, извините за выражение, круглого дурака валяет. Не его это дело — успеваемость поднимать. **ДВОЕЧНИК ОТ ВСЕХ БЕСПОКОЙСТВ ОБ УСПЕВАЕМОСТИ, можно сказать, НАЧИСТО ИЗБАВЛЕН.**

Одна забота у него только и осталась — как бы веселее побездельничать.

Лично его, двоечника, давным-давно не ругают хотя бы потому, что занятие это — совершенно бесполезное.

Он ведь в классе, да и во всей школе, вроде бы как посторонний. Кого-то там критикуют за низкую успеваемость, и здорово критикуют, так здорово критикуют, что двоечнику иногда этих людей, которых критикуют, очень искренне жаль.

И если бы у него, у двоечника, была совесть нормальных размеров, он вполне бы мог сделать следующее почти официальное заявление:

— Во-первых, никого ко мне впредь не прикрепляйте. Никого больше из-за меня не критикуйте. Во-

вторых, припугните вы меня самым серьезнейшим образом. Меня лично припугните. Чтоб я хоть раз в жизни почувствовал хотя бы малюсенькую, прямо-таки микроскопическую, ответственность за свое безответственное отношение к учебе. Издайте, например, строжайший приказ: опытных двоечников, которые упорно не желают учиться по-человечески, из школы исключить. Да, да! И без лишних долгих разговоров. И пусть идут куда хотят. На все четыре стороны. Тут-то мы, двоечники, за ум и возьмемся, тут-то мы и призадумаемся и даже — испугаемся. Не все, может быть, но большинство... А сейчас нам просто неинтересно учиться лучше, чем на двойки. Зачем? Не мы же за себя отвечаем, а кто-то другой. Мы-то знаем, что нас как минимум до восьмого класса, прямо скажем, за уши из класса в класс будут перетягивать.

Словом, уважаемые читатели, вы и сами, без меня знаете: жизнь у троечников и двоечников, если они к ней привыкли, не такая уж трудная.

Зато уж бедному полукруглому отличнику, который мог бы стать абсолютно круглым, не дают покоя.

Вот я и приступаю к краткому изложению тяжелой жизни Шурика Мышкина.

Многое в ней вас поразит, а кое от чего вы содрогнетесь.

Да, да, вы только вдумайтесь, уважаемые читатели: ЕГО ЗАСТАВЛЯЛИ УЧИТЬСЯ ДАЖЕ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ, ДАЖЕ ВО ВРЕМЯ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ, не говоря уже о весенних и зимних! Он, горемыка, ежедневно весь год решал задачи и примеры, писал диктанты, зубрил все учебники подряд.

Над его столом — это в каникулы-то! — висело расписание уроков и внеклассных занятий, которые по очереди вели папа, мама и дедушка.

Был дома и специальный звонок, которым оповещали о начале и конце уроков!

Несчастный Шурик Мышкин вел домашний дневник, получал отметки в домашнем журнале, выпускал стенгазету «Голос круглого отличника», сам с собой соревновался. Его поведение обсуждали на собраниях. В семье работал педсовет.

И все-таки не мог Шурик Мышкин стать абсолютно круглым отличником! Никак не мог, сколько ни

старался! Потому что во взъерошенной его голове давным-давно все стало постепенно е пр е п у ы т в а т ь с я с.

И то здесь, то там,
то еще где-нибудь —
четверка!

Горе-то дома какое ужасно страшное!

Дедушка необычайно сокрушался:

— В кого ты такой уродился? У нас в семье все всегда были круглыми отличниками! В кого же ты такой Анормальный, то есть НЕнормальный?

— Да, да, в кого?!?! — потрясаясь громко рыдая, вопрошала мама. — Я никогда и понятия не имела, что такое четверка!

— Обо мне и говорить нечего! — очень, почти предельно раздраженно восклицал папа. — Я просто ума не приложу, чего тебе, Шурик, еще надо! Тебе же созданы все условия для абсолютно отличной учебы! Для тебя даже пищу готовят специальную, такую, какая, на наш взгляд, должна способствовать твоему быстрейшему абсолютному округлению. Я убежден, что никто не занимается учебой столько, сколько ты. Я уверен, что никто из родителей не уделяет учебе своего ребенка столько внимания, сколько мы. А в результате — что? Что мы имеем в результате?

— В результате за диктант четверка! — Мама не смогла сдержать очень громких рыданий. — Написал слово «ВРАЧЬ». Да, да, с мягким знаком! — И ее очень громкие рыдания еще более усилились.

— Он, видимо, разболтался, — нервным голосом высказывал предположение дедушка. — Внутренне разболтался. Делает вид, что занимается учебой, а сам думает о чем-то совершенно постороннем. Или вообще ни о чем не думает. Или другой вариант, более прискорбный: он — тупица.

— Ну знаете, папа! — возмущался папа. — В нашей семье, как вам должно быть известно, тупиц не встречалось!

— В нашей семье тоже все были очень развиты, — недоуменно говорила мама. — Не знаю, не знаю, ничего не понимаю! Столько внимания! Столько заботы! Я ведь даже уроки физкультуры с ним вела, только на шведскую стенку не лазала.

— Итак, подведем пока сугубо нерадостные итоги, — мрачно и торжественно произносил папа. —

Пусть Шурик сам сформулирует, чего ему не хватает для того, чтобы стать потомственным абсолютно круглым отличником.

Шурик виновато вздыхал и молчал, склонив взъерошенную голову набок.

— Сознайся хотя бы в том, — папа начинал очень нервничать, — что ты, сын, предельно недостаточно внимателен.

— Может быть, — еле слышно лепетал Шурик, предварительно вздрогнув.

— Вот видите! — горько радовался папа. — А почему ты недостаточно внимателен?

Шурик виновато вздыхал и пожимал плечами, опять предварительно вздрогнув.

— Сознайся, — предлагала мама строго, но с долей сочувствия, — признайся, что ты так до конца и не понял важности, даже необходимости, быть потомственным абсолютно круглым отличником. Отвечай же! Решается твоя судьба.

— Мне никогда ни за что не стать потомственным абсолютно круглым отличником, — два раза вздрогнув, испуганно отвечал Шурик. — Никогда. Ни за что.

— По-че-му?! — хором спрашивали папа, мама и дедушка. — По-че-му?!

— Мне не хочется, мне абсолютно не хочется, — втянув взъерошенную голову в плечи, признавался Шурик, предварительно три раза вздрогнув. — Я не понимаю, для чего быть потомственным абсолютно круглым отличником. Мне больше нравится быть полукруглым. Кроме того, у меня в голове давным-давно все еперпуатолсь...

— Это как?! Это что?! — в ужасе спрашивала мама.

— Это как?! Это что?! — ужасно недоумевал папа.

— Чего? Чего?! — испуганно удивлялся дедушка.

Шурик от сознания собственной виноватости долго вздыхал и отвечал тихо:

— У меня в голове давным-давно все... пеерупатлось... пе-ре-пу-та-лось. Например, мне часто снится сон, что дважды два пять, а слово «врач» пишется с двумя мягкими знаками — «ВРАЧЬЬ». И еще мне снится, что в каникулы я свободный человек и играю в футбол.

Должен вам прямо сказать, уважаемые читатели, что разговоры эти ни к чему не приводили, все продолжалось по-прежнему.

Но однажды случилось то, что рано или поздно все равно должно было случиться.

После того как Шурик получил очередную четверку, состоялся очередной семейный педсовет. Начался разговор как обычно и продолжался долго, как обычно, и мог бы закончиться, как обычно, то есть ничем.

Однако мама вдруг заявила:

— Больше так быть не может! Не должно быть! Неужели, сынок, ты совсем забыл, что абсолютно отличная учеба — это путь к знаниям, дорога в большую научную жизнь? Я вижу тебя великим ученым!

— А я — врачом! — горячо воскликнул дедушка. — Обыкновенным участковым врачом! Замечательным специалистом! Как только у меня вот здесь заколет, я немедленно вызываю внука и...

— Нет, нет, нет и нет! — очень категорически протестовал папа. — Если у вас, папа, заколет вот тут, мы действительно вызовем обыкновенного участкового врача. Но это будет не наш сын и не ваш внук. Шурик же пойдет по моим трудовым стопам. Он будет выдающимся счетным работником. Нет, нет, нет и нет, не таким бухгалтером, как я! Он будет работать на уникальнейших счетно-вычислительных машинах!

— Он будет ученым! — совершенно твердо сказала мама.

— Он будет участковым врачом! — еще тверже сказал дедушка.

— Он будет выдающимся счетным работником! — скомандовал папа.

Шурик виновато молчал, так виновато, словно был не полукруглым отличником, а самым распоследним двоечником, которого вот уже несколько лет не могут перетащить в следующий класс.

— Возникает естественный вопрос, — предельно недовольно и совершенно обиженно произнес дедушка. — А кем же ты, внук, собираешься стать? Ученым, врачом или электронным бухгалтером? Отвечай! Мы должны быть в курсе твоих желаний!

— Мне хочется быть шофером, — тихо, ласково и виновато отвечал Шурик, — чтобы уезжать из дому

далеко-далеко, надолго-надолго. И еще я хочу быть футболистом. Это так замечательно!

Мама, шатаясь, подошла к сыну, взяла его за взъерошенную голову обеими руками, поцеловала в лоб, словно прощалась с ним навсегда, отошла к окну и заплакала горько-горько-горько.

Но Шурик не успел даже пожалеть ее, потому что папа быстро пробежал по комнате, кому-то грозно приказывая:

— Не возражать! Не возражать! Не возражать! — Он остановился, убедился, что никто ему возражать и не собирается, сказал все так же грозно: — Ошибка заключается в том, что у нас в семье плохо поставлена воспитательная работа с единственным сыном.

— И с единственным внуком, — уточнил дедушка.

— Предлагаю, категорически предлагаю, — возбужденно продолжал папа, — организовать ряд мероприятий, направленных на расширение кругозора нашего сына и вашего внука, папа. Надо провести для него встречи с интересными людьми, передовиками производства, ветеранами труда, словом, с лучшими представителями самых разнообразных профессий, кроме, конечно, шоферов и футболистов. Мы составим подробный план, обсудим и утвердим его на заседании нашего семейного педсовета и приступим к выполнению. Кто — за? Кто — против? Кто — воздержался? Принято единогласно. Шурик, ты согласен?

Шурик громко и виновато передохнул и ответил:

— Нет. — Он отрицательно помотал взъерошенной головой. — Я ничего не понял из того, что вы сейчас тут говорили. Ведь никто, кроме меня, в каникулы не учится. Встречи с интересными людьми у нас бывают и в школе. И все равно я мечтаю стать шофером и футболистом.

В наступившей тишине было слышно, как падают и разбиваются о стол большие капли маминых слез.

— Успокойся, дорогая, — нервно попросил ее папа. — Не обращай на его слова особого внимания. Наша задача остается прежней: воспитывать, воспитывать и воспитывать! Если воспитание не даст положительных результатов, займемся перевоспитанием!

— Может быть, он все-таки имеет претензии к питанию? — сквозь крупные слезы спросила мама. — Сынок, тебе не хватает калорий, да?

Шурик вздохнул совсем уж очень жалобно:

— Но абсолютно круглого отличника из меня никогда и ни за что не получится... Я обыкновенным учеником хочу быть! — довольно резко и несколько громко крикнул он. — Нормальным я хочу быть! Как все!

— Достукались, — мрачно заключил папа. — До-вос-пи-ты-ва-ли! Это крах наших совместных педагогических усилий. Полный крах!

Шурик молчал.

Мама молчала.

Молчал папа.

Молчал дедушка.

Все молчали.

Конечно, главного Шурик родителям и дедушке не сказал: жалел их. А главное заключалось в том, что ему давным-давно просто-напросто не только надоело, а ОПРОТИВЕЛО учиться. Он, если так можно выразиться, ПЕРЕучился, ПЕРЕстарался, ПЕРЕслушался, ПЕРЕзубрил и т. д. и т. п.

Ведь сколько он ни старался, вместо слов ободрения, он слышал одно и то же:

— Эх, Мышкин, Мышкин, ты же можешь учиться лучше!

«Конечно, могу! Могу, конечно! — хотелось крикнуть в ответ на эти слова Шурику. — Только отстаньте от меня хотя бы на недельку! Всего на семь денечков! Дайте мне хоть недельку пожить по-человечески! Побегать сломя голову разрешите! Один раз можно мне синяк под глаз заработать? Штаны хоть раз порвать можно? Я еще никогда по лужам досыта не бегал! Я еще ни разу вдоволь в футбол не поиграл! Буду я вам только пятерки получать, только отстаньте от меня хотя бы на семь денечков!»

Никто и не подозревал, что в маленьком, взъерошенном, похожем на озабоченного воробья Шурике с каждым днем все сильнее крепло желание стать САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ.

Шурику хотелось быть бойким,
смелым,
шустрым,
вертким,
сообразительным,
ловким,
веселым!

ШУРИКУ ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ! Даже когда он сидел смирнехонько, все внутри его пело-распевало, крутилось-вертелось, ликовало-буянило! И сколько ни пытался Шурик унять себя, ничего из этого не получалось. Каждую минуту он ждал, что вот-вот сорвется с места и запрыгает, засмеется, а может, и песенку споет прямо посреди урока!

Песенку посреди урока он не спел, но кое-что на-творил. Вызвали его как-то к доске решать задачу, в которой дружно и здорово запутались троечник и двоечница. Шурик тоже быстро и здорово запутался, потому что в его взъерошенной голове все давным-давно ерепупатлось!

— Ну, Мышкин, Мышкин, не может быть! — порази-лась учительница. — Соберись, вникни, подумай!

Но ни собираться, ни вникать, ни думать полу-круглому отличнику не хотелось. Не хотелось и — все!!!

— Не тани ты резину, — шепнул ему троечник, — и так надоело у доски торчать. Решай давай по-быст-рому.

— Мышкин, Мышкин, что с тобой? — опять пора-зи-лась учительница. — Ты уже в таблице умножения путаешься! Вот здесь — смотри! Сколько будет семью шесть?

— Тринадцать с половиной! — весело и наобум от-ветил полукруглый отличник. — Или половина с три-надцатью!

— Да сорок два, — пробурчал троечник, — даже я и то знаю.

И двоечница закивала головой: дескать, я тоже такого же мнения.

— Эх, Мышкин, Мышкин, интересно мне знать, кто научил тебя таким неумным шуткам, — насмеш-ливо сказала рассерженная и растерявшаяся учитель-ница. — А, может быть, ты запомнил, сколько будет хотя бы дважды два?

— Дважды два? — переспросил Шурик Мышкин и помолчал, все еще пытаюсь сдержаться. — По-моему, дважды два будет... пять будет дважды два! — очень весело крикнул он и расхохотался.

Но тут даже никто и не рассмеялся. А троечник и двоечница глаза вытаращили.

— Эх, Мышкин, Мышкин! — горестно воскликнула учительница. — Ты просто хулиганишь, и это, при-

знаться, на тебя не похоже. Не может же быть, чтобы ты, полукруглый отличник, не знал, сколько будет дважды два!

— Я знаю, — с вызовом сказал Шурик. — По-моему, дважды два будет... пять!

В классе раздался не хохот, а ропот.

Даже двоечница не выдержала, гордо выговорила:

— Четыре будет. Это точно.

— Дважды два, — Шурик повысил голос, — будет...

Класс замер, вытянув шеи.

— Пять! — закончил Шурик с достоинством.

— Ну, Мышкин, Мышкин... — Учительница с большим сожалением и не меньшим удивлением покачала головой. — Ставлю тебе двойку. Буду разговаривать с твоими родителями. Надо выяснить, что же это такое с тобой происходит.

После уроков Шурик впервые в жизни не пошел домой, а отправился куда глаза глядят, искал лужи, топал по ним, долго бегал за поливочной машиной, вымок весь и, лишь когда замерз, вспомнил, куда ему идти полагается.

Что же произошло дома, вы, уважаемые читатели, и представить себе не можете!

Пока Шурик снимал грязные ботинки и мокрую одежду, дедушка восемь раз протер очки, чтобы лучше разглядеть эту невероятнейшую картину. А вернее, дедушка просто-напросто не верил своим очкам. Обескураженный увиденным, он слова вымолвить не мог.

— А я двоечку схватил! — радостно сообщил Шурик. — В таблице умножения перепутался. Не мог сообразить, сколько будет дважды два! Я думал, что пять, а оказалось, что нет!

И на это дедушка от растерянности ничего не мог выговорить. И Шурик впервые в жизни был предоставлен самому себе. Он не стал мыть руки. Он не стал есть суп и котлеты с кашей. Он, как говорится, навалился на компот и торт. Замечательно пообедал!

И лишь тогда дедушка спросил, убедившись, что очки не врут:

— Что случилось? Ты не болен?

Уж не знаю, где Шурик слышал такое выражение, но ответил:

— Я здоров как бык!

Это он-то? Похожий на воробышка?

— Допустим, допустим и еще раз допустим, — дедушка все никак не мог прийти в себя. — Но почему ты весь грязный и мокрый? И как ты мог забыть, сколько будет дважды два? В детстве я видел в цирке обыкновенного петуха, так он, самый обыкновенный петух, знал наизусть почти всю таблицу умножения! Пе-тух!

— Но ведь я, дедушка, не пе-тух! — весело возразил Шурик. — Я самый обыкновенный мальчишка! Сейчас я иду бе-гать! Все нормальные люди после школы отдыхают!

Тут дедушка, приготовившийся проводить с внуком диктант, до того растерялся, что даже не сделал ни малейшей попытки удержать внука, сидел и яростно протирал очки, словно они были во всем виноваты.

Шурик вволю набегался, досыта наигрался в футбол, подрался, и очень удачно: первый раз в жизни заработал синяк под левый глаз!

Дома его встретила, как писали в старинных романах, гробовая тишина.

Папа молчал.

Молчала мама.

Дедушка молчал.

И Шурик ничего не говорил.

Все молчали.

Наконец папа довольно нервно сказал:

— Я наблюдал с балкона за твоим сверхбезобразным поведением. Объясни нам: что с тобой происходит?

— Со мной произошел синяк! — гордо и чуть хвастливо ответил Шурик. — И еще со мной произошла двоечка! А вас, мама и папа, вызовут в школу! Вам здорово попадет! Родителям всегда здорово попадает за двойки!

— Надо немедленно принимать меры! — очень взволнованно предложил дедушка. — Ведь происходит что-то уму непостижимое!

— Прежде чем предпринимать какие-нибудь меры, — мрачно и грозно сказал папа, — надо точно сформулировать, что же случилось с нашим сыном, жена, и с вашим внуком, папа. Слушаем тебя, виновник наших несчастий.

— А что особенного? — совсем искренне удивился Шурик. — Троечник и двоечница не могли решить задачу. И я не мог. А потом я бегал по лужам, играл в футбол! Я ддррррался! Как все мальчишки! Я не хочу быть пе-ту-хом, который только то и знает, что таблицу умножения!

Когда разобрались, при чем тут петух, мама возмущенно произнесла:

— Как все мальчишки! Что значит — как все мальчишки? Неужели сегодня все мальчишки вернулись домой с двойками и с синяком под левым глазом? Ты полукруглый отличник, который обязан стать потомственным абсолютно круглым...

— Не-е-е-е... стану! — тихо, еле слышно выкрикнул Шурик, предварительно вздохнув семь раз. — Ни за что не стану! — уже громко повторил он и еще громче добавил: — Ни-ког-да!.. А если и стану, то лишь тогда, когда сам, лично захочу! — Он тут же пожалел растерявшихся родителей, особенно дедушку, и сказал: — Дайте мне пожить, как нормальные мальчишки живут, и, быть может, я захочу стать потомственным абсолютно круглым отличником. А сейчас я просто хочу есть.

Накормить-то его, конечно, накормили, но ел Шурик без всякого удовольствия: ведь весь семейный педсовет не сводил с него осуждающих, очень скорбных взглядов.

— А я понял! — вдруг радостно воскликнул дедушка. — Я понял, что такое происходит с моим внуком и вашим сыном! Он попал под чье-то вредное и не менее дурное влияние!

Шурик отрицательно покачал взъерошенной головой, помолчал, вздохнул виновато пять раз и ответил:

— Я наконец-то попал под свое собственное влияние.

— Можешь идти, — повелительным тоном разрешил папа, — а мы проведем срочное заседание семейного педсовета. Мы не покинем тебя, не позволим тебе стать заурядным, то есть обыкновенным тунеядцем. Мы пере — уж будь уверен — воспитаем тебя!

Ночью Шурик долго не мог заснуть. Он впервые думал о том, как же ему жить дальше. Раньше за него думали родители и дедушка, а сейчас ОН ЗАХОТЕЛ СТАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ, значит, все вопросы —

большие, средние и маленькие — ему предстоит решать самому.

Ничего определенного он придумать не мог, потому что не умел думать самостоятельно.

А на завтра он пришел в школу, впервые в жизни не приготовив домашних заданий. И его, конечно, вызвали. Надо было выучить наизусть стихотворение, а Шурик дома его даже и не читал.

Ура! Опять двоечка! Не хотели четверочек — получите двоечки!

— Ну, Мышкин, Мышкин, — совершенно растерявшись, сказала учительница. — Что с тобой? Ты тянешь назад весь класс. Из-за тебя мы теряем переходящий выппел за успеваемость! Стыдись, Мышкин!

Между нами говоря, уважаемые читатели, Шурик нисколько даже и не стыдился. Он ничего не мог с собой поделать. Просто ему хотелось бегать, топать по лужам, играть в футбол, иногда драться...

За последнюю четверть он заработал целых три тройки, а за поведение — четверку!

Вообразите-ка себе, уважаемые читатели, что у него творилось дома... Кошмар творился у него дома.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дядя Коля — бывший поп Попов — на первой же тренировке берет все мячи

Встретились совершенно случайно два невеселых человека, можно сказать, очень невеселых человека.

Один из них — бывший поп Попов, другой — бывший полукруглый отличник Шурик Мышкин.

Присели они на скамейку в садике около поселкового клуба да так и сидели вот уже минут сорок.

Первым не выдержал бывший поп Попов, спросил:

— А что ты здесь сидишь, мальчик? Вот уже минут сорок сидишь!

— А что вы здесь сидите, дяденька? — спросил бывший полукруглый отличник. — Тоже вот уже минут сорок сидите?

— Сижу — вот и... сижу, — услышал он в ответ. — Захотелось, значит, посидеть, отдохнуть, о жизни поразмышлять... А почему ты такой невеселый?

— А почему вы такой невеселый?

Бывший поп Попов ненадолго призадумался и предложил:

— Сначала ты ответь мне на мои вопросы, потому что я первый вопрошал. Итак: почему ты здесь сидишь вот уже больше сорока минут?

— Сижу — вот и... сижу.

— Это я тебе так ответствовал! А ты будь любезен отвечать по-своему. Зря, да еще так долго, не сидят. Зря невеселыми не бывают. Может, мы с тобой познакомимся, если ты не возражаешь? Меня зовут отец Николай, то есть дядя Коля, — быстро поправился бывший поп Попов.

Познакомились они, а о чем говорить дальше, не знали. Вернее, бывший-то поп Попов знал, о чем ему хочется говорить, но пока не мог на это решиться. И Шурику было что рассказать своему новому знакомому, но он пока стеснялся. Шурик сейчас вообще понятия не имел, что ему делать. Друзей ведь у него не было, потому что дружить ему было некогда: он все время учился. А знакомые ребята куда-то запропастились, и как проводить время одному, Шурик просто догадаться не мог.

Дядя Коля спросил:

— Ты как насчет футбола? Играть умеешь?

— Немного умею.

— А любишь?

— Кто же не любит в футбол играть? — удивленно отозвался Шурик. — Летом-то! А вы кто? Футболист? Или тренер?

Почему-то оглянувшись по сторонам, словно боясь, что их подслушают из-за кустов, дядя Коля внимательно посмотрел Шурику в глаза, проговорил почему-то шепотом:

— Не футболист я пока. И, конечно, не тренер, но я без футбола жить не могу... Понимаешь, Шурик... — Дядя Коля опять оглянулся по сторонам. — Я очень хочу научиться играть в футбол. Честное слово, я без футбола жить не могу. Но я даже всех правил не знаю... Ты почему молчишь?

— Удивляюсь.

— Чему ты удивляешься?

— Хотите учиться играть в футбол? Так учитесь себе на здоровье!

— Где? Как?

— Неужели вы не знаете, где учатся играть в футбол?!

— Не отвечай мне вопросом на вопрос! Отвечай мне ответом на вопрос! — рассердился дядя Коля, но спросил виноватым тоном: — Где учатся играть в футбол?

— А где вы работаете, дядя Коля?

— Опять вопрос на вопрос! Нигде я пока не работаю, — с удивлением услышал Шурик и спросил:

— А почему нигде не работаете?

— А при чем здесь работа? — в свою очередь удивился дядя Коля. — И когда ты будешь отвечать на мои вопросы ответами, а не вопросами? Я тебя спрашиваю о футболе, а ты мне о работе!

— Например, если бы вы работали на домостроительном комбинате, — начал объяснять Шурик, — все было бы просто. Там есть футбольные команды — взрослая, юношеская и детская. И стадион есть, даже с трибунами.

— Вот это да! — восторженно прошептал дядя Коля, но сразу же помрачнел. — А если меня не примут на этот самый домостроительный комбинат?

— Футбольная команда есть в совхозе, здесь недалеко. В леспромхозе команда, но это далековато... Дядя Коля, а вы кто?

— Я-то? Да как бы тебе растолковать? Приехал я в ваш поселок только сегодня... Не успел еще и оглядеться... Самое главное в том, что я жить без футбола не могу. А все остальное суета... ну, то есть не имеет для меня никакого значения... Вот устроюсь на работу, в команду... Вообще-то я бы тебе все о себе рассказал, если бы ты согласился поиграть со мной в футбол.

— Когда?

— Сейчас, конечно.

— Прямо вот сейчас? — восторженно переспросил Шурик.

— Немедленно! Мяч у меня есть! Понимаешь, я ни минуты ждать не могу! — Дядя Коля очень уж разгорячился. — Понимаешь, я мечтаю вратарем быть, но

еще ни разу в воротах не стоял! Найти бы нам с тобой такое местечко...

— Знаю, знаю я такое местечко! — Шурику передалось волнение дяди Коли. — Там даже ворота есть, правда, без перекладины...

— Идем, идем, идем! — Бывший поп Попов схватил бывшего полукруглого отличника Шурика Мышкина за руку, и они торопливо направились, почти побежали к выходу из скверика, заспешили по дороге на окраину поселка.

Смотреть на них со стороны было довольно-таки смешно. Дядя Коля ростом был без малого два метра, Шурик едва доставал ему взъерошенной головой чуть выше пояса. Дядя Коля вышагивал огромными шагами, а Шурик мелко подпрыгивал рядом с ним, как воробышек.

Всего третий день бывший полукруглый отличник был, говоря его словами, свободным человеком, еще не привык к этому положению и не умел использовать с таким трудом завоеванную свободу в свое полное удовольствие.

Вчера состоялось заседание семейного педсовета, значение для дальнейшей судьбы Шурика оно имело колоссальное, длилось не очень долго, и я, уважаемые читатели, хотя бы коротенько, расскажу о нем.

Первым слово взял папа. Стараясь не выдать растерянности, возмущения и, можно сказать, очень крупного горя, он заговорил почти срывающимся голосом:

— Вы все знаете и я не буду повторять, с какими ужасными показателями мы пришли к концу очередного учебного года. Страшны не только сами показатели, то есть полученные нашим сыном, жена, и вашим внуком, папа, отметки. Сердце кровью обливается, когда я думаю о том, как разительно изменился он сам в худшую сторону. Его не узнать. Он вышел из-под нашего полезного влияния и попал под свое собственное, весьма и весьма вредное и опасное. Пусть проживет лето, как хочет. Мы, взрослые, устали, изнервничались и впервые летом будем отдыхать, а не учить. К Шурику приедет бабушка Анфиса Поликарповна. Она будет следить за квартирой и за Шуриком. За квартиру я не беспокоюсь.

Мама очень глухо сказала:

— Я выплакала все свои слезы по поводу того, как

наш сын, муж, и ваш внук, папа, отбился от наших заботливых рук. Я почти рассталась с мечтой, что Шурик когда-нибудь станет потомственным абсолютно круглым отличником. Я убеждена, что при нынешнем его отношении к учебе он не будет великим ученым. Но я люблю его и совсем немножечко надеюсь, что, может быть, он исправится.

Дедушка говорил, схватившись за голову руками:

— Я потерял внука, а вы сына. Как он проведет лето? Чем будет заниматься? Увы, неизвестно. Вряд ли одна бабушка, уважаемая Анфиса Поликарповна, справится с ним, если это не удалось нам троим. Желаю тебе, дорогой внук, быстрее осознать, в какую пропасть ты катишься.

— Напрасно вы беспокоитесь, — весело и даже ласково ответил Шурик. — Лето я проведу замечательно — на свободе. Буду играть в свой любимый футбол, а потом с новыми силами примусь за учебу, вспомню, что дважды два четыре.

— Если бы! — радостно воскликнула мама.

— А я не верю, — упрямо произнес дедушка, — не вижу никаких оснований.

— Не будем гадать, — уныло предложил папа. — Будем ждать. Лично у меня самые тяжелые предчувствия.

На этом заседание семейного педсовета закончилось.

Сразу же расскажу вам, уважаемые читатели, и о том, как в поселке, где жил и учился Шурик Мышкин, оказался бывший поп Попов и что он собирался делать.

Вы уже знаете, что он собирался научиться играть в футбол, все остальное в жизни его мало интересовало, а точнее говоря, совсем не интересовало.

А именно в этот поселок он попал случайно. Ехал он в поезде, ехал, ехал, ехал, ехал, надоело ему ехать, с каждой минутой все сильнее хотелось играть в футбол. И тут поезд остановился, и бывший поп Попов увидел: мальчишки около станции гоняют мяч! Нисколько не задумываясь, он решил поселиться именно здесь.

Весь багаж его состоял из чемодана, телевизора и рюкзака, в котором среди прочих вещей был и его любимый самоварчик.

Сдал бывший поп Попов чемодан и телевизор в камеру хранения и поспешил посмотреть, как мальчишки играют в футбол. Хотя бы посмотреть!

Но к этому времени мальчишки убежали, и бывший поп Попов, сразу загрустив, побрел, не зная куда, оказался в садике около клуба и присел на скамейку, чтобы обдумать, как ему быть дальше.

Вскоре рядом присел Шурик, которому тоже надо было обдумать, как ему быть дальше, а остальное вам, уважаемые читатели, известно.

Пришли они на окраину, за огороды, где было, можно сказать, почти настоящее футбольное поле, только ворота были одни и без верхней штанги.

Пока Шурик накачивал мяч насосом, дядя Коля переоделся и предстал перед ним в полной вратарской форме.

— Ого! — восхитился Шурик. — С виду вы прямо мастер международного класса!

— Мечтаю, мечтаю! Надеюсь, надеюсь! — искренне признался дядя Коля. — Жить без футбола не могу! Вот и дал обет: стать выдающимся вратарем.

— Какой обед? — удивился Шурик. — Вы что, будете много обедать, чтобы стать сильным? Да вы и так вон какой богатырь!

— Не обед, а обет. Буква тэ на конце. Клятва, значит, серьезное обещание... Давай, давай играть, хватит разговаривать!

Ох и весело же им стало! Никто им не мешал, никто их не ругал, никто их даже не упрекал! Сами себе хозяева!

Шурик отсчитал одиннадцать метров, поставил мяч, а дядя Коля замер в воротах, громко шепча:

— Господи... господи...

— При чем тут господи? — поразился Шурик, взглянул на дядю Колю и испуганно крикнул: — Что с вами?

Дядя Коля, бледный, с неестественно расширенными глазами, пошатнулся и обеими руками ухватился за штангу, чтобы не упасть.

— Не знаю, — еле слышно ответил он, — не знаю, что со мной... я... я волнуюсь... у меня... это... поджилки трясутся... я боюсь...

— Чего вы боитесь? Что вы волнуетесь? Что у вас поджилки трясутся?

— Боюсь... гол боюсь пропустить... господи, как боюсь гол пропустить...

— Ничего не понимаю, — недовольно сказал Шурик. — Какой-то господи... Поджилки трясутся... Но ведь голы пропускают все вратари, даже знаменитые.

— А я не хочу! — хриплым голосом выкрикнул дядя Коля. — Не хочу я голы пропускать! Не пропущу ни одного мяча! Я его поймать хочу! Бей! Да бей же, тебе говорят!

Шурик, пожав плечами, сказал:

— Странно... вы же совсем не умеете играть... вы первый раз в ворота встали, а...

— Не пропущу! — грозно, с горящим взглядом крикнул дядя Коля. — Я его... я его поймаю! Схвачу! Бей! Господи, благослови! Не дай пропустить гол!

Тут Шурик немножечко рассердился. Конечно, он не считал себя очень уж хорошим игроком, знал, что удар у него довольно слабенький, но зато и довольно точный.

— Господи так господи, благослови так благослови, — насмешливо проговорил Шурик, отошел от мяча, разбежался и уверенно послал его в левый нижний угол. — Не поймать! Штука!

И тут случилось что-то совершенно непонятное. Шурик ясно видел, что мяч пролетел мимо неподвижного дяди Коли. Но дядя Коля, издав какой-то воинственный клич, похожий на рев, бросился к мячу, схватил его, как показалось Шурику, не только руками, но и ногами, а спиной врезался в штангу.

Раздался треск — штанга обломилась у самого основания и рухнула.

Дядя Коля лежал на земле, вцепившись в мяч, прижав его к себе, и твердил упоенно:

— Поймал... поймал ведь голубчика... вот он... вот он, миленький... попался...

— Ничего себе, бросочек, — почесав в недоумении затылок, сказал Шурик, не веря своим глазам. — Я слышал, что когда-то нападающие будто бы мячом ломали штанги. Но чтоб вратарь! Не ушиблись?

— Оглушило немного, — восторженно признался дядя Коля, — это я когда головой об землю. Но поймал ведь! — Он с трудом встал, потер поясницу, ощупал голову, бросил мяч Шурику. — Бей! Ни одной штуки не будет! Бери все мячи! Бей!

Ко второму удару Шурик готовился тщательно. На этот раз он решил забить гол во что бы то ни стало. Он ударил, и опять ему показалось, что мяч уже влетел туда, где должен быть правый верхний угол, если бы была перекладина.

И опять в какое-то последнее мгновение дядя Коля, издав воинственный клич, похожий на рев, взлетел в воздух, схватил мяч и гулко упал на землю.

— Невероятно, — прошептал Шурик. — Вот это реакция. Не разбились?

— Что-то во мне вроде бы хрустнуло, — весело признался дядя Коля. — Но ведь поймал, поймал голубчика! Вот он, миленький! Попался!

До полного изнеможения бил Шурик по воротам (вернее, по тому, что от них осталось), и **ДЯДЯ КОЛЯ НЕ ПРОПУСТИЛ НИ ОДНОГО ГОЛА!** Он кидался, бросался, метался к мячу с дикими выкриками и, грохнувшись на землю, не всегда сразу мог подняться.

— Бей! Бей! Бей! — просил он и не уговонился даже тогда, когда сломал и вторую штангу, врезавшись в нее головой. — Ничего, ничего! — успокаивал он Шурика. — Цел я, цел! Бей, бей!

И Шурик бил, бил, бил...

А дядя Коля ловил, ловил, ловил...

Наконец Шурик умыкался, измотался до того, что еле стоял на ногах.

— Я больше не могу, — пролепетал он. — А вратарь из вас получится классный. А у меня больше нету сил.

— Разика два-три-четыре-пять! — умолял дядя Коля. — Ну, хоть один разик пробей!

— Не могу больше.

И Шурик сел.

Дядя Коля и сам еле живой опустился рядом, сказал:

— Тогда нам надо поесть.

В рюкзаке его нашлась уйма всякой снеди: вареные яйца, огромные луковицы, соленые огурцы, колбаса, сало (которого Шурик ни разу в жизни до этого не пробовал), плавленые сырки, пряники, вареная картошка...

Но больше всего Шурик обрадовался самоварчику, спросил восторженно и недоверчиво:

— Неужели настоящий?

— Сейчас проверим. Я чай только из своего самоварчика пью. Мне бы, Шурик, купить избушечку с огородиком... Люблю, грешным делом, на грядках возиться. Кошку бы я себе завел, собаку, а то и козу... Приходил бы ты ко мне в гости. А я бы ворота футбольные соорудил! И мы бы с тобой тренировались! А потом бы чай пили во дворе под черемухой.

Дядя Коля сходил на речку, кружкой аккуратно наполнил самоварчик до краев. Шурик насобиравал щепок и веточек, и вскоре из самоварчика показался дымок.

Они по очереди дули в дырочки у основания самоварчика, так старательно и весело дули, что пепел и искорки летели во все стороны.

Закипел самоварчик!

И Шурику казалось, что и у него внутри все кипело от радости, счастья и удовольствия.

Это было как в сказке. А дядя Коля походил на доброго великана.

Никогда еще в жизни не ел Шурик с таким аппетитом и восторгом. Слезы брызгали из глаз, когда он хрустел огромной луковицей, потыкав ее в соль. Обыкновенная вареная картошка с соленым огурцом и ломтем черного хлеба — настоящее объедение! Сало, оказалось, — пальчики оближешь!

— Очень калорийная пища, — не зная, как похвалить еду, сказал Шурик.

— Вполне вероятно, — согласился дядя Коля, — простая пища, полезная.

Насытившись, наши футболисты принялись за чай. Ого-го, здорово-то как! Можно, оказывается, представьте себе, сахар не класть в чай, а пить вприкуску, — и это куда вкуснее и интереснее!

— Теперь не вредно бы и полежать, — зевая, сказал дядя Коля, и наши футболисты развалились на траве.

Едва прикоснувшись затылком к земле, дядя Коля тут же захрапел, да так громко и так занятно, что Шурик заслушался: он ведь только в книжках читал о богатырском храпе, но никогда еще не слышал его.

В носу дяди Коли спрятался целый оркестр! Там рокотали разные трубы и трубочки, пели флейты, пищали кларнеты, гудели гобои, и казалось, вот-вот загремят барабаны... а Шурик от восторга запоем!

Лежал Шурик, блаженствовал всем своим существом, слушал богатырский храп и невольно со страхом думал о том, что ведь а могло и не быть такого удивительного дня.

Лежать бы вот и лежать... Никуда ведь она, учеба эта, от него не уйдет. Раз появился на свет, значит, учиться надо. Честное слово, вот отдохнет он все лето по-человечески и будет, если уж это вам, дорогие родители и дедушка, так необходимо, будет он потомственным абсолютно круглым отличником. А что? Главное, чтобы голова отдохнула, чтобы он почувствовал себя сильным и чтобы каждый день не слышать надоевшее:

— Эх, Мышкин, Мышкин, ты бы мог учиться значительно лучше!

Будет он учиться значительно лучше, будет, честное слово!

В это время дядя Коля перевернулся со спины на бок, и оркестр в его носу сразу смолк, и Шурику стало грустно... Он продолжал размышлять о своей жизни. Вот есть счастливые ребята, которых папы на рыбалку берут. Еще больше счастливых ребят, которых папы и мамы на рыбалку отпускают. А ему, Шурику, разрешалось только учиться. Интересно, кстати, что же представляет из себя эта бабушка Анфиса Поликарповна?

— Дядя Коля! Дядя Коля! — испуганно позвал Шурик. — Мне же давным-давно домой надо! У меня же родители и дедушка уезжают, а бабушка приезжает! То есть наоборот, сначала бабушка приезжает, а потом родители и дедушка уезжают!

Не открывая глаз, дядя Коля медленно сел, долго потягивался; громко хрустя костями, будто опять штанги ломал, долго и широко зевал, вкусно так зевал, похлопывая по губам ладонью, открыл глаза и сонным-сонным голосом спросил:

— Кто куда уезжает? Кто куда приезжает?

Выслушав Шурика, он с сожалением проговорил:

— Понятно, понятно... А я мечтал еще потренироваться. А куда же я сегодня денусь? Мне ведь ночлег искать надо.

— Какой ночлег?

— Обыкновенный. Где ночь проспать.

— Как же вы... куда же вы...

— Как-нибудь. Мир не без добрых людей. Попрошусь к кому-нибудь. Приютят на ночь-то.

— А завтра?

— Работу буду искать. А может, и угол дадут.

— Какой угол?

— Экий ты непонятливый. Ну, койку дадут. Место какое-нибудь, где я жить буду. Углом это называется. А со временем избушку себе с огородиком куплю. Вот уеду я с командой в другой город играть, а ты мою избушку караулить останешься. Будешь мою кошку и собаку кормить... — размечтался дядя Коля. — Завтра же пойду на домостроительный комбинат, где футбольная команда есть. Попрошусь вратарем! Вдруг возьмут, а? Любой мяч — мой! Ни одного не пропущу! Ни одной штуки не будет! Вот те крест! — И дядя Коля быстро-быстро перекрестился.

— Это еще что такое?!?! — Шурик оторопело отодвинулся от него. — Чего вы рукой машете? Какой такой крест?

— Привычка... — Дядя Коля был явно смущен. — Я это... так. А ты иди, иди, иди кого-то провожать, кого-то встречать. А завтра с утра сюда приходи. Потренируемся, и я работу искать отправлюсь. Мяч забери. Это тебе от меня подарок. Бери, бери, у меня еще два есть. Да бери, бери, раз дают.

— Вот спасибо, дядя Коля! У меня еще никогда настоящего футбольного мяча не было. Только где же вы все-таки ночевать-то будете?

— Да где-нибудь! — беспечно отмахнулся дядя Коля. — Ночи теплые, можно и на природе под звездами устроиться. Иди, иди, заждались тебя родные-то.

Но Шурик медлил уходить, о чем-то сосредоточенно раздумывал, склонив набок взъерошенную голову.

— Есть такое дело! — вдруг обрадовался он, вскочил на ноги и несколько раз подпрыгнул. — Попроситесь на ночлег ко мне! Я вам дам угол! Да, да! Папа, мама, дедушка уезжают, а приезжает всего-навсего одна бабушка! Места много!

— А верующая у тебя бабушка-то? Ну, в бога она верит или нет?

— Вот уж не знаю. А почему вас это интересует?

— С верующими мне как-то легче договариваться. Как-никак, я ведь бывший поп.

Кто тут больше растерялся, судить, уважаемые чи-

татели, не берусь: то ли Шурик от неожиданнейшей новости, то ли случайно проговорившийся дядя Коля.

Во всяком случае, Шурик долго таращил на него глаза, а тот виновато и даже стыдливо отворачивался. Наконец дядя Коля пришел в себя, сказал глуховатым голосом:

— Нечего удивляться. Нечего глаза на меня таращить. Был попом, буду вратарем. Попом я был неважным, вратарем буду непробиваемым.

— Попо-о-о-ом?!?!?! — все еще тараща глаза, в крайне крайнем изумлении протянул Шурик. — Так ведь... они во-о-от с такими бородами и усами бывают. Я в кино видал. И волосы у них длиннющие.

— От бороды, усов и лишних влас я избавился. И не пяль ты на меня глаза-то. Ну, был попом... И слава господу, снял с себя сан. Стал обыкновенным человеком. Из-за футбола. Я без футбола жить не могу. Да не пяль ты на меня глаза-то!.. Ну, прошу тебя... Никому только, не дай бог, не проговорись. Смеяться будут — это еще ладно. Но вот если меня из-за этого во вратари не возьмут... не переживу! Вот побожись... то есть дай честное слово, что не проболтаешься.

— Проболтаюсь, дядя Коля поп Попов, — тихо и виновато, подумав, признался Шурик. — Я, конечно, буду очень стараться, но... но ведь так интересно! Поп — вратарь!

— Я не поп! Не поп я больше! — Дядя Коля очень обиделся и не менее того рассердился. — Я ни одного мяча не пропущу! Никогда! Ни одного! Ни за что!

И такая великая убежденность, такая наитвердая уверенность прозвучала в его громовом голосе, что Шурик сказал:

— Вполне может быть. Все может быть. Хотя такого еще и не бывало. Но ведь все равно смешно!

— Что, что смешно?

— А то. Смешно, что вы бывший поп.

— Ничего смешного не вижу, — печально сказал дядя Коля. — Видимо, не так-то просто будет мне проникнуть в футбол. Но ничего, перетерплю. Мне без футбола не жить. Давай, Шурик, беги.

— Бегу, бегу, а то мне здорово попадет. Запомните мой адрес: улица Стахановская, дом семнадцать, квартира шесть. Моя фамилия Мышкин. Я вас буду ждать на ночлег, дядя Коля. Я дам вам угол. Прихо-

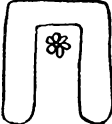
дите, пожалуйста, я вас очень прошу. Если не придете, я буду ужасно волноваться.

— Приду, Шурик, приду обязательно, — дядя Коля погладил его по взъерошенной голове. — Хороший ты человек, Шурик Мышкин. Спасибо тебе. Обязательно приду. Мы с тобой перед сном чайку из самоварчика попьем с шанежками. Иди.

Шел Шурик, и было ему невыносимо грустно, так невыносимо грустно, как еще никогда не бывало. Сами подумайте, уважаемые читатели, всю школьную жизнь ему твердили: «Эх, Мышкин, Мышкин, ты бы мог учиться значительно лучше!», и никто, ни один человек до сих пор не говорил ему самого главного: «Хороший ты человек, Шурик Мышкин!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бабушка Анфиса Поликарповна считает, что это за ней нужен глаз да глаз, а не за ее внуком Шуриком Мышкиным

ридя домой, а если можно употребить такое слово, **ПРИБРЕДЯ** домой после встречи с дядей Колей — бывшим попом Поповым, Шурик уже толком и не слышал, как родные бранят его за опоздание, за чумазое лицо и пыльные ботинки... Пустяки-то какие! Лицо можно вымыть, ботинки можно почистить.

Пусть он немного опоздал, пусть из-за этого родители и дедушка немного понервничали... Но как ему хотелось, как ему требовалось, как ему было просто необходимо сказать примерно следующее:

— Дорогие мои папа, мама и дедушка! Выслушайте хоть один раз внимательно вашего сына и вашего внука. Вы абсолютно правы. Я абсолютно виноват. Но вы когда-нибудь играли в футбол с бывшим попом? Вы когда-нибудь видели попа-вратаря, который берет все мячи? А я видел! А я играл с ним! Это же очень интересно! Знаю, знаю, вам важно только одно: чтобы я стал потомственным абсолютно круглым отличником. А вы знаете, дорогие мои папа, мама и дедушка, что можно быть потомственным абсолютно круглым

отличником, но никто никогда и нигде не скажет тебе: «Хороший ты человек!»? А мне захотелось стать очень хорошим человеком. Понимаете?.. Но я еще пока не знаю, что для этого надо делать...

— Ты, конечно, не мог не огорчить нас, — не сдержавшись, откровенно недовольно пробурчал папа. — В день приезда бабушки Анфисы Поликарповны, в день отъезда папы, мамы и дедушки ты, конечно, не мог не...

Тут папа, опять не сдержавшись, махнул сначала левой рукой, потом правой, а дедушка совершенно устало сказал, с огромным сожалением глядя на внука:

— Он все равно ничего не поймет.

«А я пил чай вприкуску из настоящего самоварчика, — думал Шурик. — Я съел луковицу невероятно больших размеров, у меня из глаз слезы брызгали! Я до того наигрался в футбол, что еле выстоял на ногах. Впервые в жизни мне подарили настоящий футбольный мяч. Правда, мне пришлось спрятать его во дворе, чтобы вы меня не расспрашивали, откуда он взялся...»

— Да все будет хорошо! — по возможности весело сказал Шурик. — Все будет на пять с плюсом. Вот увидите. Отдыхайте себе на здоровье и не беспокойтесь обо мне. Понимаете, один человек назвал меня сегодня хорошим человеком! Да, да! Он так и сказал: «Ты хороший человек, Шурик Мышкин». Понимаете? И ведь я это слышал сам, своими собственными ушами!

— Хороший человек? — недоуменно и недовольно переспросил папа. — Очень расплывчатое понятие. Неточное, во всяком случае. Потомственный абсолютно круглый отличник — это я понимаю. Приведи себя в порядок, и пойдем встречать бабушку.

По дороге на станцию папа скорбно, вернее, подчеркнуто скорбно молчал. Мама с огромным сожалением поглядывала на сына. Дедушка смотрел под ноги и делал это тоже подчеркнуто, а Шурик думал: «Буду я хорошим человеком, обязательно буду».

Когда затрубил приближавшийся электровоз, папа со знакомой Шурику нервностью сказал:

— Очень прошу тебя слушаться бабушку. У нее, мне удалось узнать, нет опыта по воспитанию внуков.

Ей с тобой будет, видимо, невероятно трудно. Постарайся облегчить ее участь.

Седьмой вагон, указанный в телеграмме, остановился прямо против Мышкиных.

— Простите, мы встречаем бабушку, она же, собственно, и мать моей жены... — обратился папа к проводнице, и та в ответ чуть ли не закричала:

— Спит ваша бабушка! Она же, собственно, и мать вашей жены, спит! Два часа ее всем купе будили! А она не просыпается! Не желает просыпаться! А стоянка всего четыре минуты! Идите, будите!

Действительно, бабушка Анфиса Поликарповна крепко спала, широко и добродушно улыбаясь во сне.

— Не просыпается! Не просыпается! Никак не просыпается! — взволнованно сообщили пассажиры в купе. — Она здесь останется, а поезд пойдет!

— Мама! Мама! — стал торопливо будить ее папа. — Да проснитесь же! Поезд стоит всего четыре минуты, а полторы минуты уже прошло! Проснитесь, мама! До отхода поезда осталось всего две минуты!

— Ничего, ничего, подождет, — сладко и громко зевнув, ответила бабушка Анфиса Поликарповна и открыла глаза. — К вашему сведению, я никогда никуда не спешила и поэтому спокойно достигла возраста семидесяти шести лет.

Пассажиры и папа суматошно помогали ей собирать вещи, а она сидела и всех успокаивала:

— Да не спешите вы, пожалуйста. Торопиться — это чрезвычайно вредно для нервной системы человека. Никуда этот поезд не уедет, пока я с него не сойду.

— Он уже гудит! — испуганно крикнул Шурик.

— Да пусть себе гудит, сколько хочет, — беспечно отмахнулась бабушка Анфиса Поликарповна. — Это он просто пугает слабонервных. А у меня нервы крепкие, прямо-таки железные. На них никто и ничто не действует. Не торопитесь, не суетитесь, пожалуйста. Этим вы только мешаете друг другу. Желаю вам, милые мои попутчики, счастливого пути, здоровья, бодрости, хорошего аппетита...

— Мама-а-а-а-а! — взмолился папа не своим голосом.

— Советую вам, мои милые попутчики, никогда никуда не спешить. Вообще живите так...

— Мама-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Еле-еле успели сойти на перрон, и поезд тронулся с места, а проводница крикнула:

— Никогда еще такой засони не видела!

Бабушка Анфиса Поликарповна спокойно объяснила:

— Сон продляет человеку жизнь. Чем больше спишь, тем дольше живешь. А укорачивают жизнь любые волнения, в том числе и самые пустяковые... Что у вас сегодня на обед?

— Не знаю, — ответил папа. — Какая-то еда. Но в честь вашего приезда, мама.

— Питаться надо разумно и вкусно, регулярно и калорийно, — сказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Я придаю еде большое значение.

Была она невысока ростом, полновата, но подвижна, легко катилась, как колобок, и без умолку говорила:

— Обожаю разумный образ жизни. В этом я ни на кого не надеюсь. Устраиваю себе жизнь сама. Ни в чем себе не отказываю. Не замечаю, кстати, своих лет. Терпеть не могу, когда меня называют бабушкой. Я жизнерадостна и свободолюбива!

С каждым ее словом папа мрачнел все больше и больше, а Шурик тоскливо думал о том, что же его теперь ждет.

Когда пришли домой, бабушка Анфиса Поликарповна сразу начала командовать, и все старательно, торопливо выполняли ее неторопливые указания. Никто сначала этого и не заметил: просто все бежали, суетились, мешали друг другу, а бабушка Анфиса Поликарповна повторяла:

— Да не волнуйтесь вы, не волнуйтесь. Да не спешите вы, не спешите.

Наконец сели за стол. Дедушка сказал довольно наставительным тоном:

— За Шуриком, уважаемая Анфиса Поликарповна, нужен глаз да глаз.

— И не подумаю! — весело отозвалась она. — Это за мной нужен глаз да глаз. Ведь я нахожусь на пенсии, то есть на заслуженном отдыхе. Вот и сюда я приехала отдыхать.

— Но, мама! — воскликнула мама. — Я же писала тебе, что Шурик отбился от рук, стал плохо учиться...

— Это его личное дело. Мне, пожалуйста, еще тарелочку этого превосходного супа. Отбилась от рук? А мне-то что? Плохо учиться? А при чем здесь я?

— Я ничего не понимаю, — растерянно проговорил папа, все еще не притронувшись к супу. — По нашей договоренности с вами, Шурик остается у вас на руках...

— У? Меня? На? Руках? — Бабушка Анфиса Поликарповна совершенно откровенно рассмеялась, почти расхохоталась. — Он что? Грудной младенец? Или ясельного возраста? Суп действительно выше всяких похвал. Только лаврового листа я бросила бы чуть поменьше. Вы, дорогие мои, не волнуйтесь и не спешите с выводами. Все у нас с внуком будет в полном ажуре, если он более или менее нормальный человек. И не я, конечно, буду за ним ухаживать, а — он за — мной! Я ему не нянька, а бабушка со стороны матери. Обеда готовить он умеет? Ну, самый обыкновенный суп он сварить, я надеюсь, может?

Тишина — в ответ.

В ответ — тишина.

Ее, тишину, удивленным голосом нарушила бабушка Анфиса Поликарповна:

— И полы он мыть умеет? Ну, если плюс ко всему этому он способен погладить себе рубашку и брюки, то мы с ним прекрасно проведем время.

Ах... ах... ах, какая наступила тишина...

Папа молчал нервно.

Мама молчала растерянно.

Дедушка молчал грозно.

Шурик молчал с интересом.

Бабушка Анфиса Поликарповна молчала с любопытством.

— Он же еще ребенок! — испуганно воскликнула мама.

— Не отрицаю. А соуса у вас не приготовлено?

— У нас нет никакого соуса! — в высшей степени нервно ответил папа. — А может быть, у нас и есть соус! К вашему сведению, мама, ребенок должен не обеда готовить, не полы стирать и не белье мыть, то есть, наоборот, а учиться!

— Чему учиться? — поинтересовалась бабушка Анфиса Поликарповна, принимаясь за жаркое. — Чему учиться?

— На одни пятерки!

— Я спросила, не на ЧТО он учится, а ЧЕМУ он учится. И учтите, что с соусом жаркое было бы значительно вкуснее. Мне еще кусочек, пожалуйста. Мальчик должен вырасти настоящим мужчиной, а настоящий мужчина должен уметь все делать сам, чтобы ни от кого не зависеть, в том числе и от бабушек. Шурик — будущий мужчина...

— Но учеба, учеба, учеба! — сердито и принципиально перебил папа. — Мы мечтали, чтобы он вырос потомственным абсолютно круглым отличником.

— Я готова к сладкому, — сказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Будет он у вас каким угодно отличником, если вы перестанете трястись над ним. Он у вас совершенно затумканный.

— Это как прикажете понимать? — совсем оторопело спросил папа.

— Затумканный. Ну, очень уж несамостоятельный. Словно пришибленный какой-то. Вполне мог нести с вокзала мой чемодан. Нет, ему даже этого не доверили.

— Он маленький, мама, — сквозь зубы процедил папа.

— Тем более! Даже маленького чемодана вы ему не доверили.

— Да ребенок маленький, а не чемодан! — очень рассердился папа. — Его главная и единственная задача — отлично учиться!

— Чудесный компот, — похвалила бабушка Анфиса Поликарповна, — правда, сахару чуть-чуть переложили. Что это за мальчишка? Не бегает, не прыгает, ни разу никому не показал язык! Не сказал ни одной глупости! Но и умного тоже ничего не сказал. Затумканный, затумканный, затумканный!

— Простите меня, уважаемая Анфиса Поликарповна, — мрачным, глухим голосом сказал дедушка, — но вам нельзя доверять воспитание ребенка.

— Это вам нельзя, я бы сказала, категорически нельзя доверять воспитание ребенка, — спокойно возразила бабушка Анфиса Поликарповна, налив себе еще чашку компота. — Шурика вы просто пере-за-воспитали. Пере-старались. Ему надо отдохнуть от воспитания и учебы. Скажи мне, внук, чего ты больше всего желаешь?

— Не знаю, — тихо и виновато ответил Шурик. — Очень много я желаю.

— Тогда неплохо. Я постараюсь, чтобы большинство твоих желаний исполнилось! — Бабушка Анфиса Поликарповна подмигнула Шурику. — Но и о своих желаниях я, естественно, не забуду. Внук, ты должен научиться варить такой прекрасный компот! Ты ведь можешь быть круглым или еще каким тамнибудь отличником?

— Конечно, могу. Потомственным абсолютно круглым. Если отдохну.

— Вот, вот! А я приложу все усилия, чтобы ты захотел стать еще и хорошим человеком.

— Я очень хочу стать хорошим человеком! — воскликнул Шурик умоляюще. — Даже очень хорошим человеком!

— Великолепно, великолепно, — устало похвалила бабушка Анфиса Поликарповна. — Великолепно, что ты хочешь стать очень хорошим человеком. Можно считать, что о главном мы с тобой договорились. Дети, как известно, это будущие взрослые. Но пусть они, дети, пока еще не стали взрослыми, бегают, прыгают, набивают шишки, получают изредка синяки под оба глаза и прочее. Я сама была абсолютно круглой отличницей. Но я умела не только учиться. Понимаете? Учение надо любить. Лишь тогда от него будет польза и радость. А вы, говоря стихами, к учению внушили мальчику отвращение.

— Не понимаю, не понимаю, отказываюсь понимать! — Папа быстро и взволнованно зашагал по комнате. — Ребенок должен учиться! Именно для этого, только для этого он и появился на свет!

— Ребенок должен жить, — улыбаясь Шурику, возразила бабушка Анфиса Поликарповна, — именно для этого и только для этого он и появился на свет — жить! Он должен расти сильным, смелым, задорным, веселым! Он должен быть мастером на все руки, а если он еще и играет в футбол, то и — мастером на все ноги! Компот очарователен!

— Нам пора на поезд. — Дедушка с трудом поднялся из-за стола. — Я уезжаю в ужасном состоянии.

— Может, нам лучше остаться? — почти трагическим голосом спросила мама.

— Тогда уж лучше мне уехать, — весело предло-

жила бабушка Анфиса Поликарповна, — а то вчетвером мы совсем за-ез-дим бедного Шурика.

— Прощу внимания! — громко и грозно сказал папа. — Объясните нам, мама, почему вы противопоставляете задачи воспитания и обучения всей остальной жизни? Почему вы отрицаете ведущую роль учебы в жизни ребенка?

— А мы спросим об этом внука, — предложила бабушка Анфиса Поликарповна. — Слушаем тебя, внук.

— Я говорил им, чтобы они не волновались, — тихо и виновато ответил Шурик. — Я говорил им, что все будет хорошо. Я отдохну и с новыми силами примусь за учебу.

— Чего же вам еще надо?! — поразились бабушка Анфиса Поликарповна. — Ребенок мыслит абсолютно здраво.

— Я надеюсь на тебя, мама, — неуверенно произнесла мама. — И, пожалуйста, отвечай на мои письма. Нам пора на поезд.

— Провожать вас, с вашего разрешения, я не пойду, — сладко зевнув, сказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Я лучше вздремну. Письма я писать не люблю и не буду. А вот Шурик будет подробно описывать нашу жизнь. Счастливого вам пути, дорогие. Ни о чем не беспокойтесь.

Расставание было печальным, одна гостья была веселой.

Дорога на станцию показалась Шурику невероятно длинной, потому что все удрученно молчали и вздыхали иногда по очереди, а иногда враз.

И поезд не приходил невероятно долго.

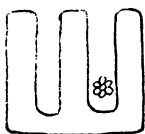
— Не волнуйтесь за меня, пожалуйста, — сказал Шурик, — я буду вести себя нормально. Вы будете мною довольны.

А когда поезд ушел, Шурик почувствовал себя настолько одиноким, что подумал: «Может, зря я захотел свободной жизни? Может, лучше бы было, если бы никто никуда не уезжал, а я все лето опять бы учился?»

Домой он побрел медленно, словно ему не хотелось туда возвращаться. Но он вспомнил, что вечером к нему придет проситься на ночлег дядя Коля — бывший поп Попов, и сразу повеселел.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дядя Коля видит подозрительный сон, в котором он, бывший поп Попов, встречается с самим господом богом, оказавшимся неплохим специалистом в вопросах развития современного футбола и пытавшимся пробить по воротам дяди Коли пенальти

урик Мышкин убежал домой, а дядя Коля, снова вскипятив самоварчик и неторопливо его осушив, то есть выпив, собрал свои вещи, прилег на травку и опять уснул на самом солнцепеке, и опять богатырским сном.

Уж лучше бы он и не ложился спать!

Такой он увидел сон, что мучился им потом...

Поразительный это был сон.

Но прежде чем этот сон описывать, должен я, уважаемые читатели, уточнить с вами одно немаловажное обстоятельство. Нам-то с вами легко: мы-то знаем, что сейчас дядя Коля увидит сон. Но ведь сам-то бывший поп Попов, когда окажется в поразительном сне, не будет знать, что это сон, а станет по-настоящему, очень серьезно все увиденное переживать.

А приснилось ему вот что и вот К Т О...

Будто бы оказался он, дядя Коля, в совершенно неизвестном месте, но чем-то удивительно знакомом.

Дядя Коля огляделся, пригляделся, еще раз огляделся, снова пригляделся и чуть не ахнул от страха и восторга: ОН БЫЛ НА НЕБЕ! Да, да, он был на небе, на большом, этак с половину футбольного поля, облаке.

А вверху, а внизу, а кругом, а везде — было небо, одно сплошное небо...

Боясь пошевелиться, чтобы не провалиться сквозь облако, дядя Коля все оглядывался и оглядывался, присматривался и присматривался, но — ничего не видел, кроме беспредельного неба и облаков.

«Что же это такое со мной происходит? — очень испуганно подумал дядя Коля. — Преставился, что ли? Помер я то есть? И вот душа моя вознеслась на небо, что ли?!»

Не мог он поверить, что умер, ведь совсем недавно он был совсем здоровым, вратарем знаменитым собирався стать... И вдруг ноги у дяди Коли подкосились

от ужаса. Подумалось ему, что это господь бог наказал его за то, что он, дядя Коля, перестал верить в него, в господа бога!

Дескать, вот тебе за это!

Не бывать тебе вратарем, если попом быть не захотел!

От сознания столь тяжелой вины бывший поп Попов чуть не грохнулся на колени, чтобы помолиться, да испугался: не провалиться бы сквозь облако-то!

Ну, а что дальше-то делать?

Так вот и стоять истуканом?

Ведь и присесть даже не на что!

И не успел дядя Коля самому себе ответить на свой вопрос, как услышал знакомый торопливый голос спортивного комментатора:

— Идет сорок вторая минута первого тайма... Счет не открыт. Ноль : ноль. Веремеев стремительно продвигается по левому краю. К нему бросаются сразу двое защитников. Он посылает мяч направо, к центру. К мячу спешит Блохин. Он обводит одного защитника, второго... Гол!

— Го-о-о-о-ол! — раздались в небесах радостные детские голоса. — Один : ноль, ведет киевское «Динамо»! Ура-а-а-а!

Наступила тишина. Можно сказать, наступила небесная тишина, и дядя Коля явственно услышал шелест крыльев, поднял голову и увидел, что сверху к нему спускаются два ангела. В руках у одного из них был транзисторный приемник.

Это были даже и не ангелы, а этакие ангелята, мальчики, если можно так выразиться, лет по десяти, одетые — бывший поп Попов глазам своим не поверил! — в белые футболки с буквой «Д» на груди и голубые трусы.

Ангелята опустились рядом с дядей Колей и радостно крикнули:

— Физкульт-привет!

— Привет... привет... физкульт... физкульт, — еле выговорил от изумления дядя Коля, отметив, что один ангеленок рыжий, другой — черноволосый, на ногах у них гетры и настоящие футбольные бутсы.

Черноволосый ангеленок предложил:

— Поторопимся, сын божий, а то мы опоздаем к началу второго тайма.

Сколько ни был растерян и ошеломлен дядя Коля, он пересилил себя и спросил:

— Куда торопиться, божьи детки?

Рыжий ангеленок ответил:

— Мы должны были доставить вас к господу, но вы оказались очень уж тяжелым, а мы опаздывали на трансляцию матча. Вот и оставили вас на этом облаке. Полетели!

Ангелята взяли вконец обескураженного дядю Колю под руки, шумно помахали крыльями, словно пробуя их силу, и взмыли вверх, и полетели вперед, в беспредельное голубое пространство.

«Доставить к господу... господи! — с большим испугом думал дядя Коля. — Господи... доставить к господу!»

Ангелята летели небыстро, плавно, через некоторое время дядя Коля немного успокоился и спросил:

— А с кем играет киевское «Динамо»?

— А-а, с московским «Торпедо»! — презрительно ответил рыжий ангеленок. — Слабенькая команда!

— Киевляне — команда мирового класса! — с гордостью воскликнул черноволосый.

«Святых небес достиг футбол», — с благоговением подумал дядя Коля, а вслух сказал:

— Я верую в «Торпедо».

Тут ангелята так громко и долго хихикали, далеко закинув головы — рыжую и черную — назад, что едва не выпустили из рук дядю Колю.

Еле-еле справившись с хихиканьем, рыжий ангеленок проговорил серьезно:

— Господь простит тебе, раб божий, заблуждение.

Черноволосый ангеленок добавил:

— Милосердие господя безгранично, но пора бы знать силу киевского «Динамо». Идем на посадку!

Они медленными и плавными кругами стали снижаться на большое, размерами в несколько футбольных полей облако, осторожно поставили на него дядю Колю.

Всего он ожидал здесь, на небе, самого невозможного, немыслимого, невообразимого, недоступного простому человеческому уму, но то, что увидел бывший поп Попов здесь, на небе, заставило его в полнейшем изнеможении покачнуться и с большим трудом удержаться на мгновенно ослабевших ногах.

Дядя Коля оказался перед... цветным телевизором! Да, да, перед обыкновенным ЗЕМНЫМ цветным телевизором, на экране которого волк мчался за зайцем в одной из серий мультика «Ну, погоди!»

А перед телевизором полукругом, тесно прижавшись плечиками друг к дружке, сидели ангелята, штук этак двадцать.

Увидев ангелят-приятелей и дядю Колю, они загалдели:

- Да не сюда его!
- К господу ведь велено!
- Опять вы все перепутали!
- А попадет нам всем!
- Играть не дадут!
- К господу его, к господу!
- Скоро второй тайм начнется!

И все ангелята — штук этак двадцать — нестройным хором прокричали:

- К господу его, к господу!

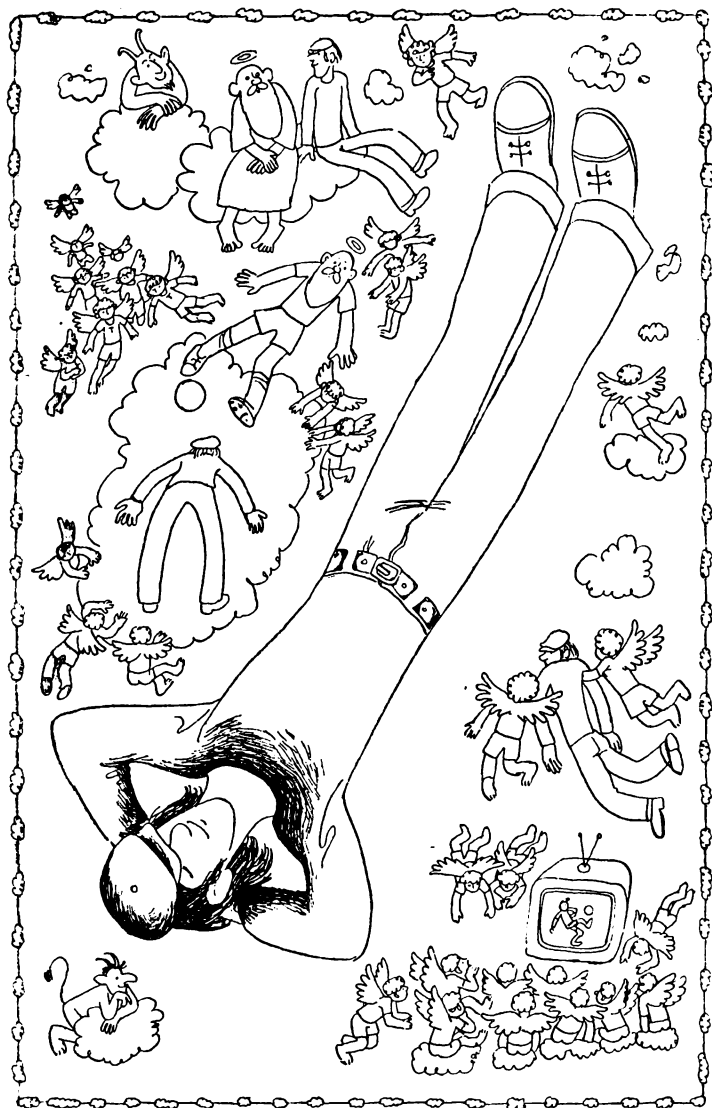
Рыжий и черноволосый подхватили ошеломленного бывшего попа Попова под руки и заставили бежать, затем влетели с ним на гору из облака и...

...и упал бывший поп Попов от неожиданности, благоговения и страха на колени, громко и исступленно повторяя:

- Слава тебе, господи! Слава тебе, господи!
- Встань, сын мой, — устало проговорил господь бог, — или, еще лучше, сядь. А вы, мелкие хулиганы, — обратился он к ангелятам, — марш к телевизору. За безобразное отношение к своим ангельским обязанностям вы мне потом ответите!

Когда ангелята, радостно взвизгнув, исчезли, господь бог присел на облако рядом с дядей Колей и виноватым голосом объяснил:

— Никакой дисциплины среди юного ангельского поколения. В голове у них футбол, прости меня, господи, как говорится. Хорошо еще, что в хоккей играть не могут — крылья ломают. Вот кончат смотреть телевизор, начнут мяч гонять до полного, я тебе скажу, изнеможения. — Господь бог помолчал и еще более виноватым голосом продолжал. — А меня судить заставят тоже до полного изнеможения. Но способные есть игроки... Эх, если бы нам сюда, на небеса, хорошего тренера!

— Господи! — воскликнул дядя Коля. — Прости меня, грешного, но ведь все в твоих руках, господи! Ты весь мир сотворил!

— Но футбол придумал не я. И потом, сын мой, в спорте надо быть честным. Побеждает достойный. — Господь бог опять помолчал. — Знаешь, Коля, захотелось пожить по-человечески. Ведь на каждый чемпионат мира по футболу собираюсь. Но все дела, дела, дела, заботы всякие... Трудно совместить божеское с футболом. Вот и не обижаюсь, не сержусь, не гневаюсь, что бросил ты меня. Счастливой тебе дороги в большой футбол.

— Господи! — взмолился дядя Коля, упав на колени. — Неужели ты, всемогущий, не властен...

— Над футболом — нет! — строго оборвал господь бог. — Я тебе не какой-нибудь джин из кувшина. Не желаю вмешиваться в дела футбольные. А то давным-давно чемпионом мира стало бы московское «Торпедо», прости меня, грешного, как говорится!

— Да ну?! — дядя Коля, очень пораженный, так и сел. — А ваши ангелята...

— Разумом они пока еще слабы! — грозно произнес господь бог, помолчал, вытянув шею, к чему-то прислушиваясь, вздохнул, опустил голову. — Киевляне второй гол забили... Болеть надо, сын мой, не за ту команду, которая в данном сезоне преуспевает, а за ту, которую полюбил всем сердцем раз и навсегда.

— Так ведь и я за «Торпедо», господи!

— Перспективная команда, — господь бог удовлетворенно кивнул. — Играет, правда, нестабильно. Много доставляет нам, болельщикам, и радостей и, увы, огорчений.

— Господи, господи! Но вы-то как... это... ну... как вы-то болельщиком стали?

Господь бог поправил нимб над головой, почесал затылок, ответил неохотно:

— По-моему, это все сатана подстроил. До сих пор никто не знает, как у нас в небесном царстве оказался цветной телевизор. И кто его включил в то самое время, когда транслировался футбольный матч.

— А куда вы его, телевизор-то, включаете?

Господь бог обиженно поджал губы и скромно ото-звался:

— Ну, это я как-нибудь умею... Но, сын мой, к

делу. Тебя я вызвал вот для чего. Кой-какие навыки тренерской работы у меня есть. Литературу специальную, журналы, газеты спортивные читаю довольно регулярно... И вот что ты должен, так сказать, бывший сын мой, уразуметь. Я не стал карать тебя за то, что ты отрекся от меня.

— Прости, господи!

Отмахнувшись, господь бог продолжал:

— Ты решил стать футболистом. Я лично буду следить за каждым твоим шагом, и, как говорится, не дай бог тебе разгневаться меня равнодушным отношением к игре. Или ленью на тренировках. Футбол требует от спортсмена полной отдачи сил, — назидательно говорил господь бог. — Ты всегда обязан быть в отличной спортивной форме. Я имею в виду, конечно, не трусы и майку, а состояние твоих моральных и физических качеств.

— Клянусь, господи, всегда быть в отличной спортивной форме!

— Далее. При твоём росте и весе, как говорится, дай бог каждому, у тебя почти совершенно нет прыгучести.

— Правильно, господи! Будет у меня прыгучести!

— Развивай цепкость пальцев, — наставлял господь бог. — Чтобы мяч был в них как приклеенный. Не дай бог, как говорится, выпускать мяч из рук.

— Повинуюсь, господи! Не случится такого!

— Осторожнее и разумнее действуй на выходах. Но и не бойся покидать ворота, если это необходимо. Внимательно изучи книгу Льва Ивановича Яшина «Записки вратаря». Учись у него не только технике и тактике, но и честному, бескорыстному, беззаветному служению отечественному футболу.

— Твоя воля, господи!

— И еще! — сурово продолжал господь бог. — Специально работай над взятием одиннадцатиметровых ударов. Чтобы они стали для тебя обычным делом.

— Так и будет, господи!

— И последнее. На производстве или, вообще, куда поступишь работать, будь примером для других. Это тоже закон спортивной жизни. Тебе, безбожнику, многому придется учиться заново. Можешь не верить в меня, — господь бог уныло махнул рукой, — но не

забывай моих советов. Они скорее просто спортивные, чем божеские.

— Я твоих советов вовек не забуду, — с благодарностью в голосе сказал дядя Коля.

— Дай-то бог, как говорится, — грустно ответил господь бог. — А сейчас пойдем немного разомнемся... — Он встал, прислушался, вытянув шею. — Вот и «Торпедо» отквитало один гол!.. Играть мне с моими ангелятами неудобно, но когда их нет, мы с одним апостолом отрабатываем одиннадцатиметровые. Он — в воротах, я — бью.

Люб дяди Коли мгновенно покрылся очень холодным потом. Только представьте себе, уважаемые читатели: сейчас ему, хоть и бывшему, но попу, слуге господню бывшему, будет бить по воротам сам господь бог.

В совершенно страшном смятении дядя Коля и не заметил, как оказался между стойками, а в одиннадцати метрах от него перед мячом, в торпедовской форме, правда, с нимбом над головой, предстал господь бог.

— Готов, сын мой? — спросил он.

В горле у дяди Коли до того пересохло, что он даже и не попытался ответить, лишь судорожно кивнул несколько раз.

Господь бог отошел далеко от мяча, поправил нимб над головой, решительно двинулся вперед, занес для удара ногу и...

...и...

...и дядя Коля проснулся!

Проснулся он весь в очень холодном поту, долго не понимал, где он, что с ним, и даже некоторое время не мог никак сообразить, кто он.

Сначала дядя Коля вспомнил, кто он такой, затем догадался, где он находится, и только после этого осознал, что спал и видел поразительный сон. Сам господь бог собирался ему бить по воротам! По воротам ему бить собирался сам господь бог!

А вот что интересно... Интересно вот что...

Дядя Коля вскочил на ноги.

Интересно: пропустил бы он гол или нет?

В великом смятении дядя Коля взглянул на небо и еле слышно, но в высшей степени страстно прошептал:

— Господи, был бы гол или нет?

Конечно, с неба ни ответа ни привета. А дядя Коля не мог успокоиться.

Эх, как жалко, что он не вовремя проснулся!

А что, если снова заснуть?

Сказано — сделано. Дядя Коля рухнул на траву во весь свой богатырский рост, крепко-накрепко закрыл глаза и даже попытался храпеть. Но чем крепче он жмурил глаза, чем громче старался храпеть, тем яснее становилось, что ему сейчас ни за что не заснуть и уже никогда не узнать, взял бы он или не взял пенальти от самого господа бога!

Грустно стало дяде Коле, а потом даже и тяжело. Но пора было идти к Шурику Мышкину, хорошему человеку, обязательно рассказать ему о поразительном сне и задать невероятно важный для дальнейшей судьбы дяди Коли вопрос:

— А забил бы или нет мне одиннадцатиметровый сам господь бог?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Самый ужасный конфуз, обнаруженный бабушкой Анфисой Поликарповной. Появление футбольного тренера Жоржа Свинкина, личности предельно подозрительной и на редкость хитрой

И мы, уважаемые читатели, вместе с дядей Колей спустимся, как говорится, с небес на грешную землю.

— Никаких попов, даже бывших! — весьма возмущенно сказала бабушка Анфиса Поликарповна.

— Он уже давно не поп, а будущий вратарь, — упавшим голосом возразил Шурик. — Он станет замечательным футболистом.

— И футболистов никаких! — еще более возмущенно заявила бабушка Анфиса Поликарповна. — Пустить в квартиру на ночь попа, вратаря и футболиста! Ужас!

— Ужаса никакого, — еще более упавшим голосом возразил Шурик. — Бывший поп, вратарь и фут-

болист — это один дядя Коля. У него самоварчик есть, соленые огурцы, луковицы во-о-о такие, сало...

— Сало я в пищу не употребляю! — презрительно оборвала его бабушка Анфиса Поликарповна. — Ты лучше подумай, дорогой внучек, чем мы с тобой будем полдничать и ужинать. Неужели скудными остатками обеда? А что у нас завтра на завтрак?

— Тогда я уйду с ним, — нерешительно проговорил Шурик, — я не могу бросить его одного. Ему негде ночевать. Я пригласил его — и вдруг... Нет, нет, он будет ночевать здесь! Я обещал!

— А я тогда вызову милицию, и заберут твоего поповского вратаря куда следует. И уж точно выяснят, поп он, вратарь или обыкновенный жулик.

— Вы не имеете права так говорить! — Шурик вскочил и даже очень крепко сжал кулаки. — Вы его в глаза не видели! А он, дядя Коля, замечательный человек!

— О, у тебя, дорогой внук, оказывается, есть характер! — с большим уважением заметила бабушка Анфиса Поликарповна. — Это замечательно. А то, что дядя Коля, твой бывший поп, замечательный человек, меня не касается. Что будет, если все замечательные люди станут приходить к нам ночевать?

— Я уйду с дядей Колей искать ему ночлег, — совсем тихо и не совсем твердо произнес Шурик.

— Пожалуйста, пожалуйста, уходи, уходи, — бабушка Анфиса Поликарповна явно обиделась. — Уходи, пожалуйста, уходи, — насмешливо продолжала она, — а я посмотрю. Я люблю, я обожаю смотреть, как люди делают глупости... Интересно, а чем я буду питаться, когда ты уйдешь? Ты об этом подумал?

Хотел Шурик в сердцах ответить, что это его ни-сколечко не касается, но сообразил, что грубить старшим нельзя, и сказал:

— Чем вы будете питаться? Питаются пищей.

— А я и не знала! — Бабушка Анфиса Поликарповна гордо и оскорбленно поднялась. — Где тут нам с тобой оставленные деньги? Мы их с тобой разделим, дорогой внук, на две равные части и будем отдельно друг от друга питаться пищей. Итак, где оставленные нам с тобой деньги?

— Понятия не имею, — Шурик пожал плечами. — А у вас разве нет денег?

— Немножко есть. Но слишком мало. Неужели они, твои родители, ничего не говорили тебе о том, на какие деньги мы будем с тобой питаться пищей?

Шурик отрицательно помотал взъерошенной головой.

— Какой конфуз! — жалобно и возмущенно воскликнула бабушка Анфиса Поликарповна. — О! — Она в бессилии опустила на стул. — Это что же такое получается?! Смерть от голода... Шурик, что ты как воды в рот набрал? Я чуть не упала от ужаса, а ты даже не пошевелился!

— Я не знал, что вы собираетесь падать, — уныло ответил внук. — Скоро придет дядя Коля, и мы с ним пойдем куда-нибудь искать ему угол.

— Нет, нет, дорогой внук, никуда ты не пойдешь, пока мы с тобой не найдем выхода из создавшегося положения... Ну, почему ты молчишь?

— А что мне говорить?

— Скажи, например: бабушка, успокойся.

— Бабушка, успокойся, пожалуйста.

— Вот, мне сразу стало легче. А я и не беспокоюсь, внучек. Я просто злюсь. Вместо отдыха — самый ужасный конфуз! Но будем действовать. Обыщем в квартире каждый уголок. Постараемся обнаружить деньги. Предположим наиболее страшное: денег мы не найдем. Тогда будем ждать письма от твоих преступно забывчивых родителей... Но ведь за это время мы можем погибнуть с голоду. — Бабушка Анфиса Поликарповна очень тяжело передохнула. — Остается еще одно: ждать твоего поповского вратаря. Если он не вызовет у меня особых подозрений, пусть ночует. А я впервые в жизни поем сала.

Шурик от радости пискнул и запрыгал по комнате, но бабушка Анфиса Поликарповна остановила его грозным голосом:

— Прекрати радоваться раньше времени! Дня два-три-четыре мы продержимся. Дальше — мрак, неизвестность, голод. Ты не знаешь, сколько времени человек может прожить без пищи? Не знаешь. А я забыла. Нам придется лежать и не двигаться, чтобы экономить силы... Сначала я иду на проверку запасов продовольствия, затем будем разыскивать деньги.

Она стремительно ушла на кухню, а Шурик запрыгал по комнате: ведь скоро придет дядя Коля,

который считает его, Шурика Мышкина, хорошим человеком!

Из кухни раздался голос бабушки Анфисы Поликарповны:

— Конфуз, честное слово, конфуз! Самый ужасный конфуз! От обеда, оказывается, ничегошеньки не осталось! Только вот компот остался, но я его уже допила! Посуду не вымыли! Рассчитывали, что это сделаю я! А я уже семнадцать с половиной лет не мыла посуду! Кошмар! Я безумно хочу есть! Я скоро упаду в обморок — и очень глубокий обморок — от голода! — Она вошла в комнату, остановилась в дверях, покачнулась. — Ты умеешь ходить в магазин?

— Конечно, — подумав, ответил Шурик. — С мамой. Или с папой. Или с бабушкой.

— Кошма-а-а-ар... — Бабушка Анфиса Поликарповна медленно дошла до дивана, легла, зашептала: — Сначала я росла избалованной дочерью, затем — избалованной женой, а последние семнадцать с половиной лет — избалованной бабушкой. Я умею только руководить. Но для этого мне нужны умные, опытные, знающие подчиненные. А как же руководить тобой, если ты, как я, ничего не умеешь делать?.. Скорее бы пришел твой вратарский поп или поповский вратарь! Ведь он-то уж наверняка может сходить в магазин! Учти, что если я минут через двадцать девять не приму пищу, то упаду в очень глубокий обморок!

— Придумал! — радостно крикнул Шурик. — Придумал! А... а... а холодильник?

— Ты гений, внучек! — еще радостнее крикнула бабушка Анфиса Поликарповна и так же радостно села. — Я обшарила всю кухню, а на холодильник не обратила внимания. Вперед, к еде!.. Шурик, Шурик! — звала она уже из кухни, и, когда внук пришел за ней следом, растерянно спросила: — Ты не знаешь, каким образом делают яичницу с колбасой? А?

— Мама говорит, что нет ничего проще.

— Это я тоже знаю. Вообще-то можно поесть колбасу и так. Но жаренная с яичницей она полезнее и вкуснее!.. Вот что, дорогой внук, — бабушка Анфиса Поликарповна ненадолго, но довольно глубоко призадумалась. — Быстренько иди к соседям и разузнай, как именно готовят яичницу с колбасой. Только ничего не перепутай. Учти, что моя жизнь в твоих руках.

Через двадцать семь с половиной минут я, по всей вероятности, упаду в невероятно глубокий обморок от недоедания.

Вышел Шурик на лестничную площадку и остановился в нерешительности: к кому же из соседей идти? Поразмыслив, он отправился в соседний подъезд к тете Варваре — мама всегда обращалась к ней за советами по разным кухонным делам.

Тетя Варвара, очень высокая, худощавая старушка, которая ни секунды не сидела без дела, непрестанно суежилась, выслушала Шурика и поразились:

— Тебя одного, что ли, оставили?!

— Нет, с бабушкой. Она сегодня приехала. Она страшно хочет есть, но, как я, тоже ничего не умеет готовить. Она, как я, помнит только, как надо есть. И примерно минут через двадцать пять от недоедания упадет в невероятно глубокий обморок.

Когда тетя Варвара сердилась, она говорила басом. Вот и сейчас она пробасила:

— Это еще что за чудо-юдо морское к тебе вместо бабушки приехало?! Которое яичницу с колбасой готовить не способно?! Да ведь такую тунеядницу по телевизору показывать надо! Детей бедных там все время критикуют! А тут бабушка — тунеядка ленивая! А в остальном-то она нормальная?

— Она интересная, — ответил Шурик.

— Чем же это она интересная? — возмущенно пробасила тетя Варвара. — Тем, что может тебя с голоду уморить? Подумать ведь страшно: родная бабушка и... тунеядница! Чудо-юдо морское! Может, она чем-то болеет?

— Нет, нет, она очень здоровая, но без пищи долго жить не может.

Минут девять таким басом возмущалась, удивлялась, поражалась, сердилась, негодовала и металась по кухне тетя Варвара, а Шурик, склонив на бок взъерошенную голову, уныло думал о том, что время идет, минуты мелькают и бабушка Анфиса Поликарповна вот-вот упадет в невероятно глубокий обморок от недоедания. Но остановить тетю Варвару, метавшуюся по кухне, он не мог, сколько ни пытался.

Только раскроет он рот, чтобы напомнить о своей голодной бабушке Анфисе Поликарповне, как тетя Варвара грозно пробасит:

— По-мол-чи! — И продолжает возмущаться, удивляться, поражаться, сердиться, негодовать и метаться по кухне.

И, набравшись смелости, Шурик громко перебил:

— Она уже! Она уже в невероятно глубоком обмороке от недоедания! Двадцать семь с половиной минут прошло! Спасайте!

— И не подумаю! — Бас тети Варвары стал угрожающим. — Я всю жизнь с детским тунеядничеством боролась. Теперь буду бороться с бабушкиным тунеядничеством. Может, еще удастся ее перевоспитать! Пусть твое чудо-юдо морское, — бас тети Варвары стал еще более угрожающим, — само сюда придет. Я ему покажу, как яичницу с колбасой жарить! Я ему покажу, чуду-юду этакому!

— Тетя Варвара! — взмолился Шурик. — Ее не перевоспитывать, а кормить надо! Вы, пожалуйста, боритесь с любым тунеядничеством сколько вам угодно, но ведь моя-то бабушка лежит в невероятно глубоком обмороке от недоедания! Мне ее накормить надо немедленно!

— Ничего, ничего, ничего с твоей родной лентяйкой не сделается. Лентяи долго живут. Пусть сама ко мне приходит. Я ее отучу при родном внуке в обморок от недоедания падать. Посылай ко мне свою тунеядку.

Домой Шурик возвращался как можно медленнее, напряженно соображая, как передать решение тети Варвары. И ничего, конечно, придумать не мог.

Подойдя к дверям своей квартиры, Шурик уловил за ними густой запах съестного.

Открыв двери, бабушка Анфиса Поликарповна неимоверно радостно сообщила:

— Твой вратарь — великолепный кулинар. Мы съели уже одну сковородку! Вкуснота необыкновенная!

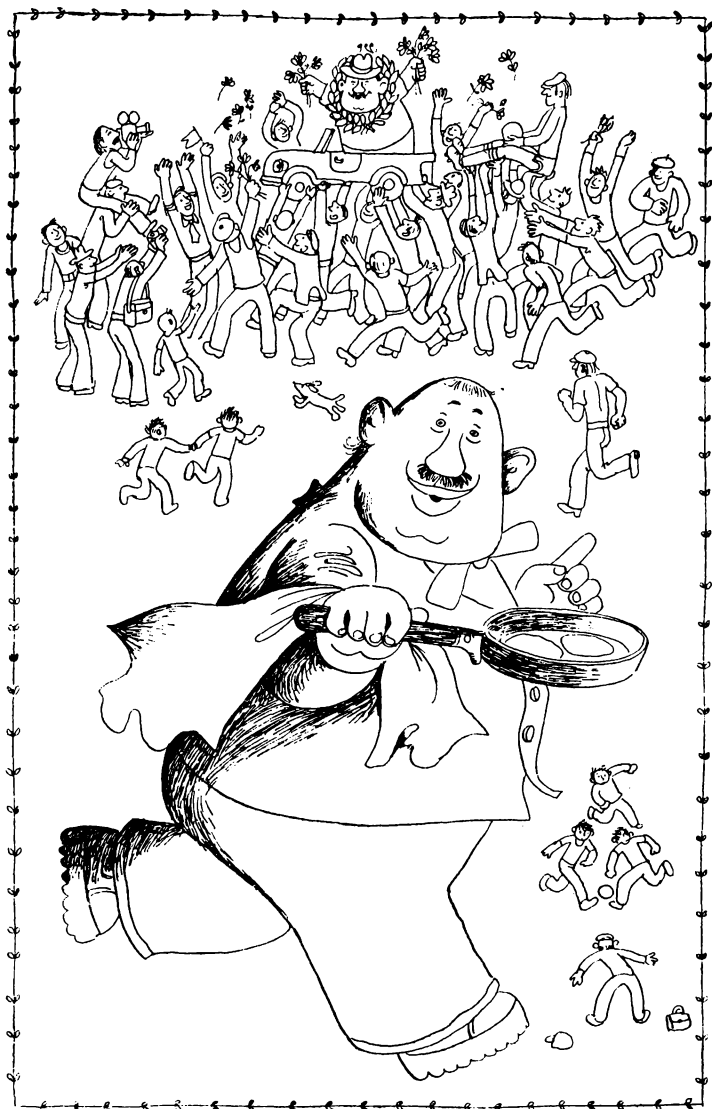
— Дядя Коля пришел? — чуть ли не закричал Шурик.

— Пришел, конечно, пришел! Куда он денется? Только он, оказывается, не Коля, а Морж! И не вратарь, а...

— Какой Морж?!

— Клетчатый... и полосатый.

И тут раздался довольно-таки противный, хриплый, чуть-чуть скрипучий голос:

— С вашего позволения, не Морж, а Жорж. Позвольте представиться, Шурик, тренер футбольной команды «Питатель» Жорж Робертович Свинкин собственной персоной.

Нет, нет, уважаемые читатели, я не имею права спешить, я обязан подробно описать вам внешне уморительного субъекта, а на самом деле предельно подозрительную и на редкость хитрую личность, которую Шурик увидел на кухне.

Одет этот уморительный субъект был в клетчатый пиджак и полосатые брюки. Вместо галстука у него красовалась огромная, похожая на пропеллер, «бабочка». Его красные ботинки на небывало толстой подошве, если можно так выразиться, поражали воображение и сам он был достаточно толст.

Маленькие выпуклые глазки находились почти вплотную к плоскому, широкому — утиному — носу, под которым рыжела щеточка усов.

Когда этот субъект, уморительный с виду, а на самом деле предельно подозрительная и на редкость хитрая личность, улыбался толстогубым, широким — от уха до уха — ртом, обнаруживалось, что половина зубов там стальная, а половина — золотая.

Был он совершенно лыс, только над узеньким лбом сохранилась тщательно расчесанная челочка из двадцати шести волосков.

От изумления Шурик слова вымолвить не мог, и уморительный субъект хрипло прокрипел:

— Да, да, футбольный тренер Жорж Свинкин собственной персоной к вашим услугам! Надеюсь, мы станем друзьями, Шурик. С твоей очаровательнейшей бабусей я быстро нашел общий язык.

— Это не он... Не он это... — испуганно пролепетал Шурик. — Я его не знаю. И... и... и знать не желаю...

— Морж великолепно готовит!

— Жорж, с вашего позволения.

— Какая разница! — отмахнулась бабушка Анфиса Поликарповна. — Главное, вкусно! Садись, садись, внучек, он тебя покормит! А какой прелестный он заварил чай!

— Я есть не буду, — отказался Шурик сердито. — Что вам здесь надо? Откуда вы?

— Я уже имел честь сообщить вам, что я футболь-

ный тренер **Жорж Робертович Свинкин**. Тренирую команду «Питатель», — скрипучей скороговоркой хрипло рассказывал незваный гость. — До меня она называлась «Пищевик». Какое неблагозвучие! Поэтому она и развалилась, все игроки разленились и разбежались. Сначала я назвал мою команду «Воспитатель», то есть мы, работники питания, вас питаем. Но оказалось, что уже есть слово «воспитатель». Короче, моя команда «Питатель» зреет, набирает сил, ума и опыта. Мы готовы соперничать с командами самого высокого класса, но... — он выпучил и без того выпуклые глазки и со скрипом прохрипел: — Но у нас нет приличного, достойного такой команды вратаря! Я объездил десятки городов, присмотрел около сотни вратарей — безрезультатно! Ведь мне нужен вратарь-супер! Вратарь, так сказать, люкс! И вдруг — подарок судьбы! Награда за все мои мытарства! Я уже вижу в воротах моей команды «Питатель» необыкновенного голкипера, который берет все мячи!

— Это вы про дядю Колю? — сразу обрадовался Шурик.

— Да, да! Попов Николай — это и есть супер! Попов Николай — это и есть, так сказать, люкс! — скрипуче прохрипел **Жорж Свинкин**, подняв вверх большой, похожий на полсардельки палец. — Я ведь сам бывший вратарь, знаю толк в нашем голкиперском деле. Попов Николай украсит мою команду.

— Дядя Коля может украсить весь большой футбол, — уточнил Шурик.

— Вполне возможно, но это вопрос будущего. А сейчас ему надо тренироваться, тренироваться и тренироваться под руководством опытного, авторитетного тренера. Я разовью его природные способности, передам ему свой немалый опыт и большие знания, и в кратчайший срок Попов Николай станет знаменитостью... Прошу вас! — **Жорж Свинкин** поставил на стол сковороду. — Питайтесь, наслаждайтесь! — Он положил на тарелку бабушке **Анфисе Поликарповне** ровно половину яичницы с колбасой, другую половину — себе, и они с очень большим аппетитом начали есть.

— А как вы узнали про дядю Колю? — настороженно спросил Шурик.

— А это для чего? — и **Жорж Свинкин** показал вилкой сначала на свое левое ухо, потом на правое. —

Человеческий шепот я слышу на расстоянии двенадцати с половиной метров. Я слышал ваш разговор с Поповым Николаем в садике перед поселковым клубом. Затем посмотрел вашу тренировку. Впечатление грандиознейшее!

— Морж, а вы не сварите нам на завтра суп из чего-нибудь? — перебила бабушка Анфиса Поликарповна. — Принцип изготовления яичницы с колбасой я в общих чертах усвоила, но колбаса и яйца кончились. И какой же обед без супа, уважаемый Морж?

— Я Жорж, а не Морж! — обиделся тренер команды «Питатель». — Морж — это какая-то морская корова, извините! А суп я из чего угодно могу сварить. Хоть из старых тапочек! И все равно пальчики оближете!

— Из тапочек — это, конечно, смешно, — не унималась бабушка Анфиса Поликарповна, — а я спрашиваю серьезно. В морозильнике что-то есть.

— Да сделаю, сделаю! — отмахнулся Жорж Свинкин. — Я решил помочь Попову Николаю, и он с большой благодарностью согласился.

— Понимаете, Жорж Робертович... — Шурик очень нервничал из-за того, что все еще не мог понять, почему этот уморительный с виду субъект вызывает огромное недоверие. Грубо говоря, он все-таки больше походил на жулика, чем на футбольного тренера. — Понимаете, Жорж Робертович... — растерянно бормотал Шурик и вдруг резко спросил: — А зачем вы сюда пришли, и где сейчас дядя Коля?

— Как зачем?! — искренне возмутилась бабушка Анфиса Поликарповна. — А что бы я делала, если бы не его изумительные способности?

Жорж Свинкин неторопливо разлил чай по чашкам, ответил Шурику:

— Я пришел сообщить тебе, что ночевать сюда Попов Николай не придет. В настоящее время он уезжает туда, где его встретят представители моей команды, и завтра же приступит к регулярным тренировкам. Сейчас же позвольте пожелать вам всего самого наилучшего. Попов Николай будет извещать вас о своих успехах.

— Нет, нет, я иду с вами! — испуганно крикнул Шурик. — Я должен сам поговорить с дядей Колей!

— Но, дорогой Морж! — взмолилась бабушка Ан-

фиса Поликарповна. — А суп на завтра? Вы же обещали! Это непорядочно: дать слово и не сдержать его!

— Я иду с вами, — решительно повторил Шурик. — Я сам должен поговорить с дядей Колей. А вам я не доверяю.

— Будет вам суп, — взглянув на часы, скрипло прохрипел Жорж Свинкин. — Пальчики оближете. Ты мне можешь не доверять, мальчик. Мне достаточно безграничного доверия ко мне Попова Николая.

Он быстренько достал из морозильника мясо, опустил его в кастрюлю с водой, поставил на газ, начал чистить овощи и вдруг озабоченно и хрипло проскрипел:

— Ого-го! Го-ого! Какой же борщ без свеклы?

— Шурик, немедленно к своей тете Варваре! — взволнованно приказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Умоляю! Борщ без свеклы — это действительно недоразумение! Миленький, бегом!

Потом Шурик так и не мог понять, почему это он согласился идти за какой-то разнесчастной свеклой и... Он вообще плохо тогда соображал, в его взъерошенной голове все перепуталось. Шурик помнил только одно: дядя Коля обещал прийти к нему ночевать. И никакие жоржи свинкины не должны были помешать этому!

Тетя Варвара страшно долго искала свеклу, так и не нашла и отправилась к соседке. И — как в воду канула. У Шурика от недоброго предчувствия закололо в сердце. Он сразу, вдруг, в один миг понял, что Жорж Свинкин все-таки обыкновеннейший жулик и задумал по отношению к дяде Коле что-то нехорошее.

Оказалось, что добрая тетя Варвара не поленилась сходить за свеклой в магазин, так как ни у кого из соседей этого в данном случае злополучного корнеплода не было.

Примчавшись домой, Шурик узнал, что теперь уже не просто уморительный с виду субъект Жорж Свинкин, а предельно подозрительная и на редкость хитрая личность — исчез, как говорится, в неизвестном направлении.

Ошеломленный Шурик, борясь с острым желанием разреветься, стоял посредине кухни.

А бабушка Анфиса Поликарповна удовлетворенно говорила, радостно нюхая воздух:

— Очень прелестный аромат! А Морж очень вежлив и воспитан. Прощаясь, он поцеловал мне руку, а тебе просил кланяться. Попробуй, внучек, разрезать эту свеклу на несколько частей. Только будь осторожней. Режь свеклу, а не пальцы.

— Да ведь он жулье обыкновенное! — в отчаянии крикнул Шурик. — Он же специально отправил меня за этой несчастной свеклой! И дядю Колю он обманывает! — Шурик неожиданно всхлипнул и долго молчал, чтобы не расплакаться. — Ведь дядя Коля назвал меня хорошим человеком. Не мог он не прийти, не мог он меня бросить, если бы не этот клетчато-полосатый.

— Конечно, этот Морж-Жорж несколько подозрителен, — задумчиво проговорила бабушка Анфиса Поликарповна, — но что заставило его помогать нам?

— Откуда я знаю? Я знаю только одно: в дом пришел неизвестный субъект, а мы и уши развесили. Что вот мне сейчас делать?

— Доваривать борщ. И ждать.

— Чего ждать?

— Событий.

— Нет, я должен идти искать дядю Колю.

— Никуда никого искать ты не пойдешь! — резко возразила бабушка Анфиса Поликарповна. — Твои родители поручили тебе ухаживать за мной, а не за каким-то там дядей Колей — поповским вратарем!

— Он очень хороший человек, — пытался убедить ее Шурик. — Никто в жизни не относился ко мне так замечательно, как он. Мы подружились с ним. И вдруг какой-то Морж...

— Жорж! — очень возмущенно поправила бабушка Анфиса Поликарповна. — Он спас нас от голодной смерти. Почти научил варить борщ. Никуда ты не пойдешь. Точка.

Шурик был в полной растерянности. Он и бабушку оставить не мог, по крайней мере, до тех пор, пока не сварится борщ, и должен был бежать, чтобы успеть до отхода поезда увидеть дядю Колю и узнать, что задумал сделать с ним клетчато-полосатый подозрительный субъект. Ведь дядя Коля по доброте своей и не догадается, что имеет дело с жуликом.

— Он обещал прийти! — в большом отчаянии воскликнул Шурик. — Он не мог не прийти! А вдруг он попал в беду? Вдруг этот Морж...

— Жо-о-орж! — с уважением поправила бабушка Анфиса Поликарповна. — Ничего плохого он нам не сделал.

Шурик вымыл свеклу, очистил, разрезал и положил в кастрюлю.

Вдохнув густой запах, бабушка Анфиса Поликарповна сказала:

— Ты какой-то нервный. Если твой поп хочет быть вратарем, а Жорж тренер, так тебе надо радоваться их встрече.

В коридоре, можно сказать, истошно задребезжал дверной звонок, занадрывался, можно сказать.

Испуганный Шурик открыл дверь и в страхе отпрянул назад, увидев перед собой...

Как бы мне описать вам, уважаемые читатели, то, что увидел перед собой Шурик?

Условно можно было предположить, что перед ним стоял человек, так как он стоял и состоял из головы, туловища, рук и ног. Но все это было изранено, испачкано, ушиблено, деформировано. Самое же страшное заключалось в том, что лица у этого сущест-ва вроде бы и не было. Целыми остались только глазки, и они сверкали злобой. Вместо носа — что-то невообразимо вспухшее, величиной с крупную картофелину и цвета свеклы. А на месте щек, подбородка и лба — сплошные ссадины, царапины, ранки всяких размеров. На безволосой голове красовались три одинаковые по размерам огромные шишки разных цветов — красная, синяя и черная.

Так что можно было с полным основанием считать, что перед Шуриком стояло некое человекообразное существо в изорванном и запачканном клетчатом пиджаке, рваных и грязных полосатых брюках, в красном полуботинке на одной — левой ноге. В правой руке существо держало пустой чемодан без крышки.

Оно, это существо, выговорило, с трудом шевеля разбитыми губами:

— Представьте себе — Жорж Швинкин шобштенной першоной. Где прештупник? Где мой футболишт Попов Николай?

И Жорж Свинкин, ибо это был он, мимо совершенно испуганного, пораженного, прямо говоря, ошарашенного Шурика шагнул через порог и прошел в кухню.

Бабушка Анфиса Поликарповна, увидев неожиданного гостя, очень громко охнула.

— Не бойтешь, ушпокойтешь, — сказал Жорж Свинкин. — Прощто я неудашно шошкошил на ходу ш поежда. Выбил шебе нешколько жубов. В ошновном жолотых. Где этот шумашедший прештупник? Я буду ишкать его ш милишей! Шпряталша где?

Шурик понял, что ничего страшного не произошло: что дядя Коля никуда не уехал и то, что хотел с ним сделать предельно подозрительный Жорж Свинкин, не получилось, не удалось, не вышло!

— Штаканшик воды, — скрипло прохрипел Жорж Свинкин.

— Как вы страшно ужасны, — прошептала бабушка Анфиса Поликарповна. — Можно подумать, что вас избивали человек четырнадцать.

— Я шам! Я шам ражбилша! По шобштвенной воле! На полном ходу ш поежда! Жа этим прештупником! Он шпрыгнул раньше! Я не мог его ражишкать! А то бы жадушил швоими руками!

— Гошподи! — вырвалось у бабушки Анфисы Поликарповны.

— Не дражнитешь! — Жорж Свинкин обиженно шыгнул тем, что совсем недавно было носом, а стало чем-то вспухшим, величиной с крупную картофелину и цвета свеклы. — Где у ваш жеркало? — Он подошел к трюмо, долго разглядывал свое отображение. — Ш ума шойти. На улишу не пойду. Вше в штороны шарахаютша. Жнашит, прештупник не у ваш?

— Нет, нет, — заверил Шурик, — я шам...

— Перештань!

— Простите, Жорж Робертович. Я сам его жду.

— А ешли он ражбилша вдребезги?

— Я считаю, — испуганно и тем не менее авторитетно заявила бабушка Анфиса Поликарповна, — надо немедленно заявить обо всем в милицию. Ведь вы потеряли золотые зубы!

— Жубы я шобрал. И жолотые, и штальные. Так что беж милиции обойдемша. Куда делша прештупник? Вот вопрош.

— Расскажите, пожалуйста, что с вами произошло, — попросил Шурик.

Позвольте мне, уважаемые читатели, в последующем рассказе Жоржа Свинкина не передавать его

шамканья. А то вы все равно будете хихикать, а потом, чего доброго, ешшо нашнете его передражнить, и вам от вжрошлых попадет. Да и мне дошта-нетша.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

**О том, как Егорка Хряков превратился
в Жоржа Свинкина и что из всего этого
получилось**

Егор Романович Хряков, он же Жорж Робертович Свинкин, был не только с виду уморительным субъектом, но, как и предполагал Шурик Мышкин, личностью предельно подозрительной и на редкость хитрой, хотя, добавил бы я, и достаточно глуповатой.

Сейчас он и вправду числился футбольным тренером, но команды пока не существовало, а было только название «Питатель». Дядя Коля, бывший поп Попов, и оказался первым игроком, который по неопытности согласился иметь дело с такой подозрительной личностью, как Жорж Свинкин, да и то с условием, что он, будущий вратарь «Питателя», обязательно посоветуется со своим другом Шуриком Мышкиным, хорошим человеком.

А обманывать хороших людей Жоржу Свинкину было не привыкать!

Но он никак не мог даже и предполагать, что на пути исполнения его замыслов встанет всего-то навсего маленький, взъерошенный, похожий на озабоченного воробья Шурик Мышкин! Именно он и только он помешает бескомандному тренеру Жоржу Свинкину увести замечательного вратаря и такого же человека дядю Колю Попова.

Увезти же его надо было обязательно и немедленно: ведь послезавтра кончался срок, в который этот тренер должен был найти хотя бы одного достойного игрока. Если такого не случится, Жоржа Свинкина тут же переведут в ночные сторожа, и тогда долго ему еще, а может быть, и никогда, не видать легкой, красивой, обеспеченной жизни.

Вот о чем сейчас и тревожился изо всех сил тренер без команды!

И, прежде чем продолжить наше повествование, позвольте, уважаемые читатели, хотя бы в общих чертах описать превращение Егорки Хрякова в Жоржа Свинкина.

Если бы его, Жоржа Свинкина, спросили, какие годы в его жизни были самыми ужасными, он бы с нескрываемым гневом ответил:

— Когда мои родители насильно принуждали меня учиться в школе.

А если бы Жоржа Свинка спросили, какой же день самый счастливейший в его жизни, он бы со значительным восторгом признался:

— Когда мои родители грубо сказали мне, что такому тупоголовому остолопу, как я, нет ни малейшего смысла учиться в школе.

Сказано действительно грубо, но зато ведь и точно, да не очень уж и грубо, если учесть причины, по которым у родителей вырвались такие слова. Произносить их, такие слова, родителям было, конечно, больнее, чем сынку выслушивать.

Самое же любопытное и, на первый взгляд, совершенно необъяснимое заключалось в том, что

родители Егорки,
старший и младший братья,
сестренка,
бабушки и дедушки,
дяди и тети,
племянники и племянницы,
даже двоюродные братья и сестры,
тем более, один прадедушка
и две прабабушки —

все родственники Егорки были нормальными, то есть трудолюбивыми людьми.

Один Егорка мечтал о легкой, беззаботной жизни.

Тупоголовие его было не от природы, то есть не от того, что он родился остолопом и никем другим стать будто бы не имел возможности. Так называемое тупоголовие Егорки было результатом постепенного, достаточно медленного, но неуклонного с а м о о б л а н и в а н и я.

Явление это, уважаемые читатели, хотя и наблюдается довольно нередко, изучено совершенно недоста-

точно. В книгах о нем не пишут, по радио и телевидению о нем ничего не передают, в кино и театрах его не показывают, посему расскажу о нем поподробнее.

Самооболванивание начинается с того, что еще в малом возрасте человек вдруг делает для себя прелюбопытнейшее открытие: оказывается, иногда очень выгодно прикидываться таким ничего не понимающим дурачком. Дескать, пусть те, которые себя умными полагают, всякие дела делают, разные работы работают, силы тратят, но он, самооболванец-то, будто бы и не понимает, для чего все это, и живет себе потихонечку-полегонечку.

Вот зачем, например, каждый день выполнять все домашние задания, если спрашивают не каждый день?

А старшим зачем помогать? Что они, сами не справятся?

Или для чего, предположим, на пятерки учиться, если и за тройки никто тебя в милицию не заберет?

Вообще зачем учиться хорошо, когда никто еще не умирал от того, что получал двойки?

Кстати, самооболванец не считает себя лентяем, хотя тунеядец он стопроцентный, но, как мы увидим дальше, несколько своеобразный. Он, видите ли, не ленится учиться, а будто бы не понимает, для чего это надо, когда и без учебы жизнь прекрасна.

Вокруг самооболванца люди трудятся, учатся, занимаются интереснейшими делами, а он и не понимает, что в этом хорошего, если самое приятное на земле дело — ничего не делать.

Ничего не делать полезного Егорка Хряков привык уже годам к шести, когда у него только-только начался процесс самооболванивания. Тогда уже самая мажусенькая просьба, помочь например, вызывала в нем панический ужас и не менее паническое отвращение.

А своеобразие Егоркиного тунеядства заключалось в том, что, если ему приходилось что-нибудь делать для себя, — тут уж никакого лентяйства.

Или, к примеру, писал Егорка Хряков прямо-таки потрясающе безграмотно, грязно и некрасиво, зато вот считал замечательно. Правда, и считал-то он довольно своеобразно опять же.

Вот полюбопытствуйте, пожалуйста, уважаемые читатели.

Еще в первом классе спрашивает Егорку Хрякова учительница: сколько будет шесть плюс два?

Он глазки прищурит, губами быстренько-быстренько пошевелит и ласково отвечает: восемь.

Как, по-вашему, уважаемые читатели, он сосчитал? Или просто помнил, что шесть плюс два будет восемь?

Нет, нет! Сосчитал Егорка Хряков вот так. У меня, мол, было шесть рублей, а я шел по улице и нашел, умница, два, стало у меня восемь!

Или классе во втором спросит Егорку Хрякова учительница: сколько будет, если из двадцати одного вычесть двенадцать?

Тогда он глазки прищурит, губами быстренько-быстренько пошевелит и зло ответит: девять!

Как, по-вашему, уважаемые читатели, он это сосчитал? Или просто помнил, что, если из двадцати одного вычесть двенадцать, будет девять?

Нет, нет! Сосчитал Егорка Хряков вот так. Была, мол, у меня двадцать одна копеечка, а я, дурачок-разиня, двенадцать копеечек потерял, и осталось у меня, недотепы, всего девять!

Вот так арифметика!

Ну, а как он, по-вашему, уважаемые читатели, делал умножение? Оригинальнейшим, я вам скажу, способом.

Сколько будет дважды три? Всем известно, что шесть. А у Егорки Хрякова в воображении сразу возникала такая приятнейшая картина: ему, сестренке и младшему брату дали по два яблока, а он, герой, взял да и отобрал у родственников фрукты — стало у него шесть!

Ну и арифметика!

С возрастом Егорка Хряков все больше самообольщивался, и это привело его не только к тупоголовию, то есть к полнейшему нежеланию и неумению думать, но и к вреднейшему решению: жить лишь для себя, заботиться лишь о себе.

А когда он сменил себе имя на Жорж, то сообразил: кроме легкой работы, есть легчайшая (найди ее!), кроме легчайшей работы, есть наилегчайшая (найди ее!) и т. д.

Свою трудовую деятельность Жорж Хряков начал с торговли квасом и газированной водой. Занятие это нравилось ему особенно тем, что работал он сидя.

Вы, уважаемые читатели, вполне резонно можете спросить: а почему он к школе никак приспособиться не мог, бросил ее полуграмотным недоучкой?

Ответ простой: легкой учебы не бывает, а для лентяев она особенно трудна, тяжела и даже невыносима.

Но так как Жорж Хряков хорошо умел считать, а самооболванивание позволило ему относительно быстро научиться хитрить и жульничать, то жизнью своей и сидячей работой своей он был вполне доволен.

И горько жалел Жорж Хряков об одном: никто ему, кроме своего брата оболванца, не завидовал. А ведь Егорка Хряков еще в школе мечтал, чтобы ему все завидовали, особенно отличники, чтобы знали они, что жить надо совсем не так, как они живут. И тогда, еще в школе, никто Егорке Хрякову не завидовал, кроме самых отъявленных двоечников, и сейчас никто не завидовал Жоржу Хрякову, кроме самых отпетых оболванцев.

Очень его это огорчало и даже тревожило. Ведь он стремился доказать, что быть таким, как он, и выгоднее, и интереснее, и почетнее, чем быть нормальным человеком. Ему хотелось, ему прямо-таки требовалось, чтобы его ставили в пример другим! Чтобы у него люди учились жить! Ведь это было бы торжеством самооболванивания!

И сидел бы себе Жорж Хряков, и торговал бы себе квасом и газировкой, но судьба распорядилась иначе и не в его пользу, а он этого-то сразу и не заметил.

Дело в том, что за выдающиеся показатели по продаже кваса и газировки населению Жоржа Хрякова послали учиться на курсы поваров.

Эх, если б только он знал, чем все это кончится, никуда бы он и никогда бы он от своей бочки с квасом не двинулся!

А он поначалу возгордился, поднял кверху нос, сменил грубую фамилию Хряков на гораздо более нежную — Свинкин. Заодно сменил он и отчество Романович на красивое — Робертович.

Вот так примерно Егорка Хряков превратился в Жоржа Робертовича Свинкина.

На курсах поваров ему пришлось очень худо. Работать он привык сидя, а тут еще от сверхобильной пищи Жорж Свинкин начал стремительно толстеть и за

короткий промежуток времени до того растолстел, что ему врачи буквально приказали заняться спортом.

Долго выбирал он себе вид спорта полегче и в конце концов решил попробовать быть голкипером. Подумалось Жоржу Свинкину, что стоять в воротах все-таки легче, чем бегать, прыгать, грести, крутить педали и т. д. Болельщики прозвали его Дыркой, потому что из десяти мячей, посланных в ворота, он пропускал что-то около девяти с половиной.

Естественно, что из команды Жоржа Свинкина отчислили, чему он был чрезмерно рад. Отчислили его и с курсов поваров и направили работать официантом, сколько он ни просился обратно к бочке с квасом.

А к безостановочному толстению добавилось еще выпадение зубов из-за безграничного поглощения сладкого (за один раз он мог машинально и быстро съесть килограмм двести пятьдесят граммов любимых конфет). Пришлось погибшие зубы заменить стальными и золотыми. Этим Жорж Свинкин очень похвалялся, вместо того чтобы очень стыдиться и еще больше сожалеть.

И вот он стал официантом. Тяжеленная наступила для него жизнь. Ведь с таким же, как говорится, успехом Жоржа Свинкина могли послать бегать на сто десять метров с барьерами. Правда, в работе официанта барьеров нет, бегать тоже не надо, но зато есть поднос и требуется много и долго ходить, во всяком случае, не сидеть. Вот и вспоминал Жорж Свинкин блаженные времена, когда он сидя торговал газированной водой или квасом.

И еще Жорж Свинкин сожалел, что несколько лет понапрасну потратил на школу, надо было научиться только считать да и торговать с малых лет. Он мечтал вернуться к сидячей деятельности, но судьба распорядилась иначе, и опять его подвело самообольщивание.

Из трех кафе и двух столовых уволили Жоржа Свинкина. И как раз в это время в тресте решили вновь создать футбольную команду. И вот тут-то, абсолютно не зная, куда девать неудавшегося повара и еще более неудавшегося официанта, вспоминали не о том, что он когда-то успешно для себя и для населения торговал квасом и газированной водой, а то, что он когда-то вроде бы был вратарем. Забыли и о том, что болель-

щики звали его Дыркой за то, что из десяти мячей, посланных в ворота, он пропускал что-то около девяти с половиной.

Жоржу Свинкину предложили стать тренером и приступить к немедленному комплектованию футбольной команды «Пищевик».

И произошло то, чего я лично, уважаемые читатели, не понимаю до сих пор. Жорж Свинкин согласился стать тренером футбольной команды, которой еще не существовало и которую сначала предстояло собрать.

Размышляя над этим решением Жоржа Свинкина, я угадал три причины, по которым стремящийся к сидячей трудовой деятельности самооболванец-тунеядец согласился на такую нервную и хлопотливую должность, как тренер.

Во-первых, видимо, так рассудил Жорж Свинкин, тренеру можно работать сидя. Во-вторых, как, видимо, полагал он, нет ничего на свете проще и легче, чем отдавать указания и распоряжения. В-третьих — и это самое главное, — если бы он не согласился стать тренером, его тут же, как обещали, перевели бы в ночные сторожа.

Жоржу Свинкину так и сказали:

— Предоставляем тебе последнюю возможность искупить свою вину перед трестом ресторанов и столовых. Найди для начала хотя бы одного замечательного игрока к такому-то сроку. Не найдешь — тут же отправишься в ночные сторожа без права перехода на другую работу в течение нескольких лет.

Два месяца и три дня Жорж Свинкин очень трудился: сидя придумывал название команды. И вот уже полгода, кроме названия «Питатель», у этого тренера никого и ничего не было. Пришлось ему отправиться на поиски игроков, вернее, хотя бы одного замечательного игрока.

И когда бескомандный тренер после долгих и бесполезных скитаний обнаружил уникального вратаря, на пути встал маленький, взъерошенный, похожий на озабоченного воробья какой-то Шурик Мышкин!

Применив всю свою хитрость, всю свою пронырливость и, прямо скажу, все свое жульничество, Жорж Свинкин сумел заманить растерявшегося Попова Николая в вагон электрички, даже удержать его (не ва-

гон, конечно, а вратаря) до момента, когда поезд тронулся с места.

Тренер с командой из одного игрока уже настроился блаженствовать, как вдруг Попов Николай будто забыл о растерянности и сверхрешительно заявил:

— А ведь обманул ты меня! Не дал с Шуриком Мышкиным поговорить! Никуда я с тобой не поеду! Я к Шурику!

От неожиданности и злости Жорж Свинкин и ответить-то не успел, и Попов Николай исчез из вагона. Неудавшийся повар и более того — неудавшийся офицант, ныне тренер, понимая, что теряет единственного игрока, а приобретает возможность попасть в ночные сторожа, бросился следом.

Дверь из тамбура наружу была распахнута. Уставившись в проем, задохнувшись от плотного, сильнейшего ветра в лицо, Жорж Свинкин от ужасного страха содрогнулся, а от страшного ужаса весь похолодел: как прыгать на полном ходу при его весе и при такой скорости?!?!?!?

Это же наивернейшая смерть!

По-ги-бель!!!!

Но ведь Попов-то Николай прыгнул...

И кем ты хочешь быть, Жорж Свинкин: тренером или ночным сторожем?

— Тренером!

Тренером!

Конечно, тренером! — громко

стучали колеса.

Стальные и золотые зубы Жоржа Свинкина тоже постукивали.

А колеса как бы настаивали:

— Не сторожем!

Не сторожем!

Не сторожем!

Тренером!

Тренером!

Тренером!

Не от смелости, не от ума, а от самооболванивания, от страха потерять легкую и выгодную сидячую работу, от ненависти к Шурику Мышкину, закрыв глазки, стиснув стальные и золотые зубы, крепко сжав ручку чемодана пальцами-сардельками, будто ухватившись за него, Жорж Свинкин прыгнул...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Жорж Свинкин продолжает поиски Попова Николая. Шурик Мышкин знакомится с очень веселым центральным нападающим по фамилии Веселых, а по имени Егор

Закончив рассказ о своем прыжке на полном ходу с поезда, Жорж Свинкин с трагическими нотками в хрипло-скрипучем голосе проговорил:

— Колошшальной важности вопрош: как ишкать проходимша Попова Николая, такого негодяя? Прощто шидеть? Или ишкать?

— Сейчас перед нами троими, — озабоченно сказала бабушка Анфиса Поликарповна, — стоит одна колоссальнейшая задача — подумать о пище на завтра. Но борщ, уважаемый Жорж...

— К сожалению, я ешть не шпошобен. Жубы выбиты. Губы ражбиты.

— Но борщ, уважаемый Жорж, — бабушка Анфиса Поликарповна весьма строго повысила голос, — но ваш борщ, уважаемый Жорж, абсолютно несъедобен. Я — бррр — попробовала его и едва не вылила, но руки не поднялись. Почему он, ваш борщ, безвкусен, то есть несъедобен?

А Жорж Свинкин вдруг четыре раза подряд ойкнул, хрипло, скрипло и громко, два раза тихо состоял и проговорил:

— Хоть шкорую помош выживай... вше лишо горит...

— Вам надо в больницу, — сказал Шурик.

— Нет, нет... надо ишкать прештупника.

— А вдруг он разбился и лежит в больнице? — испуганно крикнул Шурик. — Вдруг ему уже делают операцию? Может быть, я сбегая в больницу?

— Шпегать в больнишу? — задумчиво переспросил Жорж Свинкин. — Вдруг операшию делают?.. Поштой, поштой! — он явно обрадовался. — Это же шветлая мышль! Только в больнишу отправляюшь я шам! Лишо там приведу в порядок. Жубы вштавлю. Шправки о прештупнике наведу! — И Жорж Свинкин моментально исчез — в одном красном полуботинке на левой ноге.

— Ненормальный... Как он в таком виде пройдет по улицам? — Бабушка Анфиса Поликарповна пожала плечами. — Дорогой внук, давай решать судьбу борща, а следовательно, и нашу судьбу!

А Шурику все было безразлично. Ни разу в жизни он не переживал так много за один лишь день, который еще не кончился, и очень устал от переживаний, а они тоже еще на сегодня не закончились. Если бы мог он знать, сколько еще ему предстоит сегодня пережить!

Бабушка Анфиса Поликарповна вдруг резко поднялась с места и произнесла совершенно безапелляционным тоном:

— Тебе не избежать похода в магазин за продуктами. Что-то ведь надо есть! Вот, кой-какие деньги я собрала. Посоветуйся с продавцами, обрисуй им ситуацию, в какой мы с тобой оказались, — говорила она, подавая внуку большую хозяйственную сумку, — порасспрашивай покупателей. Ведь продают же консервы всякие, вообще разные съестные изделия. Удачи тебе, дорогой внук.

Шурик побрел по улице, опустив взъерошенную голову, добрел до садика возле поселкового клуба, машинально присел на скамейку, где сегодня познакомился с дядей Колей, и тихонько заплакал. Ему было до того тяжело и грустно, что он нисколько не стыдился своих слез.

И его надо понять, уважаемые читатели.

Однако жизнь устроена так, что сразу вслед за огромной радостью вас в ней, в жизни, вполне может настичь не менее огромная беда, а вслед за бедой может привалить и счастье примерно таких же размеров, как беда.

И когда Шурику с острой болью подумалось, что он больше никогда не встретится с дядей Колей, и он снова собрался дать волю слезам, как услышал очень веселый голос:

— О чем тут горюешь, товарищ мальчик? Обидел тебя кто? Болит у тебя что-нибудь? Или деньги потерял? Или соринки в оба глаза попали?

Перед Шуриком стоял высоченный, широкоплечий дяденька в синем спортивном костюме и кедах. Он был обрит наголо, зато на его загорелом лице с озорными глазами красовались огромные черные усы, которые

он то и дело покручивал. Видимо, он ими очень гордился и дорожил.

Шурик промолчал, дяденька присел рядом, тоже помолчал немного и заговорил веселым голосом:

— Как утверждал мой любимый командир, старший лейтенант по фамилии Синица, а по характеру орел, не проходи мимо пожара, бушующего хулигана, старушки и плачущего ребенка. Пожар следует потушить, хулигану показать где раки зимуют, старушке помочь, а ребенком всерьез заняться, разузнать, что с ним стряслось и принять все возможные меры для того, чтобы он стал веселым. Надо всегда помнить, говорил старший лейтенант Синица, что человек, особенно ребенок, создан для счастья, как птица для полета.

Шурик громко вздохнул. Ведь когда человеку не весело, веселые люди его просто раздражают и хочется от них поскорее избавиться, остаться одному со своей бедой.

Поэтому Шурик ответил:

— У меня болел зуб, а теперь уже не болит.

— А у кого ты учился врать? — поинтересовался очень веселый дяденька и даже немного похохотал. — Видимо, сам учился, самостоятельно. Но успехов не добился. Однако, если ты не умеешь врать, значит, ты неплохой человек, то есть вполне хороший. У тебя в руках большая хозяйственная сумка, и ты плакал. Какая связь между большой хозяйственной сумкой и слезами?

Еще немного помолчав, Шурик заметил, что его неприязнь к очень веселому дяденьке уже почти растаяла, и ответил с очень глубоким вздохом:

— Я шел в магазин.

— И заплакал, не дойдя до магазина. Почему? Молчишь. И врать не хочешь, и правду сказать не можешь. Разреши представиться — демобилизованный из рядов Вооруженных Сил Советского Союза младший сержант Егор Веселых. И фамилия у меня такая смешная, и сам я очень веселый человек. И еще я футболист, центральный нападающий. Это тебе что-нибудь говорит?

— Центр... центральный нападающий?! — Шурик в изумлении и восторге всплеснул руками, выронив большую хозяйственную сумку на землю. — Неужели?!

— Еще как ужели! Мечтаю стать таким форвардом, чтобы каждый мой прицельный удар по воротам достигал этой самой цели — гол!

— Но ведь так не бывает, дядя Егор. Не может так быть!

— БЫТЬ не может, а БИТЬ надо!

— Правильно, дядя Егор, правильно! — радостно согласился Шурик. — А я вот знаю вратаря, который мечтает не пропустить ни одного гола!

— Ну, это он... перехватил.

— Но ведь стремиться к этому надо?

— Совершенно верно.

— А в какой команде вы играете, дядя Егор?

Егор Веселых покрутил свои черные усы и ответил:

— Я только вчера домой вернулся. Вот устроюсь на комбинат работать и буду играть в «Строителе». А со временем, рано или поздно, попаду в сборную страны. Не веришь?

— Верю, дядя Егор, абсолютно верю! — твердо сказал Шурик. — По всему видно, что вы хороший футболист.

— Спасибо тебе, парень, на добром слове, — расстроганно проговорил Егор Веселых. — Звать тебя как?

— Мышкин. Шурик.

— Давай, товарищ Мышкин, докладывай мне: что все-таки с тобой стряслось? Только помни, что врать ты не умеешь.

Выслушав его самым внимательным образом, Егор Веселых озабоченно покрутил свои огромные черные усы и не менее озабоченно проговорил:

— Вопрос о твоём неумении покупать еду мы подробно обсудим в самое ближайшее время. А сейчас шагом марш в магазин. Я тебе помогу. И бабушку твою накормлю высококалорийной пищей. Как утверждал мой любимый командир, старший лейтенант Синица, основа жизнедеятельности и сохранения энергии человеческого организма — кон-цент-раты! Далее — масло! Обязательно — соль! Еще — сахар! И если ко всему этому иметь лук — объединение! Вперед!

По дороге в магазин Шурик рассказал своему новому знакомому про дядю Колю, утаив, конечно, что он бывший поп, и Егор Веселых вдруг рассердился:

— Я этому твоему дяде Коле не только с одиннадцатиметровой отметки, а с двадцати семи метров десять мячей из десяти забью! Я, знаешь, какой исключительный сон видел? Представляешь, будто бы сам, можно сказать, бог вратарей Лев Иванович Яшин, сам подзывает меня к себе и говорит: «Ну-ка, Егор Веселых, проверим, на что ты способен. Если забьешь мне из десяти пенальти хотя бы один, быть тебе в сборной страны!» Встал он, бог вратарей, в ворота. Ну, думаю, все равно из десяти хоть один, да забью! Иначе нет мне смысла жить на этом белом свете! Яшин Лев Иванович за каждой моей ногой смотрит. Установил я мяч на одиннадцатиметровую отметку. Отошел я, разбежался и...

— И? — пискнул Шурик.

— И проснулся, — с глубокой горечью ответил Егор Веселых, нервно подергав свои огромные черные усы. — И с тех пор покоя мне нету, как подумаю: забил бы я или не забил гол Льву Ивановичу Яшину, богу вратарей? Хотя бы один из десяти? Но зато после этого исключительного сна тренироваться я стал до изнеможения почти полного. Так что не поздоровится твоему дяде Коле.

— Это мы еще посмотрим, — обиженно отозвался Шурик. — У него отличная реакция. Просто редкая. Опыта, правда, никакого. Он еще не играл ни в одной команде. Вообще в настоящих воротах еще не стоял.

— Тогда мне с ним и делать нечего! — презрительно бросил Егор Веселых и гордо покрутил свои огромные черные усы. — Я человек серьезный, хотя характер у меня и веселый. Для меня футбол не игрушка, а смысл всей моей жизни. Вот почему, думаешь, голова у меня бритая наголо? Поспорил с одним вратарем, что забью ему восемь из десяти, иначе прощаюсь со своей кудрявой шевелюрой. А забил семь. Все меня отговаривали, но я условия спора выполнил. Вот и с твоим дядей Колей мы поспорим на его голову и мои усы. Понятно?

— Понятно, — в страхе и уважении прошептал Шурик. — Вы очень серьезный человек, дядя Егор, и усы у вас прекрасные, но... но вы же можете их потерять!

— Тогда так мне и надо! — сурово заключил Егор Веселых и яростно покрутил свои огромные черные

усы и ласково погладил их, словно радуясь тому, что они у него еще есть.

В магазине наши новые знакомые закупили много основы жизнедеятельности и сохранения энергии человеческого организма — различных концентратов, а также масла, соли, хлеба, в овощном ларьке — луку.

— Почему же ты такой к нормальной жизни неприспособленный? — спросил Егор Веселых. — Почему даже в магазин самостоятельно сходить не можешь?

— Папа с мамой и дедушка считают, что главное в жизни — учеба и только учеба. Добиваются, чтобы я стал абсолютно круглым отличником. Мне разрешают лишь учиться.

— Отлично учиться — дело, конечно, / хорошее. А больше ничего от тебя мама с папой и дедушка не добиваются? А костер разжечь в дождливую погоду можешь?

Выслушав предельно грустный рассказ Шурика о его школьной и домашней жизни, Егор Веселых, недовольно покрутив свои огромные черные усы, воскликнул:

— Беру над тобой шефство, товарищ Шурик! Пусть родители и дедушка делают из тебя абсолютно круглого отличника, а я из тебя нормального здорового человека воспитаю! Как говорил мой любимый командир, старший лейтенант Синица, в здоровом теле мозги работают значительно лучше, чем в недоразвитом.

Бабушка Анфиса Поликарповна, открыв дверь, пошатнувшись, спиной прислонилась к стене в коридоре и совсем тихо прошептала:

— Я отравилась, внучек... Я не выдержала и... и съела тарелку борща... Меня всю передергивало, но я ела и... и ела, чтобы не умереть от недоедания... Это кто с тобой? Опять какой-нибудь тренер? И этот попытается отравить меня?

— Никак нет, многоуважаемая Анфиса Поликарповна! — подкручивая свои огромные черные усы, громогласно сказал Егор Веселых. — Я накормлю вас высококалорийной пищей. Разрешите проверить ваш борщ?

Он очень осторожно зачерпнул ложкой из кастрюли, еще осторожнее втянул борщ в рот... проглотил... взглянул на бабушку Анфису Поликарповну... хмык-

нул два раза... один фыркнул... опять хмыкнул да как расхохочется!

— Ох, насмешили... ох... насмешили... — сквозь смех выговаривал он. — Ох, комедия... вот это отравление... — Он с большим трудом перестал смеяться. — И не противно вам было есть?

— Просто ужасно. Но я была голодна и близка к очень глубокому обмороку от недоедания.

Егор Веселых посолил борщ, попробовал, похихотал, еще посолил и еще похихотал, предложил:

— Вот теперь кушайте на здоровье. Относительно вкусный борщ.

— Какое вопиющее безобразие! — гневно возмутилась бабушка Анфиса Поликарповна. — Это все твой Жорж, внучек! Он что, не знает, что пищу для человека следует обязательно солить? Да, Шурик, там тебе письмо от этого клетчато-полосатого.

Шурик развернул листок, исписанный крупным детским почерком:

ДАРАГИИ АНФЫЦА БАЛИКРПОВНА ИШУРИК МИНЯ ДЕРЬЖУТ
ВБАЛНИЦЫ ЛИЧИТЬ БУДУТ КОЛЯ ИСЧЕС ФТЫКАЮТ МИНЕ
НОВЫИЗ УБЫ АБИЗАТЕЛЬНО НАВИСТИТЕ МИНЯ

ЖОРЖ СВИНКИН

КОРМЯТ НИВАЖНО ИМАЛО

— Куда исчез дядя Коля? Куда? — печально и растерянно спросил Шурик. — Куда он мог исчезнуть? Зачем? Он же обещал прийти ко мне... А почему Жорж Робертович такой безграмотный? А вдруг он все-таки никакой не футбольный тренер, а... — И он, пока Егор Веселых готовил концентраты для варки, рассказывал ему о Жорже Свинкине.

— Проверим мы вашего тренера, — пообещал Егор Веселых. — И дядя Коля твой никуда не денется. Если он даже и разбился, когда с поезда на полном ходу зачем-то прыгал, милиции это, конечно, известно.

— Все это в высшей степени подозрительно, — наставительным тоном произнесла бабушка Анфиса Поликарповна. — Егор... как вас по отчеству?

— Проще простого — Егорович.

— Так вот, Егор Егорович, почему этот безграмотный Жорж не посолил борщ? Нарочно?

— Вряд ли. А вот как вы не догадались? Неужели вы не знаете...

— Если бы я знала все, — довольно насмешливо перебила бабушка Анфиса Поликарповна, — то я бы не сидела с вами здесь на кухне, а заседала бы в академии наук. Егор Егорович, а ведь Шурик, сам того не сознавая, попал в весьма и весьма сложное и даже небезопасное положение. На руках у него, можно сказать, беспомощная бабушка, а окружают его совершенно подозрительные личности. Один — безграмотный тренер, другой — вратарский поп или поповский вратарь, я уже запуталась.

— Он не поп! — возмутился Шурик. — Он бывший поп! Теперь он — перспективный вратарь! Каких еще не бывало!

— Постой, постой, — сурово проговорил Егор Веселых. — Вот это новость! Действительно, бывший настоящий поп?

— Да, действительно, — упавшим голосом отозвался Шурик, — он был попом, но полюбил футбол. Он жить не может без футбола. Он поступает на работу и в команду.

— Вот это новость, — почти мрачно повторил Егор Веселых, задумчиво покрутил свои огромные черные усы и снова принялся резать лук. — Да ведь такого еще не бывало и быть не может! Или он не поп, или... А вдруг он что-нибудь вроде шпиона со специальным заданием? А? Вдруг его забросили в наш футбол... точно, точно! — Он громко расхохотался. — А что? Перед началом матча обе команды молятся, тем самым демонстрируя, что верят не в федерацию футбола, а в несуществующего господ бога! Перед ударом по воротам — молитва! Удачно обвел защитника — остановись, поблагодари господ! Это же, товарищи, собьет ритм игры, снизит скорости!

— Нет, нет, если молитва поможет точнее бить по воротам, я бы не возражала, — не очень уверенно призналась бабушка Анфиса Поликарповна. — Вот рассказывают, например, что иногда некоторые футболисты неприлично выражаются, так уж пусть лучше молятся. Главное — поднять результативность форвардов и избавиться от бледных ничьих.

— Простите, простите, — очень оскорбленно проговорил Егор Веселых, — а, собственно, на каком основании вы, извините, беретесь рассуждать так, простите, авторитетно о футболе?

— На телевизионном основании. Шайбу я не вижу, бегают в хоккее так быстро, что я уследить не могу и ничегошеньки не понимаю. Хоккей смотрю — старость свою чувствую. То ли дело — футбол! Пока они от своих ворот до ворот соперника добредут, я спокойно успеваю чайку на кухне попить.

— Ну, знаете... — Егор Веселых столь яростно покрутил свои огромные черные усы, словно собирался их оторвать. — Слишком много на себя берете. Футбол — любимая игра миллионов.

— И миллионы, Егор Егорович, разлюбить могут, если их доверия не оправдать! И зря вы на меня, дорогой, сердитесь. Я еще ничего, я еще терпеливая. А вот одна подруга моя из-за неудач нашего футбола с горя свистеть научилась. Ну, прямо, как мальчишка! Сидит, бедная, перед телевизором одна и свистит! Ее уже два раза на домовую комитет вызывали, участковый ее, горемыку, навещал. А она все свистит и свистит... Как только футболистам не стыдно!

Егор Веселых жарил лук и молчал, потом заговорил:

— Да я и не сержусь на вас. В чем-то вы безусловно правы. Как сказал однажды мой любимый командир, старший лейтенант Синица, если тебя обозвали дураком, ты на всякий случай все-таки подумай об этом... Просто я горячо верю в большое будущее нашего футбола. И все его недостатки считаю временными. Но вот с попом надо разобраться. Не нравится мне эта история и то, что в нее Шурика впутали. Поп — он поп и есть, хоть бывший, хоть какой. Раньше-то он людей обманывал. Почему бы ему и сейчас этим не заниматься?

— Все можно сделать очень просто, — печально сказал Шурик. — Надо вам с ним встретиться, и все сразу станет ясно. Дядя Коля — очень хороший человек.

Тут из больницы принесли еще одну записку, исполненную крупным детским почерком:

ЕСТ СЛУХ ПОПОВ НИКОЛАЙ НЕДНА ЕМУ
НИПАКРЫШКИ ПАСТУПИЛ ВКОМАНДУ ЛИСПРОМХОЗА
ШУРИК БЫСТРО КМИНЕ

ЖОРЖ СВИНКИН

ПРИНЕСИ КОЛБАСУ ТУТ КОРМЯТ САМНИТЕЛЬНО

— Пожалуй, надо к нему сходить, — прочитав записку и задумчиво покрутив свои огромные черные усы, сказал Егор Веселых. — Вот доварим кашу, заправим ее жареным лучком и отправимся.

Попробовав кашу из концентратов, бабушка Анфиса Поликарповна пришла в такой неопиcуемый восторг, что спросила прямо-таки с благоговением:

— Где вы овладели этим искусством?

— Армия всему научит, — скромно, но с достоинством ответил Егор Веселых. — Теперь немедленно в больницу.

— Значит, вы в больницу, а я одна?! А вдруг явится этот вратарский поп? Я уже заранее холодею от страха.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Егор Веселых. — В больницу отправлюсь я один. Да, да, Шурик, так будет лучше и удобнее. Ты жди своего вратаря, а я займусь этим прыгуном с поезда. Зовут его...

— Жорж Робертович Свинкин.

— Даже имя его не внушает доверия. Но, как говорил мой любимый командир, старший лейтенант Снина, имя нам выбирают родители, а глупости мы делаем самостоятельно. Одному солдату он сказал: беда твоя не в том, что зовут тебя Веллингтон, а по фамилии ты Чурбак, а в том твоя беда, что над мозгами своими ты мало работаешь... Итак, в путь, к Жоржу Свинкину!

— Дядя Егор, он ведь есть просит!

— Ну и что? — невозмутимо отозвался Егор Веселых. — Пусть просит. Вот у меня дома кот есть. Зовут его, кстати, Жоржик. Так он все время есть просит.

— Дядя Егор, но ведь то кот, а...

— Кот, по крайней мере, хоть мышей изредка ловит, — сказал Егор Веселых серьезно, — а ваш Жоржик еще неизвестно чем занимается. С ним я быстренько разберусь. А попа твоего бывшего мне надо в воротах посмотреть. Всего один ударчик — и все будет ясно. Вперед! Ждите меня!

— Я предчувствую, что никакого отдыха у меня здесь не получится, — проговорила бабушка Анфиса Поликарповна. — Нам грозит попадание в какую-то историю.

— Мы в нее уже попали, — весело ответил Шурик.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Жорж Свинкин выдает себя за государственного футбольного тренера и мечется в поисках вратаря Попова Николая

Есть такое выражение: лежать в больнице. По отношению к Жоржу Свинкину будет точнее сказать: бегать по больнице.

Как только он там появился, так и забегал по всем кабинетам, и все врачи, и все медсестры за ним забегали.

Ведь он сказал:

— Я работаю гошударштвенным футбольным тренером! Моя команда пошлежавтра играет не где-нибудь, а в Мошкве, на штадионе в Лужниках. Матш будет транслироватьша по телевижору. Меня немедленно шледует привешти в нормальный вид! Как можно быштрее вштавить жубы!

Представьте себе, уважаемые читатели, поверили Жоржу Свинкину и старательно приводили его в порядок, хотя это было не так уж и просто. Клетчатый пиджак и полосатые брюки тут же унесли в химчистку, купили новые полуботинки, вставили зубы, все ссадины и ранки залепили пластырем.

Оглядев себя в зеркале, Жорж Свинкин показал на три разноцветные шишки и приказал:

— Убрать!

— Никак невозможно, — ответил главный врач, — надо просто ждать, пока они сами рассосутся.

— Да-да, — глубокомысленно протянул Жорж Свинкин, — отстает еще медицина от требований трудящих.

— Ся, — добавил главный врач.

— Чего — ся?

— Трудящихся.

— Вполне возможно, — великодушно согласился Жорж Свинкин и с удовольствием поцелкал металлическими зубами, еще не подозревая, какие злые шутки они сегодня с ним сыграют. — Знаете, у меня в команде необыкновенный вратарь. Супер. Люкс. Звезда. Попов Николай. Кстати, из здешних мест.

В это время как раз принесли вычищенный и отремонтированный костюм. Облачившись в клетчатый пиджак и полосатые брюки, Жорж Свинкин вертелся

перед зеркалом, довольный и гордый, и не сразу слышал растерянный голос главного врача.

— Простите, простите, как вы сказали? Попов Николай? Футболист?

— Да, да. А что?

— Буквально за час до вас, до вашего появления здесь, Жорж Робертович, футболист Попов Николай проходил у нас медицинскую комиссию. Он направлялся в команду «Леспромхоз».

— Кар... кар... кар... — Жорж Свинкин от неожиданности и злобы никак не мог справиться со своими новыми зубами, заикался и щелкал ими, но уже без удовольствия... — Кар... каррррь... рист! — наконец-то вырвалось у него. — Карьерист! За длинным рублем погнался! А у меня игра в Ленинграде!

— В Москве, вы говорили.

— И в Москве, и в Киеве, и в Тбилиси... У нас плотный календарь игр. Европа нас ждет не дождется, а этот кар... кар... Ну, достанется ему от меня! Он у меня еще поп... поп... поп... ляшет! Не уйти ему от меня!

Отправив Шурику записку, Жорж Свинкин бегом вернулся в кабинет главного врача, спросил:

— А этот кар... а этот кар... а этот негодяй Попов Николай ...шишек у него не было? Физиономия у него в порядке была?

— Прекрасно выглядел. Отличная спортивная форма.

Яростно и скрипло прохрипев что-то нечленораздельное, Жорж Свинкин выскочил из кабинета, пробежал по коридору, вдруг остановился, громко пощелкал в негодовании зубами, справедливо решив, что бежать-то ему некуда и незачем. Значит, негодяй Попов Николай с поезда не прыгал! Тогда почему же прыгал он, выдающийся тренер!

— Нет, нет, вы объясните мне, — чуть не закричал он, неизвестно к кому обращаясь, — объясните мне, почему я прыгнул на полном ходу с поезда вслед за негодяем Поповым Николаем, а он, оказывается, не прыгал? Ерунда какая-то получается, чепушистика... А может быть, он просто удачно прыгнул? Но если уж он так хотел увидеть Шурика Мышкина, то почему отправился в леспромхоз? Почему? Почему?.. Да по-то-му! Все, все, все теперь мне ясно!

И через несколько секунд Жорж Свинкин был уже на улице. Он разгадал гнусный замысел этого негодяя Попова Николая! Разгадал! Неважно, прыгал он или не прыгал с поезда на полном ходу. Важно и подло то, что, пока его, тренера, и его костюм чистили и ремонтировали, вратарь этот вредный успел, конечно, встретиться с Шуриком Мышкиным! И они обо всем договорились! Вот, вот! Три шишки на голове огромные, а соображает голова-то ох как здорово!

Но — стоп, стоп, стоп... Куда ты бежишь, Жорж Робертович? Ясно, что к Шурику Мышкину. А зачем? Узнать, видел ли он негодяя Попова Николая? Так ведь Шурик Мышкин и соврать может что угодно! Эх, Жорж, Жорж, как ты оплошал! Всю жизнь всех обманывал — прекрасно получалось, а тут...

— Та-а-а-акси-и-и-и! — не своим голосом, можно сказать, завопил Жорж Свинкин и бросился к машине с клеточками. — Плачу во все четыре стороны! То есть в оба конца! То есть с обратом! Мне срочно в леспромхоз!

— Таких не берем! — испуганно отказался шофер, увидев отремонтированную физиономию и три разноцветные огромные шишки на лысой голове.

— Я государственный футбольный тренер! — скрипло прохрипел Жорж Свинкин. — У меня послезавтра игра в Европе, а вратарь сбежал в леспромхоз!

Поездка для шофера бывал очень выгодной, но зато пассажир был очень уж подозрительный.

— Я хорошо, отлично, замечательно, я распрекрасно тебе заплачу! — упрашивал Жорж Свинкин, и когда шофер собрался было согласиться, у тренера отказались повиноваться челюсти. — Этого кар... кар... кар... кар!!! — И лишь когда машина испуганно скрылась за поворотом, у Жоржа Свинкина вырвалось: — Карррррье...риста...

Ни одного таксиста не смог уговорить Жорж Свинкин: все они боялись его внешнего вида. А если к этому добавить хриплый, скрипучий голос, заикание, щелканье металлическими зубами, то в поведении шоферов не было ничего непонятного.

Но, уважаемые читатели, Жорж Свинкин и не думал сдаваться. Он должен был во что бы то ни стало попасть в леспромхоз и вытащить оттуда негодяя Попова Николая!

Внезапно Жорж Свинкин, как ему показалось, обнаружил свою главную, но вполне поправимую ошибку, из-за которой у него сейчас ничего не получается. Ведь он элементарно голоден! И заикается он не только потому, что зубы ему вставляли второпях и плохо подогнули, но и потому, что от голода он плохо владеет своим организмом, в том числе и головой.

Вбежав в ближайшее кафе, Жорж Свинкин взял поднос, уставил его тарелками, подошел к кассе, чтобы расплатиться, и...

И карманы оказались пустыми! В них не было ни единого рубля, ни единой копеечки!

Даже малюсенькой булочки не мог купить Жорж Свинкин!

Он стыдливо оставил поднос и, шатаясь, вышел на улицу. Такого удара судьбы тренер несуществующей команды, конечно, не ожидал. Ведь с деньгами пропали и его документы, и паспорт этого негодяя Попова Николая...

Силы разом оставили Жоржа Свинкина. Он с очень невероятным трудом устоял на ногах, скрипнул стальными и золотыми зубами и переждал, когда пройдет головокружение. Было у бедного одно только желание: лечь бы вот тут на асфальт и лежать, не двигаясь, ни о чем не думая, ничего уже больше от судьбы не ожидая... И зачем только пошел он в повара, официанты, зачем возомнил себя тренером? Торговал бы сидя газированной водой — никаких забот, чего еще надо? А тут... Жорж Свинкин чуть не зарыдал от горя, обиды и голода, но сдержался и нетвердыми шагами двинулся искать дорогу в леспромхоз.

Именно сейчас, уважаемые читатели, мне совершенно необходимо сообщить вам об одном весьма и весьма серьезном обстоятельстве, хотя иные из вас и не любят, когда авторы их поучают, ибо полагают себя и без того достаточно умными.

А я и не собираюсь вас поучать. Просто мне хочется совсем ненадолго остановить повествование и поделиться с вами некоторыми соображениями. Авось да они вам пригодятся. Я ведь намеренно описываю мытарства Жоржа Свинкина самым подробным образом. И делаю это вовсе не для того, чтобы только рассмешить вас, уважаемые читатели. Мне надо показать вам, что иногда плохие люди действуют с та-

кой силой, с таким самопожертвованием, с такой настойчивостью, каких порою не хватает хорошим людям на самые добрые дела. Ясно? Тогда поехали дальше. Нет, нет, это не шутка, сейчас действительно поедem.

Остановил-таки Жорж Свинкин некое тарахтящее, скрипящее, стучащее, повизгивающее транспортное сооружение, этакий тракторчонок с трубочкой, из которой вылетали клубики дыма. Передние колеса у тракторчонка были маленькие, а задние — огромные, и казалось, что вот-вот все четыре колеса раскатятся во все четыре стороны. Тракторчонок мелко-мелко, но сильно содрогался, словно собирался подпрыгнуть.

Из кабины высунулся столь чумазый человек, что его можно было вполне посчитать за негра, если бы не большие белые уши.

— Я государственный футбольный тренер! — яростно прохрипел Жорж Свинкин, стараясь, так сказать, перехрипеть тарахтение, скрипение, стучание, повизгивание тракторчонка. — У меня послезавтра игра в Ливане, а вратарь сбежал в леспромхоз! Мне срочно надо в леспромхоз!

Чумазый человек махал ему в ответ черной рукой, в улыбке скалил зубы, но Жорж Свинкин ничего не слышал, даже своего собственного голоса.

Вдруг тракторчонок разом перестал тарахтеть, скрипеть, стучать, повизгивать, содрогаться — замолк.

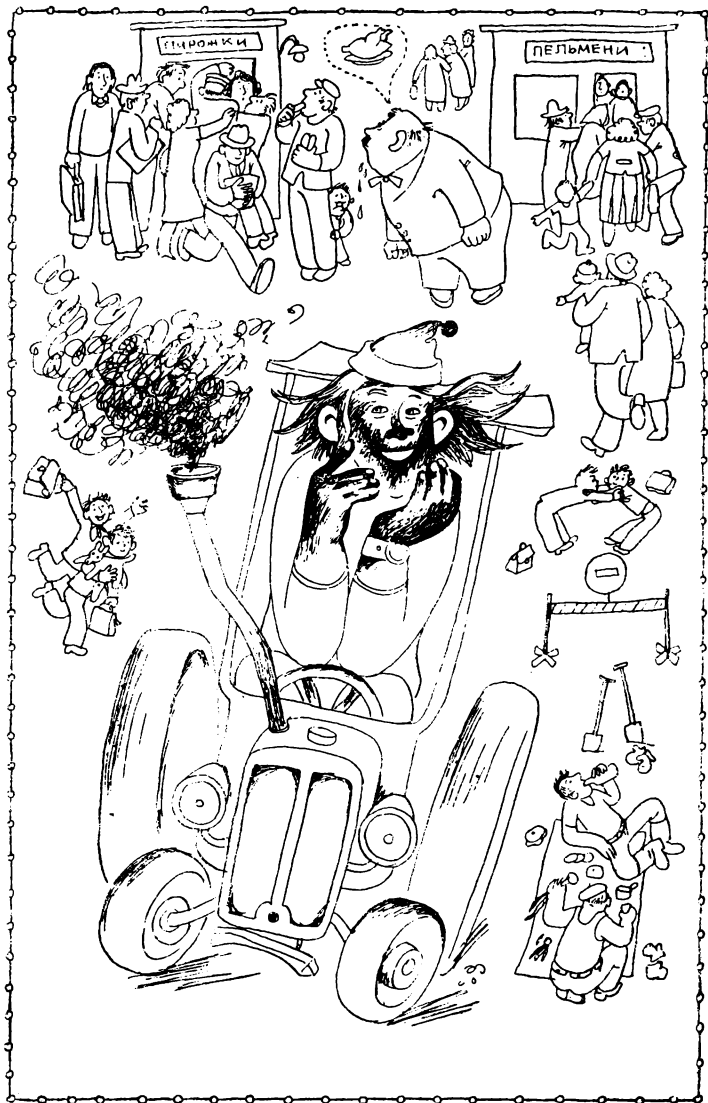
— Чего? Чего? — спросил чумазый. — Куда? Куда?

Пришлось самозванному государственному тренеру повторить все сначала, и чумазый обрадовался:

— Так ведь я туда и еду! Только по дороге заглянем к моей дорогой теще блинов поесть! Со сметаной! Теща у меня — золотой человек! Завтра она для меня пельмени готовит! А вчера я у нее пирожки ел! Трех сортов! Мясные — раз! С яйцом и луком — два! С малиной — три! А послезавтра у нее для меня рыбный пирог будет! Поехали?

Жорж Свинкин радостно закивал своей израненной головой с тремя разноцветными шишками.

— Только у меня в кабине-то больно грязно! — весело продолжал чумазый. — Придется тебе в прицепе ехать! Там почище немного! Залезай, залезай! Гаврила — человек добрый! И довезет, и блинами на-

кормит! Вернее, сначала блинами накормит, а потом довезет! Залезай! Надолго Гаврилу запомнишь!

К тракторчонку была прицеплена повозка — кузов с низкими бортами. Ничего не подозревающий, полный радостных надежд Жорж Свинкин не без труда перевалился через бортик в кузов. Тут же сразу раздалось тарахтение, скрипение, стучание, повизгивание. Тракторчонок весь засодрогался, словно собирался подпрыгнуть. Из трубочки полетели клубики дыма. Тракторчонок рванулся вперед, и прицеп весь затрясся.

Сразу же выяснилось, что в кузове недавно перевозили сено, опилки, каменный уголь, глину, навоз и гравий. Еще обнаружилось, что устоять на ногах здесь можно, только крепко держась руками за бортик, в ужасно неудобной позе.

Самозванный государственный футбольный тренер брезгливо морщился, его беспрерывно подбрасывало вверх, кидало из стороны в сторону, тянуло назад и толкало вперед. Скоро Жоржа Свинкина до того растрясло, что он даже о блинах со сметаной забыл, думая лишь о том, что надо все выдержать, стиснув очень крепко стальные и золотые зубы.

Но казалось, что с каждой минутой его трясет, подбрасывает вверх, кидает из стороны в сторону, тянет назад и толкает вперед все сильнее и сильнее.

Вконец измучившись, Жорж Свинкин плюхнулся на грязный пол, ибо трястись и подпрыгивать сил уже не осталось. Сейчас ему даже с малых лет ненавистная учеба представлялась приятнейшим, прямо-таки райским занятием, не говоря уже о сидячей торговле квасом и газированной водой.

Вдруг тракторчонок заглох. Наступила такая тишина, словно Жорж Свинкин сам оглох. С невероятным трудом поднялся он на онемевших ногах, потирая отбитое тело, и хрипло позвал, заикаясь и стуча металлическими зубами:

— Гав.. гав... гав... рила!

— Сей минут! — ответил веселый голос. — Добро у дороги валяется, а нам оно пригодится!

И в кузов со страшным грохотом упала вымазанная густым слоем мазута железная бочка.

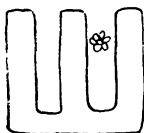
— Гав... гав... гав... — обессиленным голосом пытался выхрипеть Жорж Свинкин, но тракторчонок за-

тарахтел, заскрипел, затрещал, заповизгивал, рванулся вперед, а бочка двинулась на перепуганного тренера.

Началась опасная, изнурительная, напряженная, длительная, бескомпромиссная борьба человека с неодушевленным предметом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Возвращение вратаря дяди Коли, бывшего попа Попова, его знакомство с форвардом Егором Веселых, полный напряжения и даже некоторого драматизма их футбольный поединок

рика?

Мог что-нибудь разузнать дядя Егор, но и его все нет и нет!

Никак не удавалось Шурику отделаться от ощущения, что с дядей Колей что-то случилось. Но — что?

— У вас странный телевизор, — сказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Вставляю вилку в розетку, как ты учил, жду, жду — ни звука, ни изображения, а идет дым и пахнет горелым. Я выключаю, выжидаю, включаю — та же непонятная история, то есть ни звука, ни изображения, только дым. А горелым пахнет не переставая.

У Шурика было такое настроение, что хоть совсем сгори он, телевизор этот! Он поплелся в комнату, там бабушка Анфиса Поликарповна продемонстрировала ему, как странно ведет себя телевизор, и сказала уныло:

— Я здесь обречена на бескультурье. Без телевизора я как без головы. Может быть, Егор Егорович поможет? Он человек в высшей степени практический. Жоржу я уже больше не доверяю. А куда же делся твой вратарский поп?

— Я все равно поеду искать его в леспромхоз. Если, конечно, дядя Коля туда уехал. Но я не могу представить, чтобы он мог уехать, не попрощавшись со мной. Значит, с ним что-то случилось, — печально говорил Шурик. — Значит, я должен к нему поехать.

— Тогда я уеду обратно домой. Тем более, что денег у меня осталось только-только на билет. Питаюсь я здесь неплохо, но нерегулярно и совсем без витаминов. Куда же запрятали деньги твои родители?.. Внук, развлекай меня. Мне скучно! Я не привыкла так... Расскажи мне что-нибудь веселое, интересное!

— Не могу. Мне грустно, и еще я волнуюсь очень. Мне просто тяжело. Я раньше переживал только за отметки, а сейчас я беспокоюсь о человеке, — признался Шурик.

— Это весьма прискорбно, — бабушка Анфиса Поликарповна с сожалением покачала головой. — Беспокоиться, внучек, надо о себе. По крайней мере, в первую очередь. Вот какой, например, смысл в том, что ты волнуешься о каком-то там вратарском попе или поповском вратаре? А он уехал куда ему удобнее и выгоднее. Он о тебе не беспокоится.

— А меня это не касается! — слишком нервно ответил Шурик. — Кроме того, он тоже, может быть, обо мне беспокоится.

— Потому-то все у вас так глупо и получается! — наставительным тоном, с оттенком удовлетворения произнесла бабушка Анфиса Поликарповна. — Все беспокоитесь, а толку, как видишь, нуль. Одни сплошные никому не нужные волнения. Вот представь себе, живут, предположим, десять человек. Что, по-твоему, будет, если они все начнут беспокоиться друг о друге? Все перепутается! Получится сплошной кавардак! Кому о ком, спрашивается, конкретно заботиться? Ведь вполне может случиться так, что об одном будут беспокоиться двое, трое или даже четверо, а о ком-то никто. Но наступит полнейший порядок, когда каждый спокойно станет беспокоиться только о себе.

— Но ведь о тебе, ты рассказывала, заботятся твои дети.

— Это их личное дело. Я их не прошу. Они сами.

— Нет, нет, ты что-то путаешь, — недоуменно сказал Шурик. — Просто тебе самой ни о ком беспокоиться не хочется. А что бы ты делала, если бы о тебе не

заботились? Ты ведь даже суп варить не умеешь. В магазины ходить не умеешь.

— Вот-вот! — торжествующе воскликнула бабушка Анфиса Поликарповна. — Я ничего не умею делать, потому что все, кому не лень, обо мне заботятся. Вот меня и испортили! Не дали мне возможности развиваться. Понимаешь теперь, к чему приводит чрезмерное беспокойство людей друг о друге?

— Я не согласен с тобой, — решительно сказал Шурик. — Знаешь, мне было очень неприятно и даже стыдно, когда тетя Варвара назвала тебя чудом-юдом морским, тунеядницей и тунеядкой.

— Я ту-не-яд-ни-ца?!?!?! — предельно возмутилась бабушка Анфиса Поликарповна. — Я чудо-юдо, да еще морское?!?!?! Я ту-не-яд-ка?!?!?! — оскорбленной-шим тоном продолжала она, но уже чуть-чуть-чуть спокойнее. — К твоему сведению, можешь это передать своей клеветнице и злопыхательнице, я в прошлом — трудящаяся! А сейчас я на заслуженном отдыхе. Подчеркиваю: заслуженном!

— Тетя Варвара тоже на заслуженном отдыхе. У нее пятеро детей, шесть внучек и один внук. И о всех она заботится. И все о ней заботятся.

— У меня тоже есть внуки и внучки, и дети, естественно, есть, — обиженно проговорила бабушка Анфиса Поликарповна. — И все они, кроме тебя, всю заботятся обо мне. Я их воспитываю в духе любви к труду и уважения к старшим. Они бы никогда не позволили себе обидеть меня, как это ты сейчас сделал с видимым удовольствием.

— Я нисколько не хотел тебя обидеть. Но ведь тетя Варвара в чем-то права.

Дверной звонок прозвенел так громко и весело, что сразу стало ясно: это вернулся Егор Веселых!

Он четким шагом прошел в комнату, встал по стойке «смирно», сказал:

— Разрешите доложить? Во-первых, я успел покормить Жоржика.

— Но вы же не хотели делать этого, дядя Егор!

— Если не покормить, он украдет.

— Какой потрясающий кошмар! — поразились бабушка Анфиса Поликарповна. — Значит, мы правильно делали, что кормили его! Вор в нашем доме! Кошмарный ужас!

— Вы это о ком?

— О Жорже Робертовиче, которого вы почему-то называли так ласково — Жоржик.

Егор Веселых с Шуриком долго хохотали, потом внуком объяснил:

— Ты забыла, что Жоржиком зовут кота.

— А ваш Жоржик... — Егор Веселых опять похотал. — Ваш Жорж Робертович из больницы сбежал. Да, да, в неизвестном направлении, но скорее всего в леспромхоз за вашим же вратарем. Таковы новости.

— Ну и замечательно! — восхитилась бабушка Анфиса Поликарповна. — Даже просто великолепно! Все сбежали! Особенно мне радостно оттого, что убежал этот подозрительный субъект Жоржик!

— Жоржик — это честнейший кот! — гордо и чуть обиженно поправил Егор Веселых. — А вот ваш Жорж — действительно субъект. Я на всякий случай заявил о нем в милицию. Можете представить, в больнице выдавал себя за государственного футбольного тренера. А это уже не шуточки.

— Поедьте в леспромхоз, дяд Егор! — умоляюще попросил Шурик. — Я очень беспокоюсь о дяде Коле...

Задумчиво покрутив свои огромные черные усы, Егор Веселых ответил:

— Ты молодец, раз так серьезно беспокоишься о человеке. Значит, ты сам хороший человек. Завтра утром все узнаем в милиции. Если будет необходимость, обязательно поедем в леспромхоз. Помогу я тебе разыскать этого дядю Колю, вколочу ему десять мячей из десяти, провожу его до парикмахерской и дождусь, когда он оттуда бритоголовым выйдет! А сейчас...

— А сейчас, а сейчас, — радостно перебила бабушка Анфиса Поликарповна, — разберитесь, пожалуйста, в нашем телевизоре. Он очень странно не работает. Вот смотрите. — Она вставила штепсель в розетку. — Минуточку внимания. Нет ни звука, ни изображения, но — вот, вот! — идет дым.

— Все правильно, все как полагается, — сказал Егор Веселых и, с очень большим трудом сдерживая смех, объяснил: — Если вместо телевизора включить утюг, который стоит на полу, то не будет ни звука, ни изображения, но дым пойдет. Что мы и видим.

Тут раздался негромкий, вежливый, даже застенчи-

вый дверной звонок. Шурик сразу насторожился, неуверенно прошептал:

— Да это же он... Он же это! Дядя Коля! Дядя Коля! — Он бросился в коридор, откуда вскоре раздался восторженный голос: — Пришел, пришел! Он пришел, бабушка! Он здесь, дядя Егор! Я ведь говорил вам, что он обязательно придет! Я говорил, что он не может не прийти! Ведь он обещал! Правда, дядя Коля, что вы все равно бы пришли?

— Всенепременно! — пробасил в ответ долгожданный гость. — При всех вероятностях, неожиданностях, любых обстоятельствах и даже кознях.

Шурик поставил его чемодан в угол, помог снять рюкзак (телевизор пока оставался в камере хранения на вокзале), провел в комнату и сказал, весь сияя:

— Вот это и есть дядя Коля. А это бабушка Анфиса Поликарповна. А это дядя Егор по фамилии Веселых, и характер у него веселый... Где же вы пропадали, дядя Коля? И как и зачем вы могли уехать в леспромхоз?

— В леспромхоз? — недоуменно переспросил дядя Коля. — Какой леспромхоз? Ни в какой леспромхоз я не собирался. Я к тебе, Шурик, стремился. Да ведь Свинкин обманул меня, ровно отрока неразумного.

— Но где же вы были так долго? Что случилось?

Тяжело и виновато вздохнув, дядя Коля смущенно улыбнулся и, махнув рукой, ответил:

— А бес попутал, как бы я раньше сказал. И говорить-то про сие даже стыдно. Плутал я, Шурик, блуждал. Еле-еле-еле до тебя я добрался.

— И с поезда вы не прыгали?

— А зачем мне с поезда прыгать?.. Дело было так. Этот... тренер всего меня обманул, запутал, плел, плел что-то, вот я и запутался совсем. И только когда он в поезд меня затащил, а поезд вперед пошел, тогда лишь я и уразумел, что крупно обманут. И чтобы его богомерзкого лица не видеть, отправился я в соседний вагон. На следующей же станции я с поезда сошел, а не спрыгнул.

И вот что, уважаемые читатели, сообщил он далее. Оказавшись на незнакомой станции, дядя Коля, к сожалению, совершенно не раздумывая, сел в подошедшую электричку, проехал один перегон и опять оказался на незнакомой станции. Поразмыслив, он

определил, что уехал не в ту сторону, дождался электрички, рассчитал, что надо проехать уже два перегона, и... опять оказался на незнакомой станции. Ведь спросить-то он ни у кого и ничего не мог: не знал ведь он названия станции, куда ему требовалось вернуться!

— Долго рассказывать, — смущенно и виновато продолжал дядя Коля, — но покатался я вдоволь. Хорошо еще, что оштрафовали меня.

— Что в этом хорошего? — удивился недружелюбно Егор Веселых. — В безбилетном-то проезде что, спрашиваю, хорошего?

— А иначе бы я к Шурику еще неизвестно, когда бы попал. Сам факт безбилетного проезда, конечно, грех. За него я и понес законное наказание денежным штрафом. Но зато контролер видел, на какой станции садился я в поезд с этим пустомелей.

— Скажи-ка мне, Николай, — подозрительно его оглядывая, проговорил Егор Веселых, — как ты мог довериться такому проходимцу, как Жорж клетчатополосатый?

— Я, Егор, без футбола жить не могу, — проникновенно, даже чуть нежно ответил дядя Коля. — А Жорж как никак позвал меня в настоящую команду. Дескать, завтра уже тренировки. Я ведь предполагал обязательно с Шуриком посоветоваться, а Свинкин меня с ним разлучил. Но я Жоржу не до конца доверился, да и сущность его распознал довольно быстро, хотя и не сразу.

— А правда, Николай, что ты попом работал?

Дядя Коля осуждающе взглянул на Шурика. Тот отрицательно помотал взъерошенной головой. Бабушка Анфиса Поликарповна стала что-то очень внимательно разглядывать за окном.

— Да, был я попом, — тяжело вздохнув, подтвердил дядя Коля, — но неважным я был попом. Даже иногда терзался этим, потому что рыбалки или лыжи влекли меня сильнее, чем церковные обязанности. А тут я еще прознал, что есть на свете футбол. Вот он-то и завладел моей душой уже без остатка. Теперь все мои помыслы только о футболе.

— А как же ты все-таки в попах-то оказался? — продолжал недружелюбно расспрашивать Егор Веселых.

Пожав широченными плечами, дядя Коля смиренно отозвался:

— Смеяться или осуждать меня за то, что я был попом, не следует. Семья у нас была религиозная. Весь род с давних времен был церковным. Батюшка мой настоял, чтобы и я пошел в священнослужители. Ослушаться родителя было никак невозможно.

— А почему это ты вдруг решил стать именно вратарем? — не унимался Егор Веселых.

— Не вдруг, — тихо возразил дядя Коля, помолчал и повторил решительно: — Нет, не вдруг. Долго я размышлял об этом наедине, иной раз и ночь в размышлениях пролетит, не заметишь. Издали все началось, издавна... Старший брат мой нрав имел необузданный, то есть был очень гневлив, часто впадал в неистовство и не мог с собой совладать. Совершенно негодной привычкой, перешедшей в потребность, было у него швыряние в меня различных предметов, вовсе для этого не предназначенных. И я в безвыходности научился ловить любой брошенный в меня предмет. И преуспел, наловчился. Из бидона, к примеру, наполовину заполненного молоком, не проливалось ни капли. Даже крышка не звякала. Уяснив мои способности и понадеявшись на них, брат мой стал изощряться в выборе предметов для кидания в меня. Я и чугунок с картошкой или кашей ловил. Чайник горячий мог уловить...

— Такое только в поповской семье могло твориться! — презрительно и возмущенно заключил Егор Веселых. — А зачем потакал брату?

— Жалел его, — кротко объяснил дядя Коля. — Боялся-то я не за себя, я бы просто и отскочить мог. Но тогда бы предмет, брошенный в меня, мог, к примеру, окно разбить или сам разбиться.

— Брат тоже в попах оказался?

— Нет. Зная его нрав, батюшка даже и не пробовал предлагать старшему сыну идти по своим стопам. Брат мой, царство ему небесное, в лесу замерз. Охотник заядлый был. Сломал ногу... Опоздала помощь. Средний брат служит сейчас господе, но неусердно... Почтовые марки собирает. Я же теперь жизни своей не пожалею, чтобы стать подлинным стражем ворот, все силы отдам, чтобы попасть в большой футбол.

— Ты сначала в команду попади, — насмешливо

сказал Егор Веселых. — А может, сейчас проверим твои способности? Мячи-то ловить ведь не легче, чем бидон с молоком или чайник! — Он воинственно покрутил свои огромные черные усы. — Я, конечно, в большом футболе еще не участвовал, но играл центральным нападающим два года.

— Несказанное счастье для меня! — обрадовался дядя Коля. — Просто нечаянная возможность! Поспешим, поспешим, пока светило не село!

Бабушка Анфиса Поликарповна заявила удрученно:

— Мне придется идти с вами. А вдруг без вас заявится этот государственный прыгун с поезда?

На стадион шли молча, сосредоточенно, как на финальный кубковый матч. Дядя Коля изредка бросал ободряющие взгляды на чрезмерно озабоченного Шурика.

Егор Веселых то яростно, то нервно, то самоуверенно крутил свои огромные черные усы и на Шурика поглядывал снисходительно.

— А я сегодня поразительный сон видел, — вдруг сказал дядя Коля доверительным тоном. — Будто бы вознесся я на небеса. Там настоящие футбольные ворота. Встал я в них, а бить пенальти собирался сам господь. Разбежался...

— Забил? — нетерпеливо вырвалось у Егора Веселых.

— Проснулся я... И знаю, до конца дней своих буду мучиться в догадке: взял бы я или нет пенальти от самого господа бога?

— Бог — это... сказки! — Егор Веселых отмахнулся. — Какое он отношение к футболу имеет? Вот мне, тоже во сне правда, предложил пробить по воротам сам бог вратарей — Лев Иванович Яшин. И я тоже проснулся не вовремя. И тоже нет-нет, да подумаю: забил бы я или нет хотя бы один мяч? А?

Дядя Коля задумчиво проговорил:

— Недаром, видимо, судьба нас свела на жизненном пути. Не знаю, взял бы я или нет одиннадцатиметровый от самого господа, но простым смертным я себе голы забивать не дам.

Егор Веселых возмущенно крикнул, яростно и крайне быстро покрутил свои огромные черные усы и чрезвычайно грозно произнес:

— Не знаю, как бы я пробил пенальти самому богу вратарей — Льву Ивановичу Яшину, но простому бывшему попу десять из десяти сделаю точно! Как в аптеке на весах! Николай! — еще чрезвычайно грознее позвал он. — Я за просто так с тобой соревноваться не буду! Предлагаю серьезнейшее условие: десять ударов. Если счет в твою пользу, я сегодня же сбриваю гордость и радость мою — усы! Если же счет в мою пользу, ты стрижешься вот как я сейчас выгляжу — наголо!

— Ни в коем случае! — испуганно возразила бабушка Анфиса Поликарповна. — Организуйте дуэль достойных! Кто проиграет, тот готовит вкусный ужин. Зачем рисковать усами и шевелюрой?! Это неспортивно!

— А вдруг вы поссоритесь? — умоляюще воскликнул Шурик. — А вам можно играть в одной команде!

— Мы еще не дружили, — глухо проговорил Егор Веселых, — и ссориться нам не из-за чего. А спорт требует серьезного к себе отношения. В нем не место болтунам. Десять ударов, десять : ноль, ты идешь в парикмахерскую.

— Не бывать этому, — еще глуше отозвался дядя Коля. — Хочу посмотреть, как ты без усов будешь выглядеть.

— Значит, согласен, Николай?

— Значит, согласен, Егор.

«Чем все это кончится? — с большой тоской и с не меньшей тревогой подумал Шурик. — Они ведь в любом случае поссорятся! И все происходит из-за того, что дядя Коля работал попом, а дяде Егору это не нравится. А я хочу дружить с ними обоими».

— Стойте, стойте погодите! — Бабушка Анфиса Поликарповна подождала, когда спорщики подойдут к ней. — Вы ведете себя неразумно, как маленькие дети!

— У детей таких усов не бывает, — очень мрачно пошутил Егор Веселых, — и попами дети не работают.

— Тогда объясните мне, — предельно строго потребовала бабушка Анфиса Поликарповна. — Объясните мне, будьте настолько любезны, какая связь между футболом, усами и такой роскошной шевелюрой, как у Николая?

— Он же ни разу не стоял в настоящих воротах, дядя Егор! — совсем жалобно воскликнул Шурик, а дядя Коля спокойно сказал:

— Как говорится, уговор дороже денег. Человек должен отвечать за свои слова. Если я безосновательно самонадеян, так мне и надо.

— Золотые слова, — согласился Егор Веселых. — Прошу нам не мешать.

На стадионе строительного комбината дядя Коля сразу прошел к воротам, походил между штангами, ощупал их, в прыжке дотронулся до перекладины, а Егор Веселых жонглировал мячом, разминался, потом резко спросил:

— Начнем?

Коротко кивнув, дядя Коля занял место в воротах.

— Но ведь нет судьи, — рассудительно заметила бабушка Анфиса Поликарповна, — это осложнит вашу дуэль или вообще все испортит.

— Поздно уже рассуждать, — еле слышно сказал Шурик.

Егор Веселых аккуратнейше поставил мяч на одиннадцатиметровую отметку, медленно и недалеко отошел, подбежал к мячу небыстрыми шагами и не очень сильно ударил в левый верхний угол.

Дядя Коля даже не пошевелился, только внимательно проследил за мячом.

ГОЛ! ОДИН : НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ЕГОРА ВЕСЕЛЫХ. Он имел все основания гордо покрутить свои огромные черные усы.

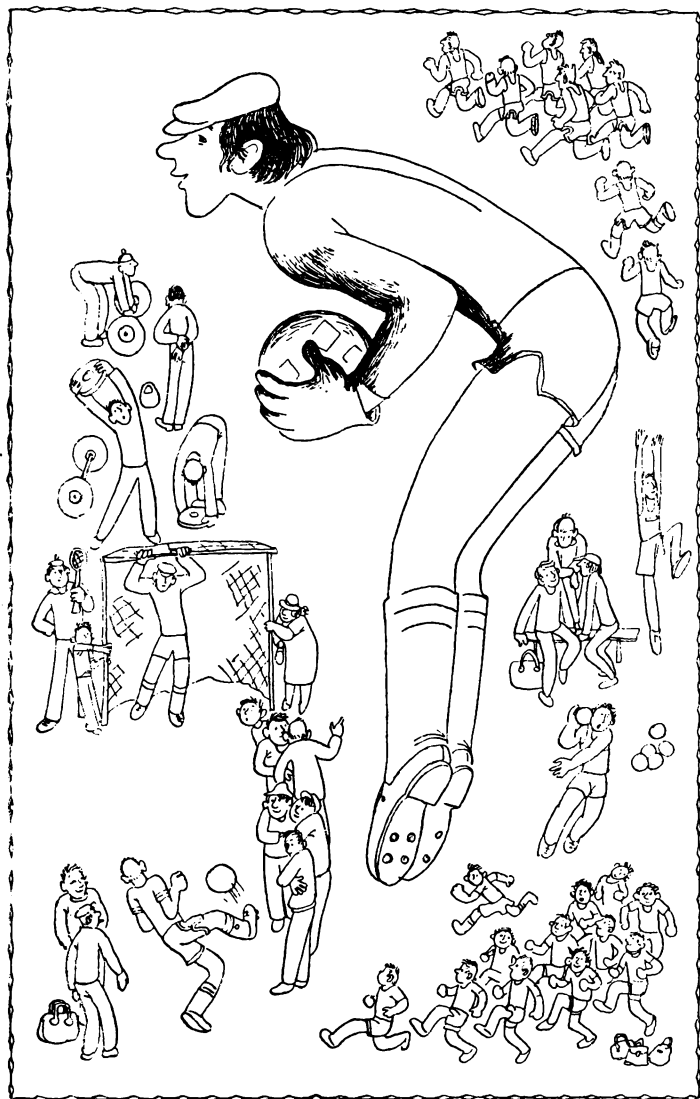
Со вторым ударом повторилась та же самая история, с той лишь разницей, что мяч влетел в правый нижний угол. А дядя Коля опять даже не пошевелился, только внимательно проследил за мячом.

ДВА : НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ЕГОРА ВЕСЕЛЫХ. И он ласково поглаживал свои огромные черные усы.

— Это не вратарь, — возмутилась бабушка Анфиса Поликарповна, — не вратарь, а, извините, какое-то недоразумение!

— Что же вы делаете?! — крикнул Шурик. — Вернее, почему же вы ничего не делаете?!

— Дайте привыкнуть, — с очень большим спокойствием отозвался дядя Коля. — Я ведь впервые в настоящих воротах пребываю.

Третий удар Егор Веселых нанес в правый верхний угол, четвертый — в левый нижний угол.

И оба раза дядя Коля опять даже не пошевелился, только внимательно проследил за мячом.

Счет стал ЧЕТЫРЕ : НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ЕГОРА ВЕСЕЛЫХ. И он сказал очень пренебрежительно:

— Пожалуй, тебе и в команде Жоржа Свинкина места не найдется. Мне даже и бить-то неинтересно.

— А что будет в случае ничьей? — возбужденно спросила бабушка Анфиса Поликарповна.

— Ничьей не будет! — в голос ответили дядя Коля с Егором Веселых.

Пятый удар оказался куда сильнее предыдущих — мяч прогудел и...

И, крепко держа его в руках, дядя Коля неторопливо поднялся с земли.

ЧЕТЫРЕ : ОДИН В ПОЛЬЗУ ЕГОРА ВЕСЕЛЫХ.

Несколько озадаченно покрутив свои огромные черные усы, он очень тщательно установил мяч, отошел подальше обычного, разбежался быстрыми длинными шагами и ударил.

Мяч стремительно летел в верхний левый угол...

Шурик непроизвольно зажмурился, услышав знакомый воинственный вскрик дяди Коли, а когда открыл глаза, тот уже вскочил с земли, прижав мяч к груди.

— Это уже неплохо, — удовлетворенно произнесла бабушка Анфиса Поликарповна.

А Шурик восторженно прошептал:

— ДВА : ЧЕТЫРЕ В НАШУ ПОЛЬЗУ!

Но Егор Веселых расслышал это и ответил:

— Как говорил мой любимый командир, старший лейтенант Синица, цыплят по осени считают, а пули в мишени после полного отстрела.

Седьмой удар получился весьма коварным, и дядя Коля еле-еле сумел дотянуться до мяча и перебросить его через перекладину.

— Подумайте, УЖЕ ТРИ : ЧЕТЫРЕ! — обрадовалась бабушка Анфиса Поликарповна. — Это уже серьезная заявка на победу, то есть на усы.

На сей раз Егор Веселых долго стоял над мячом, забыв покрутить свои огромные черные усы, трижды поправил мяч осторожными, даже нежными движениями, медленно отошел с неестественно равнодуш-

ным видом, постоял, разбежался широченными шагами — УДАРИЛ...

Дядя Коля вздрогнул, но не пошевелился, и мяч от штанги отлетел далеко в сторону.

— ЧЕТЫРЕ : ЧЕТЫРЕ! ЧЕТЫРЕ : ЧЕТЫРЕ! — с такими свехрадостными криками Шурик сбегал за мячом, поставил его на отметку. — Так держать, дядя Коля! — И тут он увидел лицо Егора Веселых. Оно было таким зловещим, словно он собирался на бой с врагом, причем заклятым.

Дядя Коля пронзительным взглядом следил за каждым его движением, и пальцы рук чутко шевелились, готовые ощутить мяч.

Каким-то неимоверно ловким усилием Егор Веселых перед самым ударом сменил ногу и пробил левой.

Но еще более неимоверно ловким усилием дядя Коля, качнувшись в одну сторону, прыгнул в другую. Он вместе с мячом грохнулся на землю, охнул, лежал немного, с трудом поднялся, потер бок и вернул мяч со словами:

— ВОТ И ПЯТЬ : ЧЕТЫРЕ.

«Хоть бы ничья! Хоть бы ничья! — пронеслось во взъерошенной голове Шурика. — Ничья хоть бы...»

Когда он взглянул на Егора Веселых, тот уже ударил. Невидимый глазу, мяч загудел в полете, но тут же раздалось шипение. Мяч обмяк и упал на землю перед воротами.

— Вот это ударчик! — и восторженно, и разочарованно крикнул Шурик, а бабушка Анфиса Поликарповна недоуменно спросила:

— Как же быть со счетом? Пять : четыре или...

Дернув себя сначала за один, потом за другой ус, Егор Веселых ответил:

— Завтра приду без усов.

— Я не согласен, — устало возразил дядя Коля. — Надо или последний мяч перебить или повторить всю серию.

— Я проиграл, — упрямо повторил Егор Веселых. — Нечего меня утешать. Вратарем ты будешь отменным. Это я тебе говорю. Завтра вместе будем устраиваться на работу и записываться в команду. Пока!

И он, не оглядываясь, быстро пошел прочь спокойной, четкой походкой сильного человека, который знает, что ему делать.

— Его-о-о-ор! — не своим голосом закричал дядя Коля. — Обожди-и-и-и! — Он догнал бывшего соперника, они о чем-то говорили, размахивая руками, и дядя Коля вернулся с поникшей головой, сообщил: — Принципиальный. Ничего и слышать не желает.

— Ах, молодость, молодость! — умилилась бабушка Анфиса Поликарповна. — Как мальчишки! Потерять такие прекрасные усы! Ну, а как с ужином?

— Угощу вас на славу, — заверил дядя Коля. — Попьем чаю из моего самоварчика. У меня еще и шанежки остались.

Так все оно и получилось. Дядя Коля нажарил картошки с луком, достал сало, соленые огурцы, приготовил бутерброды с колбасой и сырками, а в довершение вскипятил на улице самоварчик.

— Оригинально и вкусно, — похвалила бабушка Анфиса Поликарповна. — Кто куда, а я к телевизору. Нет удовольствия выше после чудесного ужина... Николай, а вы чем недовольны?

— Самим собой, — хмуро отозвался дядя Коля. — Глупо же с усами-то получилось. А если бы я не взял последний мяч? И Свинкин у меня из головы не выходит.

— Он вас искать уехал в леспромхоз, — сказал Шурик. — А зачем он вам?

— Он-то мне нисколько не нужен. Но ведь мои документы у него.

— Как?! — совсем поразился Шурик. — Как вы могли доверить ему документы?

— А вот так... — Дядя Коля беспомощно развел руками. — Опутал меня, ровно бес лукавый. Но ведь он и сам запутался. С чего он решил меня в леспромхозе искать?

— Значит, не исключена возможность, — уныло проговорила бабушка Анфиса Поликарповна, — что этот клетчато-полосатый опять явится сюда?

— А вы не беспокойтесь, — грозно сказал дядя Коля, — разговор у меня с ним будет короткий и результативный.

— А если он опять с чего-нибудь спрыгнет и опять весь ужасно разобьется? Ешли жубы шнова шломает?

Скоро вы убедитесь, уважаемые читатели, что бабушка Анфиса Поликарповна была не так уж далека от истины.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Жорж Свинкин продолжает метаться в поисках вратаря Попова Николая, попадает в ужаснейшие ситуации и оказывается в милиции

так, началась опасная, изнурительная, напряженная, длительная, бескомпромиссная борьба человека с неодушевленным предметом.

Казалось, что с каждой минутой бочка становилась ловчее, наглее, сильнее, а силы человека с каждой секундой таяли.

Вскоре клетчатый пиджак был уже не совсем клетчатый, а полосатые брюки — не совсем полосатыми: он, они, лицо и руки Жоржа Свинкина ужасно обмазались.

И когда силы его были уже на исходе и бескомандный тренер готовился к бесславной гибели в неравной борьбе с неодушевленным предметом, тракторчонок вдруг заглох, и в сердце борца с бочкой вспыхнула ненависть к виновнику всего этого мазутного безобразия. Он скрипло прохрипел:

— Гав... гав... гав... — Переждав немного, очень крепко сжав стальные и золотые зубы, Жорж Свинкин снова попытался: — Гав... гав... га-а-ав...рила! Гаврила! Убить тебя мало, такую Гаврилу! Что ты со мной сделал, изверг чумазый? Мне же в таком виде нигде показываться нельзя!

— Это уж точно, — охотно согласился Гаврила. — Бегом разбегутся люди в разные стороны. Но я вас силком не подсаживал в кузов-то. Вы напросились.

— А бочку-то ты, Гаврила несчастная, зачем мне подсунул? Ведь она меня изуродовать пыталась! Ведь я погибнуть мог! Или калекой инвалидной на всю жизнь остаться!

— Да, да, это уж точно, — подумав, согласился Гаврила. — Но опять же — не такси. Да мы попросим тещу мою баньку истопить. Денька через два приведем вас в порядок.

— Какая банька?! — хрипло простонал Жорж Свинкин. — Как это — денька через два?! Мне сегодня надо в леспромхозе быть! Поехали, Гаврила ты непутевая, поехали!

— Поедем, конечно, поедем. Но пока обождать придется.

— Чего, чего ждать? Выбрасывай бочку и поехали!

— С характером у меня машина-то, — объяснил Гаврила, приняв достаточно важный вид. — Она у меня самоходная иногда. Сама, значит, ходит, сама останавливается, когда захочет. И ничего с ней не сделать. Никаких указаний человеческих не признает.

Жорж Свинкин простонал громко-громко, жалобно-жалобно и хрипло спросил:

— Какие там еще указания? Ты включи что-нибудь, нажми, поверни, дерни!

— Бесполезно. Пока она, милая, сама не захочет ехать...

И тут тракторчонок затарахтел, заскрипел, застучал, заповизгивал, задергался, подпрыгивая, и покатился вперед.

— Машина будущего! — восторженно крикнул Гаврила и бросился ее догонять. Сначала он сзади, со стороны прицепа взобрался на кабину, оттуда приветственно помахал Жоржу Свинкину черными руками, показал в широченной улыбке белые зубы и каким-то чудом оказался в кабине.

А Жорж Свинкин, когда прицеп уж очень здорово дернуло, не удержался на обессиленных ногах, упал лицом вниз, и бочка прокатилась по нему туда и обратно.

Опять возобновилась опасная, изнурительная, напряженная, длительная, бескомпромиссная борьба человека с неодушевленным предметом.

Но теперь человек не готовился к бесславной гибели. Нет, нет, он, борец с бочкой, знал, что он непобедим, если сам не будет вести себя как неодушевленный предмет. Проклиная судьбу и Гаврилу, Жорж Свинкин предельно храбро и довольно ловко отражал все атаки бочки и сам иногда переходил в неожиданные, короткие контратаки.

Он пинал бочку, отталкивал ее руками, увертывался и, наконец, изловчившись, прижал ее всем телом в углу. Он явственно чувствовал, что почти насквозь медленно, но обильно пропитывается мазутом.

«Ничего, ничего, ничего, — мысленно утешал себя Жорж Свинкин, — главное, что я еду к цели, еду в

леспромхоз, где разыщу этого подлого негодяя Попова Николая. Скоро меня накормят блинами со сметаной, и умная голова моя заработает еще умнее. Узнать бы, куда делись деньги и документы... Крепись, Жорж Робертович, сегодня в «Питателе» появится первый игрок!»

Тракторчонок остановился и заглох.

— Приехали! Приехали! Прибыли! — раздался показавшийся слишком громким в наступившей тишине радостный голос Гаврилы. — Слезайте давайте! Давайте слезайте! Меня здесь ожидайте! Я человек добрый, а теща у меня — золото!

Жорж Свинкин начал слезать с прицепа и — упал на землю, упал и с блаженным удовольствием вытянул ноги... Ему было уже безразлично, где лежать — хоть в луже, хоть в канаве, — до того он был обмозучен.

Но долго лежать он себе не позволил, кое-как, еле-еле-еле-еле встал, лопухами вытер руки, не подозревая, что и лицо у него в мазуте, не заметил, что к одежде приклеилось множество листьев, травинок, щепочек, в полнейшем изнеможении присел на нижнюю ступеньку высокого крыльца.

Из открытых окон избы так невероятно обильно и предельно вкусно пахло съестным, что у фальшивого государственного тренера закружилась израненная, украшенная тремя разноцветными шишками, вся в мазуте голова.

На крыльцо вышел чистенький, переодевшийся в желтый спортивный костюм Гаврила, а за ним, в ярком цветастом платье, веселая, с молодыми глазами, пожилая женщина.

— Вот, мамаша, мой гость. Прошу его любить и жаловать. Правда, в дороге он чуток поизмазался. Заходите, дорогой гость, отведайте блинов со сметаной. Мамаша, пригласите гостя сами, а то он стесняется, хотя и трудится на государственной работе!

Веселое лицо женщины сразу стало серьезным, затем — строгим, потом — очень суровым, и она резко произнесла:

— Такого я в избу не пушу и угощать не стану!

— Какого — такого? — возмущенно и хрипло проскрипел Жорж Свинкин. — Почему — угощать не стану?

— Крокодильца такого не пущу!

— Кра... кро... крак... крок... — ни стальные, ни золотые зубы не слушались своего ужасно разгневанного владельца, сколько он ни старался. — Кра... крок... крок...

— Да в журнале «Крокодил» таких, как ты, частенько рисуют! Ты мне, Гаврила, больше жуликов не привози!

— В первый и последний раз, мамаша! — Гаврила низко поклонился ей в пояс. — Гражданин пассажир, ждите меня у моей машины. Если она сама двинется с места, зовите меня! Гаврила — человек добрый, но с дорогой тещей никогда ссориться не будет! — И он скрылся в избе, а теща его дорогая предупредила несчастного и ею не званного гостя:

— У нас собака на цепи волка позлее! На мелкие куски разорвать может! — И тоже скрылась в избе, откуда через открытые окна невероятно обильно и предельно вкусно пахло съестным.

— Абли... абли... абли... Гав... гав... — еле-еле-еле слышно скрипло прохрипел Жорж Свинкин. — Гав... абли... гав... га-а-а-вв...рила! — выкрикнулось наконец у него. — А блины, Гаврила? Ты же обещал! Гав... гав... гав...

Окна в избе быстренько закрылись будто сами собой.

И тут Жорж Свинкин, хотя его и пошатывало от бессилия, хотя у него и кружилась от голода израненная, украшенная тремя разноцветными шишками и вся в мазуте голова, вспомнил о своей цели, вспомнил, куда и за кем он едет. Он поднял с земли какой-то сучок, чуть похожий на пистолет, кое-как, еле-еле взошел на высокое крыльцо, медленно миновал сени, резко открыл дверь, перешагнул через порог, выбросил вперед руку, в которой был зажат сучок, чуть похожий на пистолет, и самым страшным голосом, какой только ему удалось извлечь из своего голодного существа, скрипло прохрипел:

— Рррррруки вверрррррх! Ма-а-а-арш к стене! Да быстро! При малейшем движении или звуке открываю огонь взрывающимися пулями! Я государственный тренер, не делайте из меня государственного прррррреступника!

Добрый Гаврила и его теща-золото испуганно, су-

етливо, но в точности выполнили приказания, а Жорж Свинкин как сел за стол, так и не встал, пока не проглотил почти все блины и не выпил почти всю сметану.

Лишь после этого он, немного отдышавшись, заговорил:

— Немедленно к своему драндулету, Гаврила несчастная, иначе я за себя не отвечаю! У меня задание государственной важности! Жду тебя, Гаврила, через четыре с половиной минуты! — И Жорж Свинкин с подлинным достоинством, хотя и немного нервничая, удалился из негостеприимной избы.

У машины его догнал Гаврила, переодевшийся уже в свой обычный комбинезон, любезно распахнул дверцу кабины, но ничего не мог выговорить, кроме:

— Пр... пр... пр...

— Понимаю, понимаю, — снисходительно отозвался Жорж Свинкин, к которому вместе с ощущением сытости в желудке пришла в сердце крохотная долька доброты. — Прошу, ты хочешь сказать. Давно бы так. В кабине, пожалуй, все-таки лучше. Везде у тебя грязь несусветная.

Вдруг тракторчонок быстро-быстро затарахтел, закрипел, застучал, заповизгивал и рванулся вперед. Гаврила восторженно ойкнул, бросился за ним следом, крикнув оторопевшему Жоржу Свинкину:

— Догоняйте, а то она укатится! А мне ее не остановить! Она у меня с характером! Машина будущего! Самоходка!

Проклиная судьбу, Гаврилу и его тещу, незадачливый поглотитель блинов со сметаной сначала бежал довольно неохотно, но потом сообразил, что на своей неуправляемой машине будущего Гаврила может укатить в леспромхоз один!

Но сколько бы и как бы ни старался Жорж Свинкин прибавить скорости, расстояние между ним и тракторчком не уменьшалось, а все заметнее увеличивалось, пока наконец своенравная машина не скрылась за поворотом.

Жорж Свинкин до того изнемог, что шел уже не по прямой, а зигзагами, так как его от страшной усталости качало из стороны в сторону.

Лечь бы прямо на дорогу и уснуть...

Но вот чуткое левое ухо бескомандного тренера

уловило тишину — тарыхтение, скрипение, стукание и повизгивание не слышались более, но можно было различить голос Гаврилы:

— ...е-е-е! ...е-е-е-е!

Быстрее! Быстрее! А то этот самоходный, практически не управляемый драндулет будущего опять помчится вперед, не обращая внимания на своего водителя.

Тракторчонок оказался сразу же за поворотом. Немешкая, уже хорошо зная его характер, Жорж Свинкин взобрался на сиденье рядом с Гаврилой, спросил:

— Всегда она у тебя так вот?

— Всегда, всегда! — с гордостью отозвался Гаврила. — Поэтому никто на ней и не ездит. А я привык. Да вы не беспокойтесь, скоро, может быть, поедем.

— А доедем? Сегодня мы в леспромхоз попадем или нет?

— Все может быть, — очень уж глубокомысленно произнес Гаврила, помолчал и повторил еще более глубокомысленно: — Все быть может... Зря вот вы тещу мою дорогую напугали. Сейчас она на своем мотоцикле в милицию укатила. Очень она жаловаться любит!

— Пусть жалуется, — с презрением бросил Жорж Свинкин, но тут же мельком подумал, что ничего хорошего в этом для него не предвидится, и резко спросил: — Ну, если ты знал о безобразнейшем характере своего самоходного драндулета, то зачем ты меня взял с собой?

— Для компании, — охотно объяснил Гаврила, — одному-то мне до леспромхоза добираться — скука ведь смертная. А тут я беру попутчика, смотрю-наблюдаю-замечаю-запоминаю, как он мучится, мне и веселее. Я с вас даже денег не возьму за ваши страдания. Опять же будет что людям рассказать. А вас я как увидел, сразу сообразил, что весело прокатимся... Зря вот вы тещу мою обидели. Это вам дорого обойдется. Глафира Сосипатровна — золотой человек, но ужасно вредный.

— Поедем мы или нет?!?!?

— Обязаны, обязаны... Сейчас вот начнется...

И точно — тут же тракторчонок с тарыхтением, скрипением, стуканием и повизгиванием покатил вперед, выбрасывая из трубочки клубики дыма.

В кабинке трясло еще больше, чем в прицепе, дышать было трудно, но все это уже мало беспокоило Жоржа Свинкина. И угрозы Гаврилы по поводу его тещи — золотого, но вредного человека — на него не действовали. Он думал только о своей цели, о том, что должен попасть в леспромхоз и вернуться оттуда с этим негодяем Поповым Николаем.

Именно в этот момент тракторчонок зачихал, закашлял, задержался сильнее прежнего, подпрыгнул несколько раз и — заглох.

— Вот сейчас она надолго, — с уважением произнес Гаврила. — Всего каких-то километрик десять до леспромхоза осталось. Не так уж много.

«Не так уж много, — уныло подумал Жорж Свинкин, — не так уж и плохо... Хорошо еще, что тарахтелка эта не взорвалась!» А вслух он поинтересовался:

— В школе ты двоечником был?

— А что, заметно? — приятно удивился Гаврила.

— Сразу видно. Что делать будем?

— Лично я никогда ничего не делаю. Просто жду. Рано или поздно она все равно покатится. И вам нервничать не советую. Деваться вам некуда. Такого грязного вас ни в одну машину никто не пустит. А я могу к теще вернуться. Скоро она как раз из милиции приедет.

Они посидели еще немного и вылезли из кабинки, чтобы размяться и подышать свежим воздухом. Жорж Свинкин тут же пожалел об этом, ибо тракторчонок сначала довольно быстро покатился вперед и лишь затем начал тарахтеть, скрипеть, стучать и повизгивать.

— Что я говорил?! — восторженно закричал Гаврила. — Не машина, а чудо двадцатого века! Теперь ее не догнать! Она сама скорости переключила!

— Убить тебя мало, — глухо сказал Жорж Свинкин. — В кого ты ленивый такой?

— В себя, — поразмыслив несколько минут, твердо ответил Гаврила и еще более твердо повторил: — В себя, я весь в себя.

— Самолодырь, значит?

— Вроде бы...

Впервые в жизни Жорж Свинкин возненавидел лентяйство, впервые понял, какой вред оно может принести людям. И еще он почти понял: не учись в школе

Гаврила на одни только двойки и тройки, не убегал бы от него тракторчонок.

— Ты же меня подводишь, Гаврила несчастная! — не выдержав, почти завопил Жорж Свинкин. — Ты же обещал меня сегодня в леспромхоз доставить! Совесть у тебя есть?

— Кто его знает... — Гаврила вздохнул.

— А почему бы нам с тобой пешком не пойти?

— А это еще зачем? Вам надо, вы и идите. А я обратно к теще.

— Как же ты можешь машину бросить?! — возмутился Жорж Свинкин. — Как ты меня, человека, бросить можешь?

— А что? — недоуменно отозвался Гаврила. — Машины я не бросал, вы сами видели. Она меня бросила. Завтра утром теща моя Глафира Сосипатровна меня на своем мотоцикле и отвезет в леспромхоз. А вы мою тещу, золотого человека, обидели. Вот одни и остались. Так что счастливого пути. Все прямо, прямо.

И вот Жорж Свинкин уныло, но очень упрямо шагал по дороге, стараясь ни о чем не думать. Сейчас ему хотелось бы превратиться в этакий полуживой полуавтомат, чтобы машинально идти, идти, идти... Однако его израненная, украшенная тремя разноцветными шишками, вся в мазуте голова все-таки потихонечку пыталась сообразить: что же, собственно, произошло?

Почему обладатель этой бедной головы на полном ходу прыгает с поезда, трясется в ужасном прицепе, борется с железной бочкой, бегаёт за самоходным драндулетом, а сейчас вот топает по незнакомой дороге, которой и конца не видно? И скоро наступит ночь... И еще неизвестно, удастся ли забрать с собой этого негодяя Попова Николая... А ведь если Жорж Свинкин его не уговорит или не запугает, а, честнее говоря, не обманет, быть ему, футбольному тренеру, ночным сторожем!

Было даже странно подумать, что все замечательные планы Жоржу Свинкину, хитрому и ловкому, перепутал этот маленький, похожий на озабоченного воробья, Шурик Мышкин! И что он к вратарю привязался? И что вратарь без мальчишки шага сделать не хочет?

Увлеченный размышлениями, Жорж Свинкин не

заметил, как со всех сторон на землю начала опускаться темнота... Но какая причина заставила этого негодяя Попова Николая, принятого в команду «Питатель», оставшегося без документов, убежать в другую команду?..

Жорж Свинкин шагал уже машинально, так сказать, не обращая на это внимания, как полуживой полуавтомат... А что было бы, как бы сложилась его, Хрякова Егорки, жизнь, если бы он с первого класса учился по-человечески? Кем бы он сейчас был? Получалось, что кем бы он ни был, но не топал бы, израненный, измученный и обмозученный, в полутемноте по дороге в неизвестной местности и неизвестно куда...

Тут он — глазам своим сначала не поверил! — увидел у самой обочины тракторчонка с прицепом и обрадовался этому драндулету будущего, чуду двадцатого века, как доброму старому знакомому, вернее, как прямо-таки родному дому. Жорж Свинкин радостно взобрался в кабинку, аккуратно и старательно закрыл дверцу, поудобнее устроился на сиденье, мысленно проклял Гаврилу и его тещу Глафиру Сосипатровну, поблагодарил судьбу и тракторчонка и самым крепчайшим образом уснул.

Приснился ему радостный и вместе с тем тревожный сон. Будто едет он на тракторчонке один, без всякого там бывшего двоечника Гаврилы, — в крошечной тьме. Казалось, не драндулет будущего, не чудо двадцатого века, а все вокруг тарахтит, трещит, скрипит, повизгивает... Жорж Свинкин очень цепко держится за руль, сам весь трясется вместе с кабиной, сам вроде бы тарахтит, трещит, скрипит, повизгивает, а сквозь все эти оглушительные звуки слышатся требовательные милицейские свистки...

И внезапно понял Жорж Свинкин со страхом, что он не сон видит, а в самом деле едет один на тракторчонке, чуде двадцатого века, драндулете будущего. Бескомандный тренер весь сжался от ужаса, металлические зубы выбивали мелкую дрожь...

Впереди ехала машина с мигалкой над кабиной, и в темноте ярко горели слова «прошу остановиться». Слева и справа тракторчонок сопровождали мотоциклы. На Жоржа Свинкина были направлены яркие лучи электрических фонариков.

Трели милицейских свистков прекратились, и псевдотрактористу стало совсем не по себе: он всегда, всю жизнь знал, еще когда сидя торговал газированной водой, что с милицией шутки плохи, если совесть твоя не предельно чиста.

Дверца справа открылась, и в кабине оказался человек, он, оттолкнув плечом, скажем прямо, обалдевшего водителя, что-то нажал, что-то покрутил, и тракторчонок остановился.

— Выходите!

Конечно, Жорж Свинкин был почти уверен, что в данном случае он почти ни в чем не виноват, и его единственным желанием было немедленно сообщить о подлинном виновнике всей этой мазутно-самоходной истории, и он громко прохрипел:

— Гав... гав... гав...

— Прекратите паясничать, гражданин Свинкин! — остановил его строгий голос.

— Гав... гав... га-а-ав...рила!

— Ваши документы, гражданин Гаврила Свинкин!

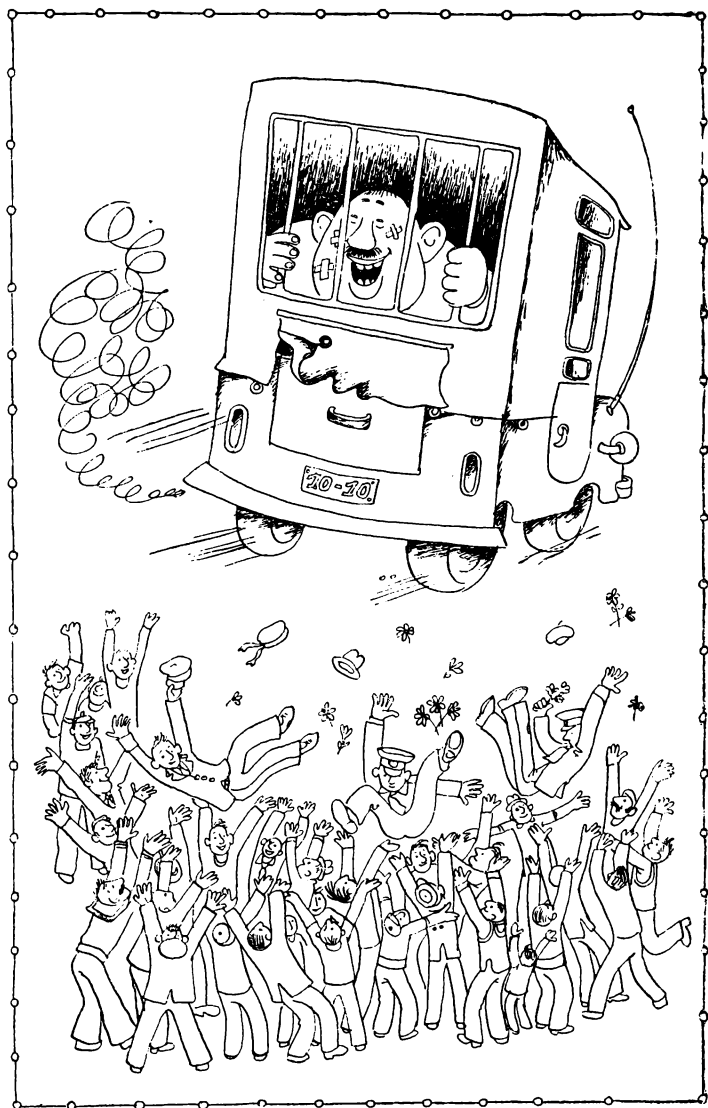
Щурясь от света фар и фонариков, Жорж Свинкин, смею вас уверить, уважаемые читатели, понял, что он попал вроде бы в совершенно безвыходное положение, и сразу замерз от страха. Ведь полторы минуты назад он был убежден в своей невиновности — и вдруг... Если его задержали только по жалобе золотого, но вредного человека Глафиры Сосипатровны, Гавриловой тещи, — это одно, а если... И собрав всю силу воли, все остатки мужества, Жорж Свинкин скрипло, но с большим достоинством прохрипел:

— Я тренер футбольной команды «Питатель» Жорж Робертович Свинкин. От меня сбежал вратарь, мне крайне необходимо сейчас же попасть в леспромхоз. А Гав... агав... агав... А... Гав...рила меня подвел! Он во всем виноват! Даже в моем внешнем виде! Это он меня обмазутил!

— Ваши документы, гражданин!

— Нет у меня документов! — жалобно признался Жорж Свинкин, — их у меня украли вместе с деньгами! А послезавтра у меня игра, уж не помню где, а вратарь сбежал, а я его ищу...

— А на каком основании вы угнали трактор? Почему выдавали себя за государственного тренера? Почему угрожали оружием и обокрали гражданку Гла-

фиру Сосипатровну Суслопарову? Почему не реагировали на наши приказания остановиться?

А Жорж Свинкин понятия не имел, что значит слово РЕАГИРОВАТЬ, но зато не ошибался в том, что дела его весьма и весьма плохи и будут еще значительно хуже, если он не придумает какую-нибудь суперхитрость... Хитрость, так сказать, люкс!

— Дорогие и уважаемые товарищи милиционеры! — торжественно и скрипло прохрипел он. — Может быть, даже вполне может быть, что я в чем-то немножко и виноват. Я за все отвечу. Если потребуется, понесу заслуженное наказание. Но отвезите меня, пожалуйста, сначала в леспромхоз! Дайте мне возможность найти моего вратаря! Помогите развитию футбола! Огромная армия болельщиков будет вам благодарна!

Просьбу его обещали удовлетворить, и Жорж Свинкин бодро направился к машине с зарешеченными окошками.

Едва тронулись с места, как ему стало едва ли не весело: да он все свалит на этого негодяя Попова Николая и на еще большего безобразника — бывшего двоючника Гаврилу! Он столько наврет про них, что... ха-ха-ха!.. что... хо-хо-хо!.. что... хи-хи-хи!.. что... хе-хе-хек!.. Почему хек? При чем здесь хек? Но ведь действительно хек какой-то получается... А что он может наврать, предположим, об этом негодяе Попове Николае, если даже не знает, что вратарь без него делал?

А если не врать, а рассказать правду?.. Но вот чего не умел, того не умел Жорж Свинкин. Он просто понятия не имел, как это — говорить только правду — делается.

Но главное: эх, найти бы в леспромхозе этого негодяя Попова Николая!

Только не надо думать, уважаемые читатели, что Жорж Свинкин, имеющий опыт лишь в торговле газированной водой и квасом, действовал столь неразумно, что мы заранее можем быть убеждены в его полной неудаче.

Нет, до неудачи, если она и случится, еще очень и очень далековато. И тем, кто не верит в бескомандного тренера и не верит ему, предстоит пережить немало серьезных и опасных событий.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Егор Веселых расстается с огромными черными усами и вспоминает наиболее важные моменты своей жизни, очень горестно размышляя об основном недостатке своего характера

Если бы фамилия человека точно соответствовала тому, как складывалась его жизнь, то Егор Веселых мог бы иногда с полнейшим основанием носить фамилию Грустных или Печальных, а частенько и — Несчастных. Но несмотря на это он был и оставался веселым человеком по фамилии Веселых.

Сейчас вот сидел он на кухне перед зеркалом, держал в руках большие ножницы и в последний раз любовался своими огромными черными усами, крутил их, поглаживал...

«Прощайте, прощайте... — с предельной тоской и такой же ласковостью подумал он. — А может быть, до утра хотя бы оставить? Без усов я какой-то... никакой...»

Крутил Егор Веселых свои огромные черные усы, поглаживал их, но странным было то, что пока он даже и не вспоминал бывшего попа, не вспоминал и причины, по которой приходилось браться за ножницы. Пока Егор Веселых думал только о своих огромных черных усах.

Нескоро отрастут новые. А ведь он привык к ним, любил их, гордился ими. Честно говоря, он даже не представлял, как теперь будет жить без них.

Громко и с отчаянием повздыхав, Егор Веселых отложил ножницы и решил перед сном чаю попить, так сказать, с вареньем и с усами.

Почему же, уважаемые читатели, он так неосторожно рисковал своим достоинством? Или почему он не послушался Николая Попова, когда тот предлагал ему оставить усы в покое, тем более, что исход последнего удара был весьма неопределенным?

Дело тут вот в чем. С детства была в характере Егора Веселых одна неприятнейшая для него самого черта, о которой он, конечно, никому не рассказывал, но с которой всячески боролся. И до сих пор избавиться от нее не мог.

Черта эта, если говорить прямо, — ярко выраженная, непрестанная склонность к зазнайству, глубоко проникшему в душу Егора Веселых. Он сознавал, что она к добру его не приведет, будет вредить ему всю жизнь, и, если он от ярко выраженной, непрестанной склонности к зазнайству не избавится, она в конечном итоге преградит ему путь в большой футбол. А если Егор Веселых в большой футбол и попадет, то она, склонность к зазнайству, лишит его возможности бесконечно совершенствовать мастерство, а без этого в большом футболе долго не продержишься и ничего не добьешься.

Егор же Веселых, было бы вам известно, уважаемые читатели, дважды проспоривал свою густую кудрявую шевелюру, а усы по той же причине должен был сбрить уже в третий раз.

«Человек обязан быть уверенным в себе, — каждый раз совершенно справедливо рассуждал Егор Веселых, — но он не имеет права быть самоуверенным. Можно гордиться своим талантом, уважать его, развивать, но хвастать им и зазнаваться — стыд и позор для нормального человека!»

Как говорил его любимый командир, старший лейтенант Синица, от зазнайства еще никто не умирал, но и ума оно еще никому не прибавляло. Зазнайки и хвастуны, продолжал далее старший лейтенант Синица, не менее опасны, чем жулики или какие другие преступники, потому что могут подвести хороших людей в любой момент.

Обо всем этом Егор Веселых, конечно, знал. Знал он об этом, много думал об этом, но никак не мог побороть в себе ярко выраженную, непрестанную склонность к зазнайству. Вот и сегодня в очередной раз судьба наказала его.

И не столько усов ему было жалко, сколько мучило его раскаяние, острое и непреходящее.

Громко и тоскливо повздыхав, Егор Веселых выпил чаю с вареньем и усами, покрутил их, погладил, взял ножницы, щелкнул ими в воздухе, осторожно, но крайне решительно остриг правый ус и очень глубоко задумался.

Думал он, конечно, не об усах, тем более, что половины их уже не было. Размышлял Егор Веселых о своей жизни, которую никак не сочтешь легкой и без-

заботной, словно надеялся обнаружить в ней хотя бы маленькое, совсем незначительное себе оправдание.

Забегая вперед, уважаемые читатели, сообщу, что никакого такого оправдания не нашлось.

Шести лет Егорка оказался круглым сиротой, родители его умерли в один год, и он с младшим братом и двумя сестренками очутились, как говорится, на руках одной бабки Домны. Семья-то получилась большая — пять человек! — а полноценного работника нету!

Егорке — шесть лет, старшей сестренке — восемь, братику — четыре, второй сестренке — пять, бабке Домне — шестьдесят восьмой год.

Вот такая арифметика...

Добрые люди настойчиво уговаривали бабку Домну отдать внуков и внучек в детдом, но она еще более настойчиво уверяла:

— Пока я жива, все будем вместе. Семейка у нас надежная. — А внукам и внучкам она еще настойчивее внушала: — Если никто лениться не станет, выживем. Если никто хныкать не станет, не заметите, как все подрастете.

Егорка сразу понял, что бабка Домна неплохой командир, и жить и расти им помогала, как он потом рассказывал, армейская дисциплина и взаимовыручка.

Не оставили их в беде ни родственники, ни соседи, ни комбинат, где работали родители.

Весной добрые люди вспахивали надежной семейке огород, осенью привозили и раздвигали дрова, у бабки же Домны никто, даже самые младшие, никогда не сидели без дела.

И всегда у них дома было весело. А весело — это вовсе не значит, что все время все только тем и занимались, что хохотали, хихикали, гоготали и приплясывали.

Весело жить — это значит, что никто не думает о беде, все заняты нужными, необходимыми делами, все верят, что с каждым днем жить будет все лучше и лучше, если не тунейдничать и не хныкать.

А похныкать причин было предостаточно каждому и каждый день. Вот, предположим, примчится Егорка из школы, требуется ему быстренько поест да на каток, а бабка Домна велит немедленно курятник

вычистить. И работенка-то не очень приятная, и куры несусветный гвалт устраивают, но и не надо Егорке напоминать, что омлет и яичница — пища вкусная и полезная. А на коньках он завтра покатается.

Горьковато, конечно, сознавать, что приятели твои сейчас бегают сломя голову, в игры всякие играют, а тебе надо чугуны картошки начистить. Но когда из этой картошки шанежек настряпают, ешь ты их с особым удовольствием, а еще больше радуешься, видя, как уплетают стряпню братик и сестренки.

Вообще с малых лет Егорка уразумел, что семейка у них особенная — целиком трудящаяся, оттого и надежная.

Тяжелые времена наступали, когда бабка Домна заболела. Хотя и редко такое случалось, но эти времена Егор Веселых помнил до сих пор.

Проснутся ребяташки утром, а с печи слышится тихий, виноватый бабкин голос:

— Простите, родимые мои, занемогла. Не могу встать. Придется мне, старой, сколько-то дней побездельничать. Доставайте-ка из печки кашу, молочко наливайте, ешьте и марш все по своим делам. А мне соседку позовите, она и меня полечит и обед готовит. Только не забудь, Егорушка, дровец принести да и водички тоже. Из подполья овощей достаньте, капустки соленой прихватите, постельки застелите да и полы подметите.

Однажды же бабка Домна больше месяца пролежала в больнице, дрогнула вначале семейка, чуть было не растерялась, но ничего-ничего, выдержали, выстояли, по-прежнему выполняли все дела, даже баньку топили по субботам.

Великое это счастье — уметь не сдаваться бедам и трудностям, унынию и безделью.

Зато и быстро летело время-годы, а лето так прямо промелькивало.

Каждую свободную минутку Егорка отдавал своему любимому футболу, хотя играть ему, бедному, приходилось только босиком: бабка Домна обувь в целях, так сказать, экономии прятала.

В своем любимом футболе Егорка не знал никакого удержу. Все ребята уже по домам разойдутся, потому что стемнело, а Егорка и в темноте удары отработывает, пока его бабка Домна за шиворот домой

не приведет. И обратите внимание, уважаемые читатели, что удары-то в темноте Егорка отбатывал... без мяча. Да, да, своего мяча у него не было, зато желания играть было хоть отбавляй, вот он и припопоровился — прыгает, бегаёт, скачет, удары производит словно бы по мячу...

Бабка Домна как будто что-то понимала в безудержной внуковой страсти, не препятствовала ему, а когда он подряд три раза вывихнул большой палец правой ноги, купила Егорке резиновые тапочки.

И, пожалуй, единственное, что отравляло Егорке жизнь, толкало на скорбные, но бесполезные размышления, так это словно бы мимоходом брошенный кем-нибудь вопрос:

— Как жить-то, горемыки, будете, когда помрет бабка-то?

Конечно, Егорка с достоинством отвечал, что никакие они не горемыки, живут не хуже других, а некоторых даже и получше, но вот как действительно они будут жить без бабки Домны, он и представить не мог, сколько ни пытался.

Сама бабка Домна не раз говорила:

— Долгонько я ещё протяну. Мне вас одних оставлять нельзя. Вот получают наши старшенькие паспорта, тогда я о себе и подумаю. А может, и ещё дальше жить надумаю.

Если хотите знать, уважаемые читатели, то к службе в армии Егора подготовила, и замечательно подготовила, бабка Домна, умом и сердцем понимавшая, каким должен расти будущий солдат и настоящий мужчина.

Но неужели в этой дружной семейке никто никогда не совершал проступков? Бывало, конечно, и не так уж и редко. А наказывали ли провинившихся и как наказывали?

Провинившихся внуков и внучек бабка Домна наказывала и часто наказывала очень жестоко.

Вот, предположим, забыл Егорка принести воды, и тогда ведро брала сама бабка Домна и сама приносила воду. Егорка со стыда был готов провалиться сквозь землю!

Но самым суровым наказанием в целиком трудящейся семейке было такое: провинившемуся категорически запрещалось работать. Да, да, если ты не вы-

полнил бабкиного распоряжения, ступай себе, отдыхай на здоровье, раз безделье тебе работы дороже, а мы без тебя обойдемся в делах своих и заботах. Мы без тебя и воды и дров наносим, и печку истопим, и еду приготовим, и стол накроем — садись, маленький тунеядник, угощайся, но трудиться тебе мы не позволим, это тебе еще надо заслужить! Бездельничай, сколько только тебе угодно!

И вот представьте себе, уважаемые читатели, мучения и страдания провинившегося: все в делах, все в трудах, все в заботах, а его и близко не подпускают. И невольное бездельничанье не только не приносит провинившемуся никакой радости, а, как говорится, совсем наоборот: он уже согласен землю носом рыть, лишь бы не тунеядничать, а работать.

Вспоминая об этом, Егор Веселых задумчиво крутил последний ус и печально смотрел на предпоследний — отрезанный. Помнится, когда он впервые отрастил усы, когда его так и тянуло к зеркалу полюбоваться на себя, то, все время вспоминая бабушку Домну, горько жалел, что она не дожила до такой его красоты.

Умерла бабушка Домна, когда старшей внучке было уже восемнадцать лет, она работала и училась, а Егорка уже получил паспорт, и они вдвоем возглавили дружную, надежную, целиком трудящуюся семейку. Но самым главным в их жизни оставалось то, чему научила бабушка Домна: не ленись, трудись, помогай и не хуже других жить будешь.

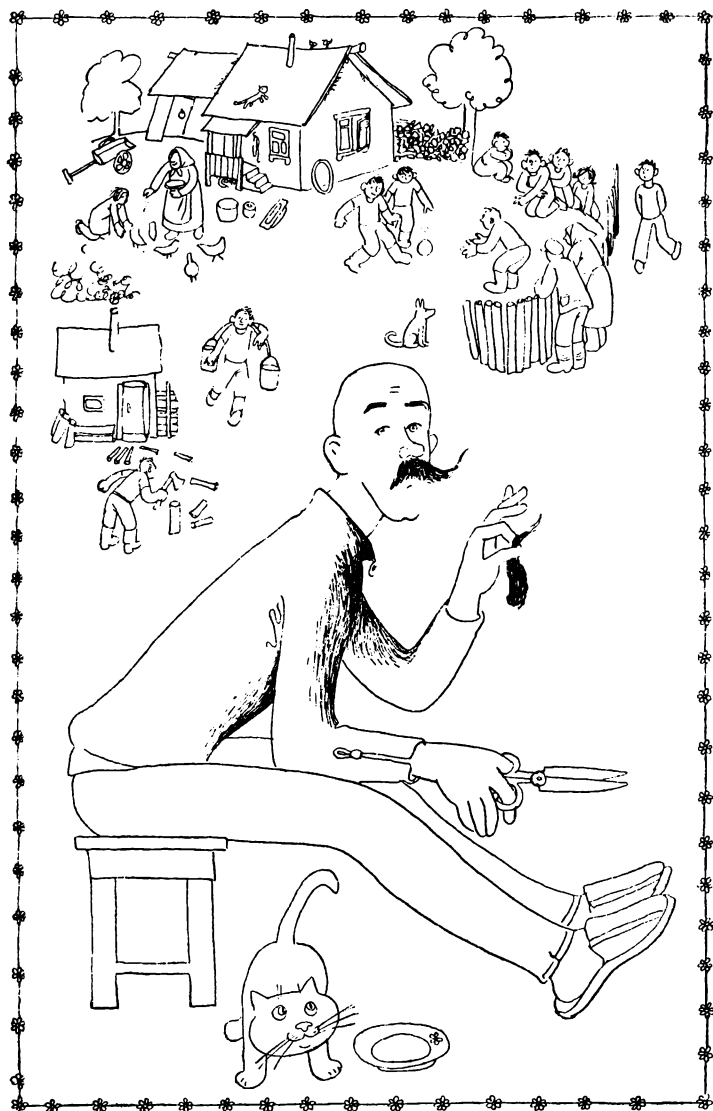
И даже когда Егора призвали в армию, дружная семейка не растерялась, сказала ему:

— Служи, солдат, Родине, учись ее защищать, а о нас не беспокойся!

Конечно, он беспокоился, и очень, но все прошло благополучно: выдержала дружная, надежная, целиком трудящаяся семейка все испытания, выстояла перед всеми бедами, преодолела все невзгоды.

Улыбнулся своим воспоминаниям Егор Веселых, взял ножницы, пощелкал ими в воздухе, покрутил последний ус, нежно погладил его, затем осторожно, но крайне решительно остриг этот огромный черный ус и очень горестно задумался.

Было Егору Веселых стыдно за свое поведение. И вовсе не из-за того, что он проспорил усы. Стыдно

ему было за то, что вел он себя неспортивно. Хвастался. Опять подвела его ярко выраженная, непрестанная склонность к зазнайству. А мастерства-то не хватило! Правда, этот поповский вратарь... Техники вроде бы никакой, а... попробуй, забей ему гол! И откуда такой взялся?

Тщательно побрившись, Егор Веселых еще выпил чаю с вареньем, но уже без усов, налил коту Жоржику молока и решил лечь спать мертвым сном до утра, чтобы не заниматься горестными размышлениями. Завтра предстоял нелегкий день, дел было множество и одно важнее другого. Шутка сказать — поступать на работу и в команду.

Обычно он засыпал мгновенно и крепко: покрутит свои огромные черные усы, нежно погладит их — и тут же заснет.

Вот и сейчас Егор Веселых по старой привычке потянулся рукой к усам и покрутил... свой нос! Сначала он даже ничего и не понял, потянулся к усам другой рукой и снова ухватил себя за нос... Жалобно, как мальчишка, шмыгнув этим самым носом, Егор Веселых осторожно провел пальцем над верхней губой, и сердце его остро, до боли сжалось, а в очень возбужденном сознании проскользнула мысль: опозорился ведь!

— О-по-зо-рил-ся, — вслух прошептал он испуганно и удивленно. — Осрамился... зазнался опять... захвастался опять... — Он сел в темноте на кровати и долго сидел, совершенно забыв о сне. — О-по-зо-рил-ся... о-сра-мил-ся... зазнаец хвастливый... хвастун зазнайный...

А что, если этот поповский вратарь всем расскажет, что ни одного толкового мяча не смог забить ему он, Егор Веселых?!

А что, если этот вратарский поп всем расскажет, что выиграл усы у него, у Егора Веселых?! Расскажет, расскажет, как пить дать расскажет!

И — правильно делает! Не хвастайся, Егор Веселых, не зазнавайся, а технику удара по мячу отработывай!

И он сам жалобно-жалобно рассмеялся. Смех прозвучал не только жалобно-жалобно, но и жалко-жалко-жалко... Позор! Стыд! Презрение зазнайке и хвастуну! Не место таким в большом футболе!

— Да-а, — как говорил его любимый командир, старший лейтенант Синица, — не глупость страшна, а расплата за нее...

А что, если бы при этой некрасивейшей истории присутствовал бы сам старший лейтенант?!?!?!?

Егор Веселых сбросил одеяло, прыгнул с кровати на пол, вытянулся по стойке «смирно» и яростно прошептал:

— Виноват, товарищ старший лейтенант! Больше такого позорного стыда не повторится! Честное солдатское, вытравлю из себя зазнайство! С корнем вырву из себя хвастовство! Тренироваться обещаю, не жалея сил! Не жалея сил, тренироваться буду!..—Он тяжело и глубоко передохнул и продолжал более спокойным тоном: — Понимаю, конечно, товарищ старший лейтенант, что смешно вот так в темноте и в трусах с вами разговаривать, но я сейчас, честное слово, абсолютно серьезен. Я ведь сейчас за глупость свою расплачиваюсь.

Может быть, кто-нибудь из вас, уважаемые читатели, и усмехнется, может быть, даже ехидно усмехнется, читая эту сценку. Однако мне кажется, что повода для усмешек, тем более ехидных, здесь нет. Егор Веселых действительно был абсолютно серьезен.

Снова залезая под одеяло, он уже обдумывал, как завтра извинится перед странным вратарем за свое самоуверенное, неспортивное поведение и поблагодарит его за хороший урок... Егор Веселых, до боли напрягаясь, старался закрыть глаза, но они тут же легко, без усилий сами раскрывались.

Такого с ним еще никогда не бывало!

Он ворочался с боку на бок, со спины на живот, опять с боку на бок и снова со спины на живот и с каждым движением чувствовал себя все бодрее и бодрее. Тогда Егор Веселых стал соображать, что же именно ему спать мешает. Думал он думал, соображал он соображал — и вспомнил: не глупость страшна, а расплата за нее! А ведь некоторое время назад он полагал, что достаточно осознать свою вину, раскаяться — и можно спать спокойным сном. Оказалось, увы, не так. Чуть ли не с каждой минутой на душе у него становилось все беспокойнее, все тревожнее.

Думалось, например, о том, а что было бы, если бы он выиграл спор. Ведь тогда бедный поповский вра-

тарь расстался бы со своей шевелюрой, а он, Егор Веселых, зазнался бы еще больше!

Пришлось ему встать, пройти на кухню, разогреть чайник и снова пить чай с вареньем, но, конечно, уже без усов.

Все это он делал только для того, чтобы хоть что-нибудь, да делать. Он ведь привык жить с усами, и сейчас их ему ах как не хватало! Вот и приходилось для утешения покручивать пальцами в воздухе около носа.

В кухню вышел заспанный и недовольный кот Жоржик, несколько раз потянулся, столько же раз сладко зевнул и удивленно уставился круглыми глазами на хозяина, даже присел на задние лапы.

— Что, Жоржик? — тоже удивился хозяин. — Что тебе не спится? У тебя-то усы целы.

Жоржик озадаченно мяукал и не сводил с него удивленного, вернее, все более удивляющегося взгляда. Опять озадаченно мяукнув, он побил по своим усам сначала одной лапой, потом другой.

— А-а, и ты заметил! — догадался Егор Веселых. — Да, да, Жоржик, нету у меня больше усов. Проспорил я их из-за своего зазнайства и хвастовства. Так мне и надо.

«Так мне и надо! Так мне и надо! Так мне и надо! — застучало в голове Егора Веселых. — Надо мне так! Надо мне так! Так мне и надо!»

— Надо, надо, мне, мне, так, так! — вслух сказал он и снова покрутил пальцами в воздухе около носа и усмехнулся, поймав себя на этих нелепых движениях. Он улегся в постель, как можно крепче зажмурил глаза, но они сами легко раскрылись.

Егор Веселых почувствовал, что ему уже надоело переживать свое неспортивное поведение. Во-первых, он сам себя достаточно жестоко наказал — расстался с усами, во-вторых, ночью надо спать, ибо завтра ему надо записываться в команду, а если сразу придется участвовать в тренировке, показывать, на что он способен... Егор Веселых с головой накрылся одеялом и решил из-под него не высовываться. Но скоро ему под одеялом стало жарко и душно, а еще более того — тоскливо и совсем уж мучительно.

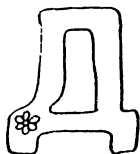
Тут я должен, уважаемые читатели, перед тем как закончить эту главу, подчеркнуть, что расплата за

глупость известна только умным и честным, а дурак и подлец, извините, от своих глупостей и подлостей нисколько не страдает, а наоборот — пребывает в блаженстве и гордости.

Вот почему Егор Веселых заснул только под утро.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

„Адре... адре... адре...“

дядя Коля с Шуриком уже в темноте вскипятили на улице еще один самоварчик и снова сидели на кухне и очень взволнованно беседовали о жизни, главным в которой, конечно, является футбол.

— Ты ведь тоже, наверное, мечтаешь футболистом стать? — спросил дядя Коля. — Так ведь тебе в двести раз проще, чем мне.

— Наоборот, у меня в триста двадцать раз все сложнее, — грустно отозвался Шурик. — Мне еще надо вырасти. Хотя бы подрасти. Лишь тогда я смогу мечтать о футболе. Сейчас же мне разрешают только одно — абсолютно отлично учиться. В футбол я играю редко и украдкой. Учусь, учусь, учусь. В школе учусь и дома тоже учусь. Дело дошло до того, что примерно в середине учебного года у меня в голове все стало перепутываться. Показалось, например, что дважды два пять, а слово «врач» пишется с мягким знаком.

— На свежем воздухе почти не бываешь, — озабоченно и с сожалением объяснил дядя Коля. — Двигаешься мало. В футбол надо играть азартно, до изнеможения. Вот за лето отдохнешь, наберешься сил и спокойно станешь этим самым абсолютно круглым отличником. А родителям, брат ты мой, прекословить нельзя даже тогда, когда они не особенно правы. Родители дали нам жизнь...

— В футбольной команде вам, Николай, не сдобровать, — категорическим тоном произнесла, возвращаясь на кухню, бабушка Анфиса Поликарповна. — И на любой работе, в любом коллективе над вами будут посмеиваться из-за того, что вы работали попом.

Я сейчас как раз над этим думала. Телевизор всегда располагает к размышлениям. Причем, чем хуже передача, тем больше у меня появляется мыслей. В иные дни от мыслей просто некуда деться.

— Я готов ко всему, — довольно хмуро проговорил дядя Коля. — Кроме того, я терпелив. Великая же цель рождает великое терпение. А на каждый роток не накинешь платок. Буду веровать в добрых людей. Мир не без них.

— Так-то оно так, — не очень охотно согласилась бабушка Анфиса Поликарповна. — Мир, конечно, не без добрых людей, но и не без мальчишек. И достаточно одному из них, пускай самому маленькому, узнать о вашем церковном прошлом, как они... Ужас! Ведь они могут вас задразнить!

— Нет, нет, меня задразнить невозможно. Задразнить можно лишь слабого и неуверенного в себе. А если я к тому же окажусь непробиваемым вратарем, все остальное не будет иметь никакого значения. А я обязательно стану непробиваемым вратарем!

— А если этот клетчато-полосатый прыгун здесь больше не появится? Как вы без документов?

— Куда он денется? — презрительно удивился Шурик. — Он ведь отправился искать дядю Колю и будет искать, пока не найдет. А найти его можно только вот здесь, у нас.

Тут и раздался дверной звонок — осторожный, какой-то слишком уж хитренький, дескать, принимайте-ка дорогого гостя, хотя и недожданного, но чтоб об этом никто больше ни-ни-ни...

— Это... он! Он... это! — в неподдельном ужасе прошептала бабушка Анфиса Поликарповна. — Я даже видеть его боюсь, я...

— Сидите спокойно и пейте чай, — властно остановил ее дядя Коля. — Открывай, Шурик. Впускай.

Увидев за порогом Жоржа Свинкина, Шурик от неожиданности громко ойкнул и попятился назад. Тренер несуществующей команды «Питатель» был облачен в серый, застиранный, широченный и длинный, до полу, халат, подпоясан скрученной простыней с огромным узлом вроде банта на животе.

Шлепая тапочками без задников, он быстро и решительно прошествовал на кухню и зазаикался зло и хрипло:

— Поп!.. Поп!.. Поп!

— Ну и что? — дядя Коля грозно поднялся ему навстречу. — А какое ваше дело? Отдавайте мои документы и чтоб я вас больше не видел!

— Поп!.. Поп!.. Поп! — продолжал усиленно заикаться, щелкая стальными и золотыми зубами, словно дразнился Жорж Свинкин. — Поп!.. Поп!.. Поп!

— Да, да, я бывший священнослужитель! — уже не на шутку разгневался дядя Коля. — Но вас это никоим образом не касается, величайший вы грешник! Где мои документы?

— По-о-оп... по-о-оп... по-о-оп...ался! — наконец-то скрипло выхрипнул Жорж Свинкин. — Попался! Попался и попом оказался! Да если бы я знал, что ты бывший поп, то сто тридцать четыре раза с половиной глубоко бы подумал, прежде чем с тобой дело иметь! Но сейчас думать уже поздно! Бежать надо, то есть ехать! Завтра начало тренировок, как ты этого понять не можешь! Отправил я уже твои документы, Коленька! Ты уже зачислен в мою команду «Питатель»! Слава тебя уже ждет, болельщики тебя на вокзале встречать будут!.. — Жорж Свинкин устало опустил плечи, почти плюхнулся на табуретку, подвернул длиннющие рукава халата, словно собирался драться на кулачках. — Я сюда прямо из больницы, — объяснил он, — еле-еле удалось оттуда исчезнуть. Но вот в таком крайне неприличном виде... Поп! С ума сойти! Поп... Как говорится, не было печали... Но я спасу тебя, Коленька. Никто ни о чем ничего никогда не узнает. А здесь уже завтра всем, всем, всем будет известно, что ты — о боже! — бывший священный служитель. Тебя засмеют. Тебя задразнят. Ни в какую команду тебя не возьмут!

— Вы его опять обманываете! — возмущенно сказал Шурик.

— Я его обманываю! — предельно оскорбился Жорж Свинкин. — Пока он меня обманывает, как хочет! А я все терплю! Кто из-за кого с поезда грохнулся? Кто из-за кого в нечеловеческих муках, рискуя жизнью, до леспромхоза добирался? А кто из-за кого в милиции оказался?

— А кто вас просил с поезда прыгать? — снова возмутился Шурик. — Кто вас просил в нечеловеческих муках до леспромхоза добираться?

— Долг тренера и совесть спортсмена, — гордо и скрипло прохрипел Жорж Свинкин. — Бескорыстная забота о судьбе перспективного голкипера. Но, увы, меня направили по ложному следу...

Разглагольствуя, Жорж Свинкин почти непрерывно засучивал длиннющие, разворачивающиеся рукава халата, словно собирался драться на кулачках, и поправлял огромный узел на животе, завязанный как бант. Уплетая сало с хлебом, смачно хрумкая солеными огурцами, он так обильно разглагольствовал, словно боялся, что кто-нибудь его перебьет и больше не даст сказать ни слова.

Беспрестанное говорение его сводилось к тому, что никто в мире не сможет, причем предельно быстро, подготовить дядю Колю для большого футбола, кроме него, Жоржа Свинкина, скромно выражаясь, замечательного тренера. Завтра же начнем тренироваться, да и первый матч не за горами.

Но с очень огромным удивлением Жорж Свинкин чувствовал, что сам не совсем верит своим собственным словам, потому что видел, что его грандиозные обещания не производят никакого впечатления даже на бабушку Анфису Поликарповну.

Почему?

Отчего?

В чем дело?

Как же так?

Неужели он зря старается?!

И Жорж Свинкин, поднатужившись, собрав весь запас хитрости, с утроенной энергией продолжал вдохновенно и обильно врать, как совершенно прекрасно организован в команде «Питатель» тренировочный процесс.

Пока бескомандный тренер занимается этим неблагоприятным делом, я доложу вам, уважаемые читатели, что случилось с беспардонным вруном после того, как его настигла милиция.

Сначала Жоржа Свинкина по его настойчивым, почти слезным просьбам отвезли в леспромхоз, и по дороге горе-тренер прямо-таки мелко дрожал от острого нетерпения увидеть этого негодяя Попова Николая, а когда увидел его, едва не рухнул в обморок: перед ним был не тот Попов Николай!!! Футболист, но маленького роста. Нападающий.

Жорж Свинкин был настолько потрясаяще растерян, что и не заметил, каким образом очутился в помещении милиции, и далеко не сразу сообразил, что от него хотят и о чем его расспрашивают.

Надо тут же отметить, что весьма и весьма подозрительным милиции представлялось все поведение Жоржа Свинкина. Но конкретных обвинений было три. Первое: в больнице он выдавал себя за государственного тренера, каковым на самом деле не является, потому что и звания такого вообще не существует. Второе: ограбление гражданки Глафиры Сосипатровны Суслопаровой (тридцать два блина и полтора литра сметаны) с угрозой применить оружие. Третье: угон трактора с прицепом.

Отдышавшись, чуть-чуть-чуть освободившись от страха, с большим трудом пересиливая заикание, Жорж Свинкин впервые в жизни говорил правду, и это было для него столь непривычно, что он часто запутывался и забывал самые обыкновенные слова. Под строгими и осуждающими взглядами работников милиции он растерял почти всю самоуверенность, виновато и довольно скромно объяснил свое внешне нелепое и весьма и весьма подозрительное поведение.

Государственным тренером он назвал себя абсолютно случайно, без всякого злого умысла, да и зубы надо было вставить побыстрее в интересах развития футбола — любимой игры миллионов. Ведь не лично же ему, Жоржу Робертовичу Свинкину, необходим этот, простите, негодяй Попов Николай, замечательный вратарь, но несознательный человек. Но он нужен, представьте себе, большому футболу! Вот поэтому-то из-за него и спрыгнул он, сознающий свой долг тренер, на полном ходу с поезда, вот почему и разбился весь.

Оружия у него никакого не было и быть не могло. Тунеядского тракториста, бывшего двоечника Гаврилу и его на редкость жадную тещу Глафиру Сосипатровну он пугнул обыкновенным сучком. Во всем виноват лентяй Гаврила: ведь он сам обещал накормить его, то есть, скромно говоря, выдающегося, но крайне голодного тренера. Да, да, крайне голодного, да еще и измотанно-измученного сверхужаснейшей поездкой в неописуемо грязном прицепе и длительной борьбой с обмазученной бочкой. А теща Гаврилова

его, борца и страдальца, не только в избу не пустила, а к тому же и крокодилом обозвала.

Трактор он и не собирался угнать и не мог угнать при всем своем желании, так как управлять машиной не умеет, впрочем, как и сам Гаврила. А он, Жорж Робертович Свинкин, просто влез в кабинку, чтобы скоротать ночь, а тот, тракторчонок, драндулет будущего, чудо двадцатого века, по своей глупейшей особенности самостоятельно двинулся вперед по дороге.

— Как видите, уважаемые товарищи, — заканчивал свои показания Жорж Свинкин, чувствуя на душе незнакомое доселе удивительное спокойствие от того, что не врал, как обычно, а говорил почти только правду. — Меня пожалеть надо, мне помочь надо, а не наказывать меня! Кроме моральных ударов, я понес материальные потери. Ведь никакая химчистка не возьмется привести в порядок мой костюм, прямо-таки катастрофически обмазученный Гавриловой бочкой!.. Документы? Если бы я знал, где они! И документы Попова Николая я потерял, все свои деньги я потерял! Нет денег даже на обратный проезд, уважаемые, дорогие товарищи...

Поверили Жоржу Свинкину, хотя все-таки пристыдили, особенно за хулиганские действия по отношению к гражданке Глафире Сосипатровне Суслопаровой, но зато обещали помочь с химчисткой, обещали также начать розыск документов и денег, а сейчас предложили отправиться в больницу, чтобы отмыться и сделать перевязки.

И вот на кухне, взволнованный собственными разглагольствованиями, Жорж Свинкин заканчивал:

— Боюсь, просто панически боюсь, Коленька, что милиции уже известно твое поповское прошлое. Они как-то так расспрашивали о тебе, что было ясно: ты под огромным подозрением. Конечно, никому не запрещается быть попом, тем более бывшим. Но вот представь себе такую картину: этот бывший поп стремится проникнуть в рабочий коллектив, в команду...

— Николай! Я вас умоляю! — в неизмеримо большом волнении воскликнула бабушка Анфиса Поликарповна. — Не верьте ни единому слову этого субъекта! Он сам в сверхвысшей степени подозрителен! В каждом его слове, даже в каждом звуке его неприятнейшего голоса ложь и фальшь! Фальшь и ложь!

С великим сожалением, с глубочайшей укоризной посмотрел на нее Жорж Свинкин, скорбно покачал своей израненной, украшенной тремя разноцветными шишками головой и проговорил очень хрипло:

— Понятно, понятно... Потрясающе нелепо, чудовищно несправедливо... Но я не обескуражен, даже не растерян, я привык к людской неблагодарности. Но дело не во мне. Единственный к тебе вопрос, Коленька: почему ты не хочешь, не горишь желанием завтра же приступить к тренировкам?

— Он сегодня уже тренировался, — по возможности спокойно сказал Шурик, но тут же возмутился: — А по какому праву вы взяли у него документы?

— Тебя, мальчик, никто ни о чем не спрашивает, — презрительно оборвал его Жорж Свинкин. — Мы, взрослые, как-нибудь разберемся сами. Документы его я уже отправил, чтобы ускорить зачисление в команду. Он уже футболист! Я уже сделал то, о чем ты мечтал, Коленька! Даю тебе на размышление...

— А он не нуждается в вашей помощи! — перебил Шурик.

— Совершенно очевидно! — добавила бабушка Анфиса Поликарповна. — Вы, Жорж, переполнены ложью! А толку от вас мало! Вы даже борщ посолить не в состоянии!

— Обращаюсь только к нему! — Жорж Свинкин вскинул руку в сторону дяди Коли. — А вы — молчите! Или завтра ты, Попов Николай, начинаешь прямой путь в большой футбол, или остаешься здесь и влачишь жалкое существование! Тогда — прощай, бывший поп и бывший перспективный вратарь!

В ответ ему было молчание.

— Молчание — знак согласия? — вкрадчиво, скрывая торжество, хрипло проскрипел Жорж Свинкин. — Значит, вперед, в большой футбол? Значит, за мной шагом марш?

— Нет, нет, — негромко, но совершенно твердо ответил дядя Коля, и Шурик с бабушкой Анфисой Поликарповной облегченно и громко вздохнули. — Нет, нет, — чуть громче, но еще тверже повторил дядя Коля. — Я с вами никуда не поеду, и вы никуда не поедете, пока мои документы не будут у меня. Где они?

— Я отправил их, повторяю, для скорейшего оформления тебя в команду.

— Когда же вы могли их отправить? Вы их взяли у меня на вокзале. Потом вы прыгали с поезда, попали в больницу. Оттуда сразу в леспромхоз. Куда вы дели мои документы?

Жорж Свинкин весьма энергично засучил рукава, словно собирался драться на кулачках, тщательно поправил узел на животе и ответил, вызываяще отчетливо выговаривая каждое слово:

— Хорошо, хорошо, отлично, замечательно. Я хотел избавить тебя, Коленька, от лишних волнений. Чтобы все свои силы ты приберег для завтрашней тренировки... Я потерял твои документы вместе со своими. И деньги еще я потерял. Вот какое несчастье! — Он с видимым наслаждением взглянул на растерянное лицо дяди Коли. — Выход один — быть нам с тобой, Коленька, вместе, вдвоем выкручиваться из этой истории.

— Ни одному вашему слову я не верю, — глухо проговорил дядя Коля. — И понятия не имею, где мои документы. Отправили вы их, потеряли, спрятали? Неизвестно. Товарищи... — Голос дяди Коли дрогнул. — Я ведь в безвыходном положении...

— А я? — с невинным видом спросил Жорж Свинкин. — Мы с тобой, Коленька, из-за тебя оба оказались в безвыходном положении.

— Вам надо идти в милицию! — обрадованно воскликнул Шурик. — Он ведь незаконно захватил ваши документы...

— Малыш, мальчик, деточка! — укоризненно перебил Жорж Свинкин. — Я был уже в милиции и обо всем доложил. Прошу всех помолчать! — грозно приказал он, чтобы скрыть за этой грозностью свою полнейшую растерянность. — Мне необходимо подумать!

Самое сверхужасное заключалось в том, что Жорж Свинкин никак не мог сообразить, в чем же он просчитался. Найти такого уникального, такого перспективного вратаря и... потерять его! Неужели нельзя обмануть его, припугнуть его неужели нельзя?!

Можно, конечно, можно!

Но — как?

— Минуточку внимания, — хрипло проскрипел Жорж Свинкин. — Больше я тебя, Коленька, уговаривать не буду. Поступай как знаешь. А меня ждет команда. О документах завтра же справишься в мили-

ции. В момент, когда ты расстаешься со мной, ты расстаешься и с мечтой о большом футболе. И жаль мне тебя, искренне жаль. Но последний раз еще предупреждаю, — сквозь стальные и золотые зубы процедил он, — без меня ты выдающимся спортсменом не станешь... Прощай, Коленька... — Он медленно дошел до дверей, постоял в нерешительности, обернулся. — Адре... адре... адре... — почти сквозь слезы заикался он, вытянулся, сжал кулаки, пытаюсь справиться с неожиданным огромным волнением и скрипло прохрипел: — Адре... адре... а-а-а-адре... — И, махнув рукой, Жорж Свинкин вышел.

Злобно стукнула дверь.

— Адре, — пожав плечами, недоуменно произнесла бабушка Анфиса Поликарповна. — Его последнее слово... Адре? Что бы это могло означать?

— Что бы это ни означало, — сказал Шурик, — но не зря ли мы его отпустили? Вдруг он действительно самый обыкновенный жулик? Ведь без документов вас и на работу не примут, а, значит, и в команду не возьмут.

— Никуда он не денется, — довольно уверенным тоном отозвался дядя Коля. — Завтрак в восемь ноль-ноль, и сразу после него я отправляюсь в милицию.

— Завтрак в восемь ноль-ноль?! — ужасно поразились, невероятно возмутились, очень страшно испугались бабушка Анфиса Поликарповна. — Мне не проснуться... Не встать... Не подняться... Я уже семь с половиной лет просыпаюсь не раньше половины одиннадцатого... Это укрепляет мне нервную систему и продляет жизнь! — убежденно воскликнула она. — А сегодня я столько истратила нервов... А ведь я приехала отдыхать!

— Ты и будешь отдыхать, — попытался успокоить ее Шурик, — продукты на завтра у нас есть.

— Утро вечера мудренее, — очень широко зевая, сказал дядя Коля. — Будем надеяться, что завтра все образуется, все обретет порядок.

Бабушка Анфиса Поликарповна чуть-чуть-чуть успокоилась, но с сомнением покачала головой и спросила:

— А что все-таки значит «адре»?

Опять очень широко зевнув, дядя Коля ответил:

— Завтра узнаем.

И вскоре на всю квартиру раздался его богатырский храп. Как тогда, когда они с Шуриком отдыхали после тренировки и обеда, в носу дяди Коли спрятался целый оркестр! Там рокотали разные трубы и трубочки, пели флейты, пищали кларнеты, и казалось, вот-вот загремят барабаны...

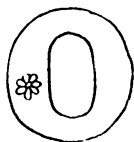
Шурику не спалось. Он с удовольствием, даже с наслаждением слушал богатырский храп дяди Коли, перебирал в уме сегодняшние события.

Эх, научиться бы храпеть так же богатырски, как дядя Коля! Шурик сильно втянул воздух носом и рассмеялся: вместо храпа получилось хрюканье, так сказать, не храп, а хрюк.

И еще шесть раз похрюкав, Шурик крепко-накрепко заснул.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Совершенно загадочное исчезновение бабушки Анфисы Поликарповны

Обычно Шурик просыпался в вялом, как говорится, дурном расположении духа, то есть с очень плохим настроением, равнодушный почти буквально ко всему. Ведь ничего его никогда не ожидало, кроме надоевшей учебы — в школе и дома.

Сегодня же он громко и радостно хрюкнул, едва заслышав бодрый голос дяди Коли, призывавший его проснуться, сбросил одеяло и прыгнул на пол.

Дядя Коля, видимо, для того чтобы не разбудить бабушку Анфису Поликарповну, негромко спросил:

— А кто твою кровать заправлять будет?

Сам он постель свою уже собрал и аккуратно сложил на диване.

— Как это и что это — заправлять кровать? — удивленно и с явным интересом спросил Шурик. — Понятия не имею. Чем ее заправлять? Бензином?

— Ты понятия не имеешь, как это и что это — заправлять кровать? — еще более удивленно спросил дядя Коля. — И еще шутишь над этим? Просто даже

и не верится. Ведь каждое утро ты вставал с кровати и... И неужели тебе ни разу за всю жизнь не пришло в голову подумать о том, что кто-то каждое утро всю твою жизнь заправляет кровать, в которой спал ты?!

Шурик с унылым до крайности видом молчал, склонив набок взъерошенную голову, которая действительно ни разу за всю жизнь не подумала о том, что кровать надо заправлять.

— Ты только посмотри, как это просто делается! — И дядя Коля ловко и быстро застлал кровать, взбил подушку. — Вот и вся наука!

— Вот и научусь, — невесело пообещал Шурик. — Только зря вы удивляетесь. Да, да, представьте себе, что никто никогда мне не говорил, что кровать за собой надо заправлять. А сам я... — он довольно глубоко и так же тяжело вздохнул, — а сам я не догадался.

— Всего самому в жизни и не понять, — объяснил дядя Коля. — Вот и будем помогать друг другу, и дела наши, будем надеяться, пойдут в гору. А сейчас мы быстренько и с полной отдачей потренируемся!

Они взяли мяч и, можно сказать, рванули на место вчерашней тренировки. Впереди огромнейшими шагами бежал огромный дядя Коля, за ним мелкими шажочками-прыжочками спешил маленький Шурик. Он, конечно, отставал, и дядя Коля был вынужден часто останавливаться и в великом нетерпении поджидать его.

И не выдержав такой гонки с таким препятствием, дядя Коля посадил мальчишку к себе за спину и под его восторженные попискивания и повизгивания помчался дальше еще более огромнейшими шагами.

Прибежав на поле, наши футболисты сразу же занялись своим любимым делом, забыв обо всем на всем свете, и занимались до тех пор, пока у Шурика не подкосились ноги. Он непроизвольно сел, прямо-таки упал на землю, обессиленно крикнув:

— Ничего себе, тренировочка!

— Тренировочка тут ни при чем, — обиженно проговорил дядя Коля, — это физическая подготовочка у тебя наислабейшая. — И он стал упрашивать его еще побить по воротам, но Шурик вдруг убежденно проговорил:

— Да мы же с вами ерундистикой занимаемся!

— Почему ерундистикой? — удивился и опять обиделся дядя Коля. — Я с каждым ударом чувствую себя все уверенней! Святым делом, можно сказать, занимаемся! Ведь отработка одиннадцатиметровых...

— Правильно, правильно, правильно! — запальчиво и несколько насмешливо перебил Шурик. — Но ведь вратарское мастерство состоит не только в умении брать пенальти! Умеете ли вы, например, посылат мяч в поле? Нет! А как вам вести себя при подаче угловых, знаете? Нет! Вообще, пора уже выучить правила!.. А кроме того, нам давно пора идти разыскивать Свинкина. Раздобыть ваши документы — наша главная задача!

— Разумно, в высшей степени разумно мыслишь, — одобрил дядя Коля. — В занятии любимейшим футболом я совсем забыл о клетчато-полосатом и документах. Идем.

Они тотчас же отправились обратно домой, не подзревая, конечно, какие их там ожидают неожиданности.

Подойдя к двери в свою квартиру, Шурик нажал кнопку звонка, удивленно и недоуменно постоял, потом вспомнил, как будили бабушку Анфису Поликарповну в поезде, еще несколько раз позвонил и обреченно прошептал:

— Все ясно. Бабушка спит невообразимо крепко.

— А почему ты ключ не взял? — сердито спросил дядя Коля. — Она же предупреждала нас вчера, что спит долго. Неудобно старого человека беспокоить. Как ты мог забыть ключ?

— Нет, не забыл, — сквозь зубы и тоже сердито ответил Шурик и с отчаянием добавил: — Я просто не знал!

— Чего — не знал?! — изумился и возмутился дядя Коля. — Что двери на ключ закрываются, не знал?!

— Я ни разу в жизни не открывал дверь ключом! Да, да! — растерянно, чуть не плача, воскликнул Шурик. — Мне ни разу в жизни не доверяли ключа! Так и говорили: ему, то есть мне, нельзя доверять ключ! Вот об этом-то я и забыл! Забыл о том, что мне никогда ничего не доверяли!

— Вот это ерундистика самая обыкновенная, — угрюмо заключил дядя Коля. — И мне над собой мно-

го работы предстоит, да и тебе не меньше. А с дверью надо что-то предпринимать...

Шурику захотелось немножечко, совсем чуть-чуть-чуть, поплакать от обиды и беспомощности, и, чтобы сдержаться, он забарабанил в дверь правой рукой, а левой беспрестанно нажимал кнопку, приговаривая:

— Проснись, бабушка! Проснись, бабушка! Проснись, бабушка!

И еще ему было очень стыдно за свою житейскую непригодность. Словно почувствовав его состояние, дядя Коля погладил мальчика по взъерошенной голове, сказал:

— Не надо зря шуметь. Сие, видимо, совершенно бесполезно. Завидным сном обладает уважаемая Анфиса Поликарповна. И не будем сетовать на превратности нашей судьбы, а обмозгуем, как нам выкрутиться из этой истории. Перестань, перестань! — попросил он, когда Шурик снова начал стучать и звонить. — Понимаешь, я бы мог... стукнуть, но, по-моему, скорее дверь вылетит, чем проснется уважаемая Анфиса Поликарповна... Итак, решим первый вопрос: можем ли мы сейчас уйти по своим делам?

— Боюсь, что ее нельзя оставлять одну, — подумав, ответил Шурик. — Значит, нам нельзя сейчас идти по своим делам. Значит, надо проникать в квартиру.

— А если тебе остаться здесь?

— Нет, нет, одного я вас не пущу! Я хочу действовать вместе с вами! Я вам помогать хочу!

— И мне с тобой надежнее, — дядя Коля опять погладил Шурика по взъерошенной голове. — В предельно нелепое положение вверх нас рок.

— А если все-таки нам пойти? — нерешительно спросил Шурик. — Во-первых, мы можем вернуться, когда она еще будет спать. Во-вторых, ничего особенно страшного не случится, если она проснется без нас и немножко нас обождет. Ведь самое-то главное сейчас — это идти со Свинкиным в милицию, выяснять судьбу ваших документов! Ведь сегодня может решиться ваша футбольная судьба!

— Сознаю всю ответственность момента, — торжественным тоном согласился дядя Коля. — Жить не могу без футбола! Но... но спокойствие уважаемой Анфисы Поликарповны, — продолжал он уже с явным со-

жалением, — не имеет к этому никакого отношения. Мы не имеем ни малейшего морального права по своей вине беспокоить старого человека.

Шурик еще несколько раз машинально позвонил, постучал, потом долго молчал, склонив набок взъерошенную голову, и признался:

— Не понимаю. Почему нельзя ей побеспокоиться немножко по нашей вине? Мы-то по ее вине беспокоимся, да еще как!

— Уважаемая Анфиса Поликарповна старше нас. И почему она обязана хотя бы и немножко беспокоиться по нашей вине?

— Но ведь мы-то ни в чем не виноваты! То есть виноват во всем один я! А решается ваша судьба! А бабушка все равно спит! — не сдерживая раздражения, говорил Шурик. — Если мы и попадем в квартиру, то все равно придется бабушку оставлять, если она привыкла спать до половины одиннадцатого!

— Можно оставить хотя бы записку, что мы ушли, — уныло сказал дядя Коля. — К тому же мне совершенно необходимо побриться. Нельзя же в таком виде...

Пока они стоят и гадают, что им делать в создавшейся обстановке, мы с вами, уважаемые читатели, перенесемся к Егору Веселых и посмотрим, чем же он занимается, оставшись без своей гордости — огромных черных усов.

Уже под утро, когда он спал зыбким, беспокойным сном, ему приснилось, что усы свои он потерял. Егор Веселых мгновенно проснулся, рывком сел на кровати, схватился руками за... нос!

И — вспомнил все.

И — состонал так громко и жалобно, словно у него враз заболели все зубы и уши...

И — сверхтоскливо подумал: есть ли смысл просыпаться и жить без огромных черных усов?

Он уже решил снова лечь, но услышал за окном умоляющее мяуканье. Егор Веселых подошел к открытому окну, выглянул во двор, увидел на заборе своего кота и позвал ласково:

— Жоржик, Жоржик!

А кот вдруг спросил его хриплым и скриплым человеческим голосом:

— В чем дело? Слушаю вас.

Конечно, Егору Веселых сразу стало ясно, что это ему просто послышалось спросонья, и он еще более ласково спросил:

— Есть, Жоржик, не хочешь?

— Еще как! — радостно ответил кот. — Буду вам очень благодарен хотя бы за кусок хлеба.

Егор Веселых был храбрым человеком и, как вы помните, уважаемые читатели, только что демобилизовался из армии, и сказки о говорящих животных он знал, но тут ему стало очень не по себе. Сказки сказками, а когда тебе кажется, что обыкновенный кот говорит пусть неприятно скриплым и хриплым, но человеческим голосом, тут, по крайней мере, растеряешься... Поэтому Егор Веселых больно-пребольно ущипнул себя правой рукой за левую, потом еще больней-пребольней левой рукой за правую, убедился, что не спит, и все-таки с очень большим опасением спросил:

— Но ведь ты, Жоржик, никогда не ел хлеба? Ты же любитель колбасы!

— Не откажусь, конечно, и от колбасы, — скрипло прохрипел кот и хрипло проскрипел: — А если вы еще предложите мне стакан горячего чаю...

— Коты чай не пьют! — громко прошептал, весь испуганно сжавшись, Егор Веселых.

— Какие коты? При чем тут коты? — рассердился кот.

— Жоржик... это ты... так... говоришь?

— Конечно, я. Собственно, а что тут удивительного?

Изо всех сил долго покрутив головой, словно надеясь этим вытрясти из нее наваждение, Егор Веселых собрал все свое мужество и крикнул неестественно дружелюбно:

— Иди ко мне, Жоржик, накормлю!

Но кот, почему-то отвернувшись от хозяина, скрипло захрипел:

— Ясу... ясу... ясу...

«Что же это такое со мной происходит?! — в страшном ужасе закрыв глаза, подумал Егор Веселых. — Неужели из-за потери усов я сошел с ума?!»

А с забора раздавалось хриплое и скрипкое:

— Ясу... ясу... ясу...

«Я сумасшедший, — вдруг как-то спокойно пронес-

лось в голове Егора Веселых, и он мысленно скомандовал себе: — С ума не-е-е-е схо-о-о-о-дить! В здравом уме нахо-о-о-о-дись!»

А кот все громче и громче, натужнее и натужнее скрипло и хрипло тянул:

— Ясу... ясу... ясу...

— Иди, иди, Жоржик! Колбасы дам сто грамм! Чаю дам два стакан!

«И язык меня уже не слушается! — обреченно подумал Егор Веселых и почувствовал, как от умственного напряжения у него закружилась голова. — Видно, я из-за своего хвастовства и зазнайства здорово заболел. С ума, конечно, я вряд ли сошел, но что-то в мозгах у меня поломалось».

— Ясу... я-я-а-а... ясу...-у-у-у-довольствием! — скрипло прохрипел кот, спрыгнул с забора и бегом, прыжками направился к дому.

Шатаясь и борясь с головокружением от умственного напряжения, Егор Веселых добрался до дверей, опираясь рукой о стену, открыл дверь и...

Тут ему снова пришлось призвать на помощь все свое мужество, все самообладание, чтобы отнестись к увиденному более или менее спокойно.

Перед ним стояло... В общем-то, это был, конечно, человек, невысокий, очень и очень толстый, но очень уж странный и, откровенно говоря, почти страшный. Одетый в серый, длинный, до полу халат, подпоясанный скрученной простыней с узлом в виде банта на животе, человек этот закатывал и закатывал рукава халата, словно собирался драться на кулачках. Лицо его, покрытое ссадинами и пластырями, лоб, украшенный тремя одинаковыми синяками (бывшими разноцветными шишками), наводили на мысль о темной судьбе данного субъекта.

На редкость громко, удивительно шумно и достаточно глубоко вздохнув, Егор Веселых сказал подбежавшему коту:

— Иди домой, Жоржик!

— А-а, тезка! — скрипло и хрипло обрадовалось то, что стояло перед Егором Веселых. — А я решил, что вы меня знаете и приглашаете завтракать.

— Кто... кто... вы... такой? — понемногу приходя в себя, но все еще с трудом произнося слова, спросил Егор Веселых.

— Позвольте представиться, старший тренер футбольной команды «Питатель» Жорж Робертович Свинкин.

— Вы и есть Свинкин?! — поразился Егор Веселых. — Свинкин? — восторженно повторил он и захохохохохохотал... Подняв лицо вверх, раскачиваясь взад-вперед, он неудержимо хохохохохохотал. — Вы — Жорж, а я думал, что Жоржик! — Его стало сотрясать от смеха, он уже не раскачивался взад-вперед, а именно сотрясался всем телом. — А я думал, Жоржик! А то Жорж! Робертович! Свинкин! Я ведь думал... я ведь думал... ясу... ясу... что я сумасшедший!.. Ясу... ясу... ясу... — Смех мешал ему собраться с силами и перестать трястись. — Я думал, что кот... что кот... кот заговорил! — И Егор Веселых не перестал трястись всем телом, а наоборот, затрясся еще сильнее и еще громче захохохохохохохохотал.

— Прекратите хохотство!!! — С большим достоинством и в меру грозно потребовал Жорж Свинкин. — Это звучит оскорбительно для солидного человека, спортивного руководителя. С кем имею честь беседовать? — Он терпеливо и опять-таки с достоинством дождался, пока его собеседник окончательно успокоится, перестанет сотрясаться всем телом и хохотать. — И учтите, что я действительно не отказался бы от самого скромного завтрака, но с горячим чаем. Ночью я заблудился, никак не мог найти дорогу в больницу, потому что редкие прохожие шарахались от меня и спросить, таким образом, было не у кого. Спал тут у вас, стыдно сказать, под забором. И вот под утро продрог основательно. — Жорж Свинкин подкручивал и подкручивал длиннющие рукава халата, словно собирался драться на кулачках, поправлял и поправлял узел-бант на животе. — Я вас слушаю.

— Слушай, слушай! — с заметной угрозой в голосе отозвался Егор Веселых. — Кто я такой, не так уж и важно. А вот твоя подозрительная особа мне известна.

— Каким образом, позвольте полюбопытствовать?

— Я знаком с Шуриком Мышкиным и Николаем Поповым.

— Так, так, так... — Жорж Свинкин опешил, попытался скрыть это опешивание, но ничего у него не получилось. Тогда он принял сверхзабоченную, с

оттенком солидности позу. — Я достаточно хорошо знаю их обоих. Кстати, весь мой внешний вид, ужасный, конечно, и даже несколько неприличный, получился таким именно из-за этого негодяя Попова Николая.

— Да как ты смеешь так называть...

— Смею, смею! Имею все основания! Да, он перспективнейший вратарь, но неблагодарнейший человек. К вашему сведению...

— Можешь больше не врать, я все знаю! — довольно грубо оборвал Егор Веселых, но Жорж Свинкин не дал ему говорить, сразу заявив крайне возмущенным тоном:

— А то, что он поп, это вы знаете? А?

— И это мне известно. То есть он не поп, а бывший поп, который серьезно решил стать вратарем.

И тут захохотохехехехехихи

хихихохохотал Жорж

Свинкин. Собственно, это был даже не смех, пусть и необычный даже. Это было невообразимое и непередаваемое звукоиздавание: хохот, хахат, хихит, хехет, произносимые одновременно с хрипом, скрипом и повизгиваньями. Но все это продолжалось, к счастью, не так уж и долго, потому что издатель, в сущности, не имел желаний даже улыбнуться хотя бы разик.

— Да будет вам известно, неизвестная мне личность, — возмущенно прохрипел со скрипом Жорж Свинкин, — что упомянутый Попов Николай не бывший поп, а самый настоящий! Он пытался ввести в заблуждение меня и общественность!

— Не может быть!

Жорж Свинкин посмотрел на него с таким сожалением и с таким сочувствием, что Егор Веселых ощутил себя в чем-то виноватым и недоуменно проговорил:

— Он честный человек и не может врать. Он...

— Мне вас жаль! — великодушным тоном перебил Жорж Свинкин. — Жаль, жаль мне вас! Но зато я вас и понимаю. Я сам был введен в заблуждение Поповым Николаем! Из-за него я и потерял свой пристойный внешний вид, потому что навернулся с поезда на полном ходу! Затем, по вине все того же Попова Николая, предположим, не негодяя, я перенес поездку в леспромхоз в прицепе, где бесчинствовала обмазучен-

ная до безобразия железная бочка! Я угодил в милицию и больницу! Ах, как я вас понимаю! Но мои глаза теперь широко раскрыты, я знаю, с кем имею дело! И только я один могу разоблачить и спасти Попова Николая, сделать из него непробиваемого вратаря!

С горечью должен признаться, уважаемые читатели, что умение врать и обманывать — тоже весьма своеобразный и достаточно распространенный талант. Воздействие его на честных людей воистину необъяснимо. Бывает, человек почти наверняка знает, что ему нагло врут, и все-таки... верит или почти верит! На этом, собственно, и основан расчет лжецов, вралей, лгунов, врунов и обманщиков всех мастей.

Вот и Жорж Свинкин всего за несколько минут посеял в душе Егора Веселых сомнение и, с каждым мгновением распаляясь все сильнее, врал уже безудержно:

— В моей команде, осуществляющей мой ультрасовременный принцип «Лучшее нападение — оборона», вратарь впервые в мировом футболе играет главнейшую роль.

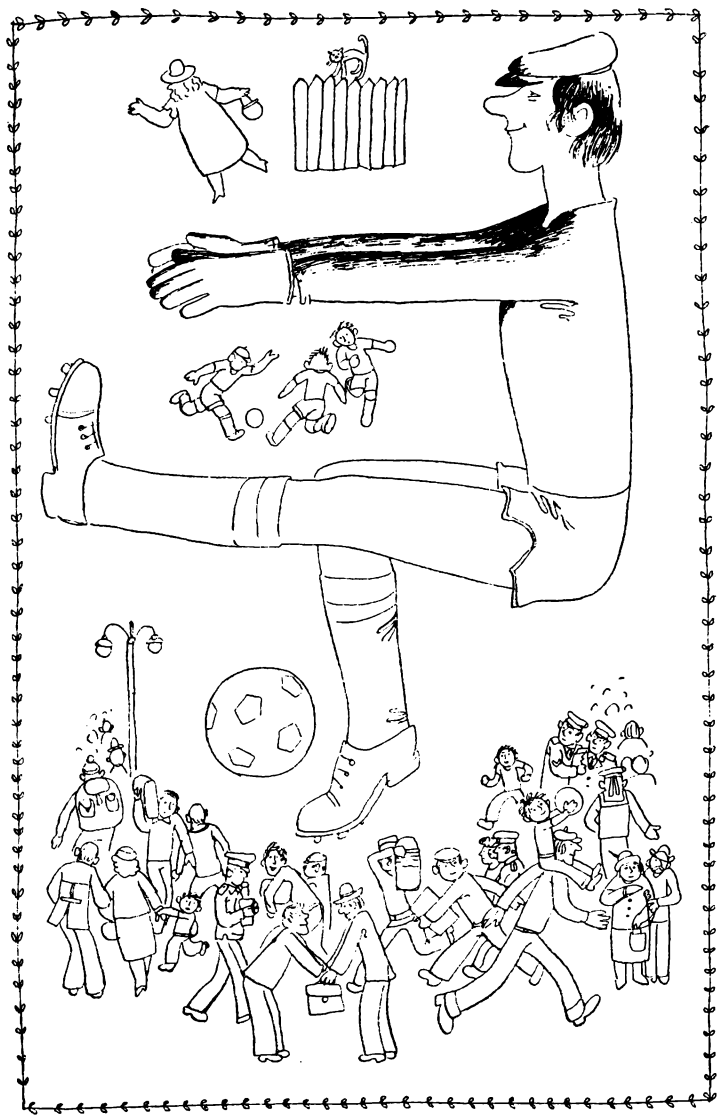
— Насколько мне известно, — тяжело выговорил Егор Веселых, тщательно подбирая каждое слово, — ты куда-то дел документы Николая. А по документам можно точно определить, поп он или не поп. Где документы?

— Где документы? Где документы? — почти пердразнил Жорж Свинкин. — Рано или поздно их найдут или выдадут новые. Я же беспокоюсь о спортивной судьбе этого... Попова Николая! Мне необходимо, чтобы он защищал ворота моей команды «Питатель»! Ведь я нашел его! Я оценил его талант!.. Простите, простите, а откуда вы знаете Попова Николая, если он приехал сюда лишь вчера?.. И умоляю: не забудьте о завтраке.

Егор Веселых пригласил собеседника в дом, провел на кухню, включил газ, начал готовить завтрак, сказал:

— Сам я недавно демобилизованный и центрфорвард. Играл в армейских командах. Сегодня мы с Николаем поступаем на работу и приступаем к тренировкам.

— Команда здесь, насколько мне известно, слабая, — презрительно заметил Жорж Свинкин, хо-

тя у него дух захватило от новости — перед ним центрфорвард! — А мой «Питатель» — коллектив с недалеким блестящим будущим. Так откуда вы знаете Попова Николая? Кто дал вам о нем неверную информацию?

— Ешьте на здоровье, — сумрачно предложил Егор Веселых. — Я доверяю Шурику Мышкину, и Николай доверяет ему. Вчера мы уже тренировались.

Слова эти произвели на бескомандного тренера просто ошеломляющее впечатление. Он вскочил и замер, выпучив глазки. «Вот! Вот! — пронеслось в его израненной голове, украшенной тремя одинаковыми синяками — бывшими разноцветными шишками. — Вот кто мой главный противник! Шурик Мышкин! Вот кто мне все испортил! Вот кто мне до сих пор мешает увезти с собой этого негодяя Попова Николая!»

— Что с тобой? — недоуменно спросил Егор Веселых.

— Со мной ничего... — хрипло проскрипел Жорж Свинкин. — Объясните мне, пожалуйста, будьте настолько любезны, а почему этот маленький взъерошенный Шурик имеет такое влияние на вас, взрослых людей? Неужели вы сами без него не можете разобратся?

— Шурик — очень хороший человек.

— Он еще не человек! Пока он еще мальчишка всего-навсего! — Жорж Свинкин внезапно преобразился — повеселел, шаловливо поиграл глазками. — Но, видимо, толковый мальчишка... Итак, я попытаюсь воздействовать на Попова Николая. Я уже вижу его в воротах моего «Питателя». И вам рекомендую воспользоваться моим приглашением — прошу вас в основной состав. И как мне пройти в больницу?

— Я провожу, — мрачно ответил Егор Веселых. — Надо до конца разобраться с пропавшими документами.

«Шурик Мышкин! Шурик Мышкин! — стучало в израненной голове бескомандного тренера, когда он дворами, чтобы не попадаться людям на глаза, пробирался к больнице. — Вот на кого надо было воздействовать в первую очередь! Но еще не все потеряно! Сегодня же даю телеграмму: игроки найдены, веду переговоры, прошу продлить срок командировки... Сам же я развиваю сверхкипучую деятельность!»

— Да ведь я... я ведь да... да я ведь... — в страхе, которого он не мог скрыть, залепетал Шурик. — Ни разу в жизни я... в разу ни жизни... то есть...

— Ничего, ничего, — рассерженно и даже чуть-чуть грубовато отозвался дядя Коля. — Я ведь тоже не всю жизнь по бревну на второй этаж лазал. Подстраховывать тебя буду.

Он укрепил, неторопливо и тщательно, второе бревно.

— Я постараюсь, конечно... — жалобным голосом проговорил Шурик, снял кеды и взялся за бревно с такой опаской, словно оно было раскалено или находилось под электрическим током. — Сейчас, сейчас... постараюсь, честное слово, постараюсь...

— Да смелее, смелее! — подбадривал дядя Коля, поддерживая его. — Так, так... молодец...

А Шурик, почти одеревенев, весь напрягшись от страха и неумения, с ужасом ждал момента, когда руки дяди Коли отпустят его... и мысленно уже летел вниз на землю...

Ну, вот... вот он сам в своих, так сказать, руках и ногах... Шурику захотелось прикрыть глаза, чтобы расстояние до балкона не казалось непреодолимым... Он и зажмурился... Зажмурился он, но вроде бы продолжал все видеть, вернее, все представлял себе по памяти... осторожно действовал малопослушными руками и ногами.

— Молодец, молодец... — откуда-то далеко снизу подбадривал дядя Коля, — не торопись, не торопись...

Шурик открыл глаза — расстояние до балкона, казалось, нисколько не уменьшилось. И ни рукой, ни ногой он больше пошевелить не мог...

— Слезай обратно, — печально предложил дядя Коля, — ничего не получается.

Оказавшись на земле, с удовольствием потопав по ней, поотпыхавшись, Шурик сказал:

— Я старался, я очень старался... Но не достать, никак не достать.

— Это мы еще посмотрим, — сквозь зубы процедил дядя Коля, то внимательно рассматривая бревно, то еще внимательнее разглядывая балкон.

— Не получится, не получится, не получится! — тихо, но с большим отчаянием возразил Шурик. — Вот увидите, не получится!

— Конечно, ничего не получится, — иронически вроде бы согласился дядя Коля. — Конечно, никогда ничего не получится, если ничего не делать. Проще всего сдаться. Так, мол, и так, уважаемое бревно. Ты, бревно, меня, человека, сильнее. Мне, человеку, с тобой, бревно, не совладать. Но я ради футбола, — высил он свой и без того громкий голос, — ради футбола я на все готов!

Дядя Коля долго и старательно устанавливал бревно под углом к стене. Потом он отошел далеко-далеко, разбежался и — по бревну вверх бегом! — и прыг! — и схватился руками за перила. На какое-то мгновение он замер, и тут Шурику почудилось, что балкон начал оседать...

Но дядя Коля, громко крикнув, подтянулся рывком и перелез через перила.

— Ура-а-а! — закричал Шурик. — Вот это класс! Вот это да!

Он бросился в подъезд, взлетел по лестнице и в нетерпении запрыгал перед дверью.

Дверь открылась, и он увидел невероятно растерянное, жалкое лицо дяди Коли, сразу почувствовал что-то недоброе, пролепетал:

— Что, что еще случилось?

Дядя Коля шумно передохнул, набрал в грудь побольше воздуха, словно собирался запеть, и глухо ответил:

— Уважаемой Анфисы Поликарповны дома не оказалось. Она исчезла...

— Как... исчезла? Куда? Зачем?

— Кто ее знает...

Шурик обежал всю квартиру, заглянул в каждый угол, даже под кровати — действительно, бабушки Анфисы Поликарповны нигде не было, она действительно исчезла, и он совершенно растерянным, жалким голосом спросил:

— Что... что... что делать?

Дядя Коля спокойно и деловито ответил:

— Жить.

— А... а как быть с бабушкой? Вернее, как быть без бабушки?

— Жить, — еще спокойнее и еще деловитее повторил дядя Коля. — Действовать надо. Ключ на месте. Отлично. У кого-нибудь в доме можно его оставить?

— У тети Варвары из соседнего подъезда.

— Совсем замечательно. Я бреюсь, быстро готовлю завтрак, а ты топай насчет ключа.

Встречи с тетей Варварой Шурик, честно говоря, побаивался: ей вряд ли понравится новость об исчезновении бабушки Анфисы Поликарповны.

У себя на кухне, гремя кастрюлями и сковородками, одновременно делая несколько дел (мыла посуду, пробовала суп, кашу, компот, переворачивала котлеты, чистила овощи, приготавливала тесто), тетя Варвара сразу спросила басом:

— Что там твое чудо-юдо морское опять натворило? Опять есть захотело?

— Оно исчезло, — машинально отозвался Шурик. — Куда-то исчезло.

— Ис-па-ри-лось! — со смехом пробасила тетя Варвара. — Так надо было идти не ко мне, а в милицию. За-я-вить! Так, мол, и так, исчезло чудо-юдо морское тунеяднос!.. Жалко мне тебя, парень... — Она устало опустилась на табурет, пять раз устало и тяжело передохнула и снова, как ни в чем не бывало, засуетилась, заметалась по кухне, одновременно делая несколько дел. — Внуки должны теряться, а не бабушки! Бабушки должны внуков искать, а не внуки бабушек!

И тетя Варвара, высокая, худощавая, продолжала метаться по кухне, возмущаться, удивляться, поражаться, сердиться, негодовать. Шурик с огромнейшим трудом, еле-еле-еле-еле уловил момент, когда тетя Варвара пробовала суп и, естественно, не могла говорить, и жалобно выкрикнул:

— Мне-то что делать?

— Жить! — грозным и торжествующим басом отозвалась тетя Варвара и прямо-таки оглушающе прогремела одной за другой четыремя крышками кастрюль и в каждой успела помешать ложкой. — Сейчас же марш в милицию, все там растолкуй про свое чудо-юдо морское и займись своей жизнью! Лето на дворе! Тебе отдыхать надо! Тебе сил набираться надо, а не бабушку искать! Понятно?

И, не давая Шурику произнести ни слова, тетя Варвара минут семь с половиной басом возмущалась, удивлялась, поражалась, сердилась, негодовала и металась по кухне, одновременно делая несколько дел.

— Чего стоишь? — удивилась она. — Чего куксишься, как девчонка, которая куклу потеряла? Ты ведь не куклу потерял, а всего-навсего тунеядскую бабушку. Никуда она не денется. Бездельничает где-нибудь сейчас на здоровье... Я бы сама с тобой в милицию сходила, да вот видишь, не могу хозяйство бросить. Обиделся, что ли, на меня?

— Чего мне обижаться? — еле-еле слышно ответил Шурик, так еле-еле слышно, что тете Варваре, чтобы разобрать его слова, пришлось замереть на месте, и он повторил чуть громче: — Я не обиделся. Чего мне обижаться? Хорошо, я сейчас пойду в милицию. А потом мне надо с дядей Колей идти помогать ему устраиваться на работу и поступать в футбольную команду. А вдруг бабушка придет без нас? Можно оставить у вас ключ?

— Вот это нормальный разговор, — одобрила тетя Варвара. — И не забудь оставить записку, где ключ и когда примерно вернешься. А я, как только управлюсь с обедом, внучку с твоим ключом дома оставляю и сама в милицию сбегая. И никуда-никуда бабушка твоя не денется. Сквозь землю не провалится, на небо не взлетит, а тут, на земле, мы ее разыщем!

Ободренный, Шурик быстро примчался домой, с порога весело крикнул:

— Все в порядке, все в порядке.

Как бы не разделяя его радужного настроения, дядя Коля довольно сумрачно предложил:

— Садись завтракать. Самоварчик, к сожалению, ставить некогда. Ешь, ешь, день нам предстоит нелегонький.

— Все, все, все будет в порядке, — с набитым ртом несколько самоуверенно выговорил Шурик, к которому вернулось отличное настроение. — Надо жить, а не кукситься. Вот увидите, недалек тот день, когда не вы меня, а я вас накормлю вкусным завтраком!

— Не сомневаюсь. — Дядя Коля улыбнулся, но тут же улыбка погасла, и он проговорил задумчиво и озабоченно, даже с оттенком суровости: — Нам с тобой надо учиться жить.

— Опять летом учиться? — с болью вырвалось у Шурика.

— Да не о школьном учении речь, — по-прежнему задумчиво, озабоченно и даже с оттенком суровости

ответил дядя Коля. — Я много в нормальной жизни не знаю, ты — тоже. Вот и будем помогать друг другу. Шурик весь просиял от удовольствия.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Последние усилия Жоржа Свинкина

В ночь накануне описываемого дня — главного в нашем повествовании — все действующие лица видели сны, и я должен, уважаемые читатели, хотя бы кратко информировать вас о их содержании.

Об одном сне вы уже знаете: Егор Веселых будто бы потерял свою гордость — огромные черные усы.

Шурикиным папе, маме и дедушке привиделся предельно изможденный, исхудавший и изголодавшийся сын, он же внук. Ведь они забыли оставить ему деньги и обнаружили это лишь в дороге.

Шурику приснилось, что школьную форму сменили на футбольную, учителей называют тренерами, классы стали командами, а капитаном может быть только абсолютно круглый отличник. А кто из маленьких футболистов не мечтает быть капитаном?

Тетя Варвара во сне настолько обленилась, отунеядилась, что трехлетний внук кормил ее манной кашей с ложечки.

Жоржу Свинкину, спавшему под забором, приснилось, что он руководит игрой сборной команды страны в матче с каким-то ультра-знаменитым зарубежным клубом и тут же бойко торгует холоднющим квасом, разводя его еще более холоднучей газированной водой.

Дядя Коля всю ночь простоял в воротах, отражая удары десяти форвардов, у каждого из которых был свой мяч. Особый страх охватывал вратаря, когда по воротам били враз десять футболистов, и дядя Коля одновременно брал-отражал-переводил-на-угловой десять мячей.

Самый невероятный сон видел Гаврила: будто бы его тракторчонок — чудо двадцатого века, машина будущего — подчиняется ему, как нормальный.

Его теще — золотому человеку, Глафире Сосипатровне Суслопаровой — во сне являлся обмазученный Жорж Свинкин, направлял на нее пушку и требовал отдать ему всю сметану.

Но все эти вышеупомянутые сновидения не оказали никакого конкретного, практического влияния на дальнейшее поведение действующих лиц нашего повествования.

Иначе случилось с бабушкой Анфисой Поликарповной. Ее до самого утра посещали кошмарные или полукошмарные сновидения, в которых она садилась за очень обильно уставленный кушаньями стол и... просыпалась от скрипло-хриплого голоса: «Адре... адре... адре...»

Проснувшись, бабушка Анфиса Поликарповна вспоминала, что они с Шуриком остались без средств к существованию, то есть без денег. Она делала отчаянные попытки заснуть, например считала до ста девяти, но из-за стены раздавался сверхбогатырский храп поповского вратаря, в голову лезли события минувшего дня и скрипло или хрипло скрипел голос: «Адре... адре... адре...»

И стоило бабушке Анфисе Поликарповне ухитриться заснуть, как ее будил раздававшийся из-за стены сверхбогатырский храп.

К утру из-за многочисленнейших засыпаний и просыпаний она столь сильно изнервничалась, что уже и боялась заснуть, хотя сверхбогатырский храп за стеной прекратился. Думала бабушка Анфиса Поликарповна, думала, гадала она, гадала, что же делать, и решила прогуляться, вспомнив, что лучшие лекарства — это движение и свежий воздух.

А на крыльце она встретила почтальона, который вручил ей денежный перевод!

О, это было отличное начало дня.

На улице ранним утром, да еще со средствами существования в сумочке, дышалось просто великолепно. Головная боль сразу не прошла, а — убежала. Бабушка Анфиса Поликарповна моментально успокоилась, прикинула в уме, что скоро уже и завтрак, и шла себе, шла, наслаждаясь наисвежайшим утренним воздухом. И еще она вспоминала с некоторым сожалением, что давным-давно не гуляла вот так ранним утром.

Несмотря на множество чисто житейских неудобств и довольно частые нервные потрясения, жизнь у Шурика ей понравилась. У себя дома, среди взрослых детей и малолетних внуков и внучек, она жила легко, безбедно и... несколько скучновато. Ее полностью оградили от всех забот, даже самых наимельчайших (даже не позволяли размешивать чай в чашке!). Она привыкла и к этому, наслаждалась таким беспечным существованием и спасалась от возможной глубокой скуки многочасовым сидением перед телевизором. Именно поэтому она согласилась поехать к внуку Шурику.

И вот бабушка Анфиса Поликарповна встретилась с новой для нее жизнью, полной забот, тревог и неожиданностей.

Увидев кафе с заманчивым названием «Лакомка», она, так сказать, посетила его, вышла на улицу и сразу же невероятно, неотвратимо захотела спааааать...

Бабушка Анфиса Поликарповна попробовала разогнать сонливость быстрой прогулкой, но ноги сами привели ее к скамейке в скверике около поселкового клуба. Она присела в тени, приняла позу поудобнее и крепко-крепко-накрепко заснула... На сей раз она не видела никаких снов и проснулась лишь оттого, что оказалась на самом солнцепеке. Бабушка Анфиса Поликарповна осторожно, чтобы не нарушить своего замечательного состояния покоя и тихого счастья, передвинулась по скамейке в тень и...

— Ой! Ой! Ой! — испуганно вскрикнула она, наткнувшись плечом на человека в коричневом костюме, огромных темных очках и в зеленом берете с белым хвостиком на макушке. — Простите, я вздремнула...

— Добрый день, дорогая Анфиса Поликарповна, — скриплым и хриплым, неприятным, но удивительно знакомым голосом проговорил мужчина. — Необычайно рад приветствовать вас. — Он снял очки и, наслаждаясь изумлением и некоторым страхом собеседницы, весело и даже игриво продолжал: — Да, да, Жорж Робертович Свинкин собственной персоной и полностью к вашим услугам.

— Немедленно отвечайте мне, что такое «адре»! — сердито потребовала она. — Мне всю ночь снилось это «адре»! Ну, вчера, когда вы от нас уходили — вспомните! — в дверях остановились и — адре, адре, адре...

— Адреса своего я этому... Попову Николаю не оставляю. Если расстанемся, то навсегда! — объяснил Жорж Свинкин, и бабушка Анфиса Поликарповна откинулась на спинку скамейки и так облегченно вздохнула, словно сделала немалое научное открытие, но тут же недовольно сказала:

— Мне ваших услуг не надо. Хватит с меня вашего непосоленного борща.

— Ах, какой это был потрясающий конфуз! — виновато воскликнул Жорж Свинкин. — Но, как говорится и не про вас будь сказано, и на старуху бывает проруха. Нервничал я, очень сильно переживал происходящее, жизнью ведь дважды рисковал и в высшей степени болезненно беспокоился о Шурике.

— Так я и поверила! По-моему, вы, извините, тряслись над своим поповским вратарем, который, кстати, храпит, как слон.

— О Шурике, о Шурике, о Шурике и только о Шурике мои заботы. Потом я вам все объясню популярно и убедительно. Сначала позвольте проинформировать вас о сложившейся обстановке. Мои документы и деньги возвращены мне при помощи доблестных работников милиции, — озабоченно говорил Жорж Свинкин. — При их же чутком содействии мой костюм приведен в приличный вид. Командировка мне продлена. У вас дома никого нет.

— Как — нет?!

— Так — нет. Шурик с этим... Поповым Николаем тренируются на стадионе. Вечером наш поповский вратарь уже примет участие в игре. Не знаю, чем все это...

— Врите, да знайте меру! — Бабушке Анфисе Поликарповне не удалось скрыть ни раздражения, ни возмущения. — Как же он может играть, если он ни разу не играл? Кто ему позволит?

— Я, — гордо, хрипло и скрипло произнес Жорж Свинкин, — организовал все это. Я, — еще более гордо, еще более хрипло и еще более скрипло продолжал он, — хотел ему устроить прямой путь в большой футбол. Он, то есть Попов Николай, по глупости отказался от моей бескорыстной помощи. И будет наказан. Вам же я рекомендую не отказываться хотя бы от одной моей услуги. Приближается время обеда, а его, обеда, у вас нет. Позвольте, я окажу вам помощь в

приобретении всех необходимых составных частей для подлинного обеда и приготворю его.

Опять раздраженно и возмущенно бабушка Анфиса Поликарповна спросила:

— Как же мы попадем домой, если там никого нет, а у меня нет ключа?

— Все будет, — скромно склонил голову в зеленом берете с белым хвостиком на макушке Жорж Свинкин. — И ключ будет, и обед будет. Обед будет такой, какого вы еще ни разу в жизни не испытывали.

Бабушка Анфиса Поликарповна вполне бы нашла в себе силы отказаться от столь заманчивого предложения, хотя бы и в компании со столь до сих пор подозрительным субъектом. Но у нее не было ключа от квартиры, в квартире никого не было, и, кроме того, она не помнила, как к этой квартире пройти. Она не помнила дороги.

Волей-неволей ей пришлось принять предложение бескомандного тренера. И пока они шествуют, чтобы приготовить подлинный обед, расскажу вам, уважаемые читатели, о предшествующих событиях, среди которых есть и довольно неожиданные.

Развивались они стремительно. В больнице Жоржа Свинкина ждал отремонтированный и перекрашенный в коричневый цвет костюм и сообщение из милиции, что документы и деньги найдены.

Это придало Жоржу Свинкину такое невероятнейшее количество сил, энергии, которая показалась ему умственной, что он тут же, сразу, вмиг придумал грандиознейший план своих дальнейших действий и уже заранее и абсолютно был убежден в наилучшем исходе. Бескомандный тренер в глубине души уже безоговорочно мнил себя руководителем талантливейшей команды! Правда, поврать для этого придется еще немало! Много-много придется еще хитрить, лукавить, лгать, изворачиваться. Но зато будет он тренером, а не ночным сторожем. Для него это стало сейчас совершенно ясно.

Облачившись, можно сказать, в новый костюм, Жорж Свинкин многословно и торжественно распрощался с врачами и медсестрами, поблагодарил их за чуткость и заботливость, собрался было выразить свою признательность в письменной форме, да вовремя вспомнил о своей же полуграмотности.

А врачи и медсестры были попросту рады расстаться с таким неудобным и суматошным пациентом.

Словом, все были довольны, а больше всех сам Жорж Свинкин. Им владело такое самоуверенное и взбудораженное настроение, словно не прыгал он с поезда на полном ходу и не разбивался, не вел смертельно опасной борьбы с обмазученной бочкой, не требовал с гражданки Суслопаровой Глафиры Сосипатровны блинов со сметаной, не ехал в чуде двадцатого века.

Выйдя из больницы на улицу, он сообщил приятнейшие для себя новости поджидавшему его Егору Веселых и самодовольно, с некоторым оттенком пренебрежения закончил:

— Сейчас все пойдет как по маргарину. Мне вас с этим... Поповым Николаем будет активно жаль, если вы не пойдете в мою команду «Питатель». Жаль. Значит, вы неплохие игроки, но не совсем умные люди.

Получив же документы и деньги, Жорж Свинкин почувствовал новый прилив сил и энергии, которая опять показалась ему умственной, многословно и торжественно поблагодарил работников милиции и в заключение сказал:

— Можете считать, дорогие и уважаемые товарищи, что вы не только помогли лично мне, но и содействовали развитию нашего отечественного футбола.

— Не преувеличивайте наших достаточно скромных услуг, — ответили ему, — все было просто. Документы и деньги вы оставили в пиджаке, работница химчистки положила их в стол и забыла о них, а потом при нашей помощи вспомнила. Больших вам спортивных успехов и не забудьте, пожалуйста, рассчитаться с гражданкой Суслопаровой Глафирой Сосипатровой за блины и сметану. А то она будет повсюду искать вас на своем мотоцикле, а нас закидает жалобами.

Рассыпавшись, как говорится, в извинениях, Жорж Свинкин пообещал рассчитаться в самое ближайшее время. Егору Веселых он сказал с весьма и весьма загадочным видом:

— Вынужден оставить вас. У каждого свои заботы. Пока, до вполне возможной встречи.

Документы дяди Коли ждали его в милиции, но Егор Веселых не испытывал почти никакого удовлет-

ворения, почти никакой радости. Сердце его щемило то ли предчувствие чего-то недоброго, то ли его измучило отсутствие усов, которые он машинально пробовал покрутить и в результате хватал себя за нос.

Когда ему надоело ждать приятелей, он сходил к Шурику Мышкину, никого там не застал и тогда прямым ходом направился на домостроительный комбинат. Здесь многие его хорошо помнили, и ему не стоило труда быстро разыскать знакомых футболистов.

Они ошеломили Егора Веселых потрясающим известием: сегодня команда «Строитель» встречается с командой «Лесник», и на игре будет московский тренер, из-за которого и пришлось так неожиданно организовывать матч. Игра уже назначена, сделано объявление по радио. А самое главное: московский гость намерен отобрать наиболее способных футболистов.

Но вот беда, вот беда, — сокрушались комбинатовские футболисты, — у них в команде оба вратаря уехали сдавать экзамены, а центральный защитник, он же играющий тренер, ночью простудился на рыбалке, лежит с высокой температурой. Однако выход из положения есть. Егор Веселых может выступить в роли центрального защитника, а где-то в поселке, говорят, обнаружился неплохой вратарь. Московский тренер требовал, чтобы его обязательно включили в команду.

Тут-то Егор Веселых и понял, как повезло Николаю, и на радостях забыл даже расспросить, откуда взялся какой-то московский тренер.

— Вратарь будет, — сказал он, — очень способный парень, хоть и неопытный. Команду собирайте часа за три до игры, потренируемся немного и кое о чем договоримся.

И еще приятные сведения: Николаю и работа найдется, и место в общежитии обеспечено. А о месте в команде и говорить нечего.

Егор Веселых обещал сейчас же привести вратаря на стадион и просил выделить несколько нападающих.

Он помчался разыскивать Николая, не переставая размышлять о том, как лучше подготовить его к игре. Думал он и о том, что же еще может предпринять Жорж Свинкин, чтобы переманить перспективного вратаря в свою команду. Ведь не зря же он пытался оклеветать его, называя настоящим попом?

Но постепенно все мысли Егора Веселых свелись к предстоящему матчу и подготовке к нему.

Шурика и дядю Колю он встретил у здания милиции. Они только таращили глаза и, видимо, не понимали, что он им толкует.

— Ну, что уставились? — рассердился Егор Веселых. — Я считал, что вы от радости запрыгаете, а вы...

— А усы?! — вырвалось у Шурика.

— Отрастут! А я к тому времени поумнею. Николай, уразумей, пожалуйста: тебя на работу принимают, обещают место в общежитии, сегодня вечером матч, ты — в воротах! А прямо сейчас отправляемся на тренировку. Покажешь, на что ты способен. Ну?

— Дай подумать. Все меня пугали, что смеяться надо мной будут, дразнить меня станут, — бормотал дядя Коля, до которого, судя по всему, не дошел истинный смысл услышанного. — И вдруг тренировка, матч, я в воротах, в общежитии место...

— Как же он будет стоять в воротах, если он не готов к этому? — поразился и обрадовался Шурик. — Он ведь даже всех правил не знает!

— В воротах он будет стоять стоя. Ты, Шурик, будешь за воротами и в случае чего подскажешь ему. А я центр защиты. Вы поймите, что игра товарищеская, результат для нас с вами не имеет значения...

— Не имеет значения?! — почти предельно возмущился дядя Коля. — Уж если я встану в ворота, я голы пропускать не намерен!

— Вот только этого я и боюсь, — признался Егор Веселых. — Пропустишь гол — а с кем, скажи, такого не бывало? — и растеряешься, и расстроишься и... и пиши пропало!.. Самое главное, Коля, сегодня все равно все решится. С матча ты уйдешь футболистом команды «Строитель» и рабочим комбината. Опять же какой-то московский тренер на игру приезжает. Вдруг ты на него произведешь впечатление?.. Как говорил мой любимый командир, старший лейтенант Синица, самое основное в прыжках — это разбежаться и оттолкнуться от земли ногами. Все остальное будет по закону земного притяжения... Идем на стадион, товарищи!

— А выдержи я? — очень глухо спросил дядя Коля, и голос его дрогнул. — У меня уже поджилки трясутся, а что на матче со мной будет?

— Если вы собираетесь в большой футбол, — неожиданно строго, как-то совсем по-взрослому проговорил Шурик, — вы сегодня и должны доказать, что достойны этого. Я уверен, что все будет в порядке.

— Леспромхозовская команда никогда хорошо не играла, — уже по дороге рассказывал Егор Веселых. — Но был там один тип, очень вредная личность. Ростика небольшого, голосок писклявый, по фамилии Комаров, а прозвище, конечно, Комарик. Все норовил подножку сделать, руками схватить или оттолкнуть и пнуть мог, если судья не видел. Всегда нападал на вратарей, много им гадостей делал. Но игрок неплохой. С обеих ног из любого положения бил здорово.

Всю дорогу до стадиона говорил один Егор Веселых, пытаясь, если и не развеселить дядю Колю, то хотя бы отвлечь от беспокойных мыслей. Но тот все больше и больше мрачнел и вдруг произнес довольно-таки бодро:

— Можно попробовать! Лиха беда — начало.

На стадионе их ожидало человек десять, из них двое в футбольной форме упражнялись с мячом. Увидев мяч, дядя Коля еще сильнее разнервничался.

Но прежде чем продолжить наше повествование, разрешите мне, уважаемые читатели, рассказать вам о том, что представляли из себя встречи «Строителя» с «Лесником» вообще и что значила сегодняшняя в частности.

Футбол в поселке и в леспромхозе любили примерно так же, как в Бразилии, то есть самозабвенно, жаростно и неистово. Почти все игры проходили в поселке, так как в леспромхозе на стадионе трибун не было. Лесники приезжали на матчи в нескольких автобусах, на личных машинах и мотоциклах. И, хотя их, лесников, было значительно меньше, чем поселковых болельщиков, они были горластее.

Каждый матч между «Строителем» и «Лесником» проходил в напряженнейшей, накаленнойнейшей, возбужденнейшей, а часто и в нервнейшей обстановке, причем страсти на трибунах по накалу значительно превосходили страсти на поле.

И как бы ни заканчивался матч, он, в сущности, всегда был веселым и шумным праздником для трудящихся людей, отличной возможностью отдохнуть, развлечься, забыть о горестях и неудачах, вдоволь

поболтать, посмеяться, поспорить, попереживать, то есть здорово поболеть.

Обе команды не отличались, между нами говоря, сколько-нибудь высокой техникой игры, вряд ли ставили перед собой тактические задачи, но уж зато желания именно ПОИГРАТЬ, забить гол у них было хоть отбавляй. И этого зрителям было вполне достаточно, чтобы болеть в полную силу.

Для нашего же повествования особо надо подчеркнуть неизбежную и глубокую любовь болельщиков обеих команд к одиннадцатиметровым ударам. Можно с полным основанием утверждать, что игра, в которой не назначались пенальти, наносила удар в сердце болельщикам и казалась очень неполноценной. Они и на игру-то шли, в основном, только потому, что надеялись обязательно увидеть, как пробьют на их глазах одиннадцатиметровый.

И еще наиважнейшая для нашего повествования деталь: здешние вратари отражать пенальти не умели. Например, упомянутый выше Комарик забил все одиннадцатиметровые удары, какие ему доверяли пробить.

Итак, Егор Веселых, дядя Коля и Шурик появились на стадионе. Здесь их уже ожидали, как вы помните, уважаемые читатели, человек десять, двое из которых были в футбольной форме и упражнялись с мячом.

Увидев мяч, дядя Коля еще сильнее разнервничался. Он вдруг помрачнел, на вопросы отвечал недружелюбно, не поднимая глаз от земли, и неожиданно спросил почти грубо:

— Шурик, надеюсь, будет стоять за воротами?

— Как договорились, — спокойно отозвался Егор Веселых. — Сейчас для начала побью я, потом вот эти орлы. И учти, Коля: я для матча придумал такую хитрую штуку, что болельщики тебе «ура» кричать будут.

Дядя Коля встал в воротах, поразминался, деловито прошелся взад-вперед между стойками, несколько раз легко и непринужденно достал перекладину руками, и Шурик заметил, как быстро и разительно преобразился его друг. Дядя Коля уже походил на настоящего вратаря! И это почувствовали все, кто пришел на него посмотреть.

Конечно, он нервничал, чуть-чуть излишне суетился, но все это было вполне естественно, и Егор Веселых командирским тоном предложил:

— Начнем!

«По-настоящему он будет бить или понарошку?» — с большой опаской подумал Шурик, но тут же понял, что Егор Веселых настолько верит в дядю Колю, что сразу попробует нанести самый хитрый и сильный удар, на какой только способен.

Вот он поставил мяч на одиннадцатиметровую отметку, несколько раз придирчиво поправил его, отошел...

И даже когда мяч с гулким звоном, по скорости подобно пушечному ядру (недаром такие удары называют именно пушечными), стукнулся о правую стойку и отскочил в поле, дядя Коля не пошевелился.

Видевшие это недоуменно пожали плечами и с недоверием переглянулись.

— Вы... вы... почему... — шептал Шурик.

— Я знал, что мяч идет мимо, — громко и немного высокомерно ответил дядя Коля.

Ко второму удару Егор Веселых готовился менее тщательно, чем к первому, и пробил вроде бы даже и небрежно. Но это был коварный удар. Он вынуждает вратаря броситься в одну сторону, а мяч летит в противоположную.

Так оно и должно было произойти. Дядя Коля собрался поймать мяч справа... но в самом начале движения, вдруг грозно крикнув, переметнулся влево, и мяч был у него в руках.

— Вот это полный порядок! — крикнул Шурик. — Так держать!

Он видел, что Егор Веселых переволновался гораздо больше вратаря. Это и понятно: ему и гол забить хотелось, а еще сильнее хотелось, чтобы дядя Коля продемонстрировал свои недюжинные способности, чтобы о них стало известно сопернику.

И третий удар вратарь отразил в великолепном прыжке, но так тяжело и шумно грохнулся на землю, что, поднявшись, долго растирал ушибленные места, потому что их было много.

Между тем здешние футболисты шепотом препирались, кому из двоих бить первым, и оба вроде бы охотно уступали очередь друг другу.

— Время-то идет! — напомнил им дядя Коля, и тогда один из них — длинный, худой, сутулый, с очень сильными ногами — осторожненько начал готовиться пробить. Он поколдовал над мячом, даже прыгал, далеко-далеко отбежал, низко пригнулся, бросился вперед, словно собираясь упасть, ударил... Дядя Коля полетел направо, а мяч — влево, но каким-то невероятным движением ноги, которая вроде бы стала длиннее, вратарь, громко прорывав, отбил его и успел вскочить и еще успел к мячу при добивании...

— Эх, Степа, Степа! — крикнули футболисту, а он только развел руками.

Постепенно Степа и его товарищ увлеклись, раззадорились, в конце концов просто разозлились, как говорится, по-хорошему, по-спортивному, однако ни один удар так и не достиг цели.

Такого в поселке еще не видели!

— Достаточно, — остановил Егор Веселых. — Немного отдохнем и будем отрабатывать угловые.

— Нет, нет, должен я гол забить! — выкрикнул Степа. — Со стадиона не уйду, пока не забью!

— Три удара, — разрешил Егор Веселых. — Коля, ты согласен?

Дядя Коля только кивнул и небрежно махнул рукой, дескать, валяйте, мне не в труд.

Степа крепко прижал мяч к груди, торжественно, почти как на параде, прошагал к одиннадцатиметровой отметке, предельно бережно поставил мяч на землю, придирчиво оглядел его, отошел, пригнулся...

Удар был такой силы, что Шурик не видел полета мяча. Дядя Коля резко отбил его правой рукой, и мяч сбил Степу с ног!

Раздался не хохот, а прямо-таки хохотище. Егор Веселых катался по траве. Шурик визжал, упав на спину, дрыгая ногами. Кое-кто вытирал слезы.

Серьезным остался лишь дядя Коля. Он помог Степе подняться, похвалил:

— Здорово бьешь, парень!

— А... если... бы... я... в... угол? — еле-еле-еле-еле выговорил Степа, и дядя Коля уверенно ответил:

— Я любой мяч беру.

— Но... ведь... так... не... бывает...

— Не бывало, — поправил дядя Коля, — теперь — будет.

Надо ли мне сообщать вам, уважаемые читатели, что еще задолго до начала матча между командами «Строитель» и «Лесник» болельщики их прослышали о появлении необыкновеннейшего вратаря, который берет все пенальти? И надо ли объяснять вам, что все болельщики, собираясь на игру, мечтали увидеть именно одиннадцатиметровые удары?

Сначала потрясающая новость воспринималась просто с интересом, потом с удивлением, затем с недоверием, а то и с полным неверием, но постепенно споры, толки, пересуды разгорелись с невиданной силой.

И если поселковые болельщики, веря и не веря радостнейшему для них слуху, ликовали, заранее предвкушая победу, то болельщики из леспромхоза сначала позволили себе усомниться в существовании непробиваемого вратаря, а через некоторое время уже понемножечку паниковали, заранее готовясь к горькому поражению. Они спросили своего центрального нападающего:

— Как себя, Комарик, чувствуешь?

— Пишу, попискиваю, кусаться хочется! — действительно пропищал тот весело и беззаботно. — Я еще ни разу с матча без гола не улетал. А сегодня... будьте уверены! Мне этого нового вратаря просто жалко! Опозорю я его!

Короче говоря, никогда еще поселковые и леспромхозовские болельщики не ожидали матча с таким нетерпением и интересом, в надежде увидеть захватывающее зрелище.

А пока болельщики обеих команд судачили, спорили, высказывали множество прогнозов и предположений, Егор Веселых, Шурик и несколько местных футболистов без устали тренировали дядю Колю.

— Достаточно! — строго приказал Егор Веселых. — Пора поесть и отдохнуть.

— Ой, а нам ведь надо к бабушке! — с огорчением воскликнул Шурик. — Я же совершенно забыл о ней! Она же голодная! Я вообще не знаю, где она сейчас!

— Да, да, перед уважаемой Анфисой Поликарповной мы в значительной вине, — озабоченно произнес дядя Коля. — Обещали быть к обеду...

— А я считаю, — строго повысил голос Егор Веселых, — считаю как тренер, что ничего с вашей уважае-

мой Анфисой Поликарповной не случилось, не случится и не может случиться. И думать надо не о ней, а о матче. У вас ведь даже и поесть-то нечего.

— А я и думаю только о матче, — сурово сказал дядя Коля. — Но я нашел приют и ночлег в их доме. Там сейчас мой дом. А обед мы быстренько организуем.

Помолчав, Егор Веселых недовольно согласился:

— Ладно. Я зайду за вами. Если у вас появится Свинкин, гоните его! Даже не разговаривайте с ним! Думайте только о матче!

Как видите, уважаемые читатели, Егор Веселых беспокоился не зря, предчувствуя, что Жорж Свинкин еще не сдался, что он еще сделает попытку и не одну переманить дядю Колю в свою пока не существующую команду «Питатель».

Вот сейчас мы и посмотрим, чем занят бескомандный тренер. Вернее, сначала я сообщу вам, чем он занимался утром, получив отремонтированный костюм, документы и деньги.

Первым делом он купил себе зеленый берет с белым хвостиком на макушке и огромные темные очки. Затем он помчался на домостроительный комбинат и, размахивая своим удостоверением, врал до тех пор, пока ему не поверили.

Очень нагло выдавая себя за московского тренера, Жорж Свинкин не просил, а требовал и даже немножечко угрожал. Еще более того он обещал, предлагал, снова и снова обещал, снова и снова требовал...

— Обязательно разыщите мне вратаря Попова Николая! — скрипло хрипел Жорж Свинкин. — Из-за него, собственно, я и оказался в вашем поселке! Он дружит с неким Егором Веселых! Всех достойных игроков я забираю с собой немедленно, сразу!

И местным спортсменам уже казалось, что их «Строителю» пора срочно собираться ехать в Москву прямо на стадион в Лужниках, где его прямо-таки ждут не дождутся для участия во встрече с одной из ведущих команд страны.

Якобы московский тренер Жорж Свинкин никому не дал сказать ни слова, исчез так же внезапно, как появился, на прощанье приказав:

— Начало матча ровно в девятнадцать ноль : ноль. Обеспечьте квалифицированное судейство. И напоми-

наю: лучшие игроки могут рассчитывать на место в основном составе моей команды.

Хотя в футболе Жорж Свинкин намеревался осуществить на практике свой собственный, доселе не применяемый в мире принцип «лучшее нападение — оборона», в жизни он всегда шел напролом, не давая собеседникам возможности не только ответить, но и подумать.

В данном же случае все объясняется проще простого. Появился добрейший, судя по всему, человек, он же московский тренер, и пожелал увидеть игру местных футболистов и лучших взять в свою команду. Чего же тут гадать? Медлить? Спорить? Сомневаться?

И матч был объявлен.

Однако никто, конечно, не знал, не догадывался, что сам-то Жорж Свинкин, действуя энергично и временами нагло, понятия пока не имел, для чего он все это делает!

Вообще-то кое на что он рассчитывал. Жоржу Свинкину, например, казалось, что если этот... Попов Николай опозорится на глазах и в глазах местных болельщиков, то с удовольствием уедет отсюда. Значит, надо все сделать для того, чтобы его дебют оказался крайне неудачным и — хорошо бы! — постыдным.

И бескомандный тренер продолжал действовать, он не ходил, а бегал и вскоре уже был осведомлен, что дома у Шурика никого нет, что он с Поповым Николаем и Егором Веселых сейчас на стадионе.

Требовалось обнаружить бабушку Анфису Поликарповну. Это ему удалось не сразу, пришлось побегать по поселку из конца в конец, вдоль и поперек.

Обнаружил Жорж Свинкин бабушку Анфису Поликарповну, убедил ее в том, в чем хотел убедить.

Тети Варвары, к счастью, дома не оказалось, и ключ им вручила внучка.

Войдя в квартиру и влетев на кухню, Жорж Свинкин почти молниеносно приготовил завтрак, заварил чай, и бабушка Анфиса Поликарповна уже относилась к нему достаточно терпимо.

А он, приступив к приготовлению настоящего, подлинного обеда, все еще толком не знал, зачем он все это совершает, и усиленно размышлял над тем, как будут развиваться события. Кроме того, предстояло

немедленно и по возможности точно установить, какую роль в них сможет сыграть бабушка Анфиса Поликарповна.

Итак, он готовит обед, сюда приходят Шурик и этот... Попов Николай... Каким образом испортить им обоим настроение?.. А если с ними заявится Егор Веселых?.. Плохой вариант... Значит, надо... значит, надо... значит, надо...

— Значит, надо, — хрипло проскрипел Жорж Свинкин, — как-то оградить Шурика от влияния бывшего попа, а то ах какие могут быть серьезные последствия! — Он торопливо, суматошно, нервно, даже испуганно разделял овощи, жарил лук на сковороде. — Представляю, что испытают родители Шурика, узнав...

— Предоставьте это мне, — небрежно оборвала бабушка Анфиса Поликарповна. — Пока все идет естественно. Буквально в течение неполных суток Шурик словно ожил, стал походить на нормального мальчишку. Даже я претерпела некоторые изменения! — удивленно призналась она.

«Я разучился врать! — пронеслась в голове Жоржа Свинкина ужасная догадка. — Да, да, я не могу уже легко, быстро, непринужденно и несколько изящно обмануть кого угодно!.. Я стал забывать, как это делается... Кошмар... ужас... кризис... крушение... катастрофа!»

— Что с вами?! — испуганно вскрикнула бабушка Анфиса Поликарповна, увидев, как побледневший Жорж Свинкин схватился левой рукой за сердце, а правой за голову и пошатнулся. — Вам плохо?

— Мне жутко. Я горю.

— Не сгорел бы лук...

— Я важнее лука! — гордо, жалобно и скрипло прохрипел Жорж Свинкин. — Сегодня решается моя судьба! Ведь я приехал сюда тренером, а по всей вероятности уеду отсюда ночным сторожем! И это зависит от Попова Николая! — Он очень глубоко и очень тяжело вздохнул четыре раза, но вдруг хихикнул. — Ничего, ничего, ничего! Пусть опозорится!

— Кто? — бабушка Анфиса Поликарповна вздрогнула. — Кто опозорится?

А Жорж Свинкин пританцовывал около плиты, весело гремел крышками от кастрюль, размахивал лож-

кой, но — замер и почти предельно скорбно заговорил:

— Ваш поп Попов опозорится. И я уже не смогу этому воспрепятствовать. Предупредите внука со всей строгостью старости и родственности, чтобы они отказались от глупейшей затеи с матчем! Весь поселок только и обсуждает вопрос о том, что в воротах будет стоять поп!

— Господи! — вырвалось у бабушки Анфисы Поликарповны. — Да неужто?!

Но не успел Жорж Свинкин ответить, как раздался требовательный звонок, который не просил открыть двери, а приказывал.

За порогом стоял Егор Веселых. Он лишь взглянул на Жоржа Свинкина, тот мгновенно похолодел от страха и вспотел от злости и... шагнул через порог.

И вот он уже мчался по улице. Сердце его совершенно бешено колотилось, в голове ужасно гудело, ноги подкашивались. Жорж Свинкин уже не мчался, а брел, ничего почти не соображая, кроме того, что опять все его планы рухнули. Остановившись у тележки с газированной водой, он, к полнейшему удивлению заспанной продавщицы, сам налил себе и выпил пять стаканов...

Это вернуло ему некоторую часть способности думать, ведь он надеялся, что бабушка Анфиса Поликарповна передаст его опасения внуку и Попову Николаю, и они так разнервничаются, в такую впадут панику, что бывший поп не возьмет ни одного мяча!

Теперь же все может испортить и, конечно, испортит Егор Веселых. Но почему явился он, а не Шурик с вратарем?

Дело было так. Расставшись после тренировки с Шуриком и дядей Колей, Егор Веселых сначала направился к себе домой и, размышляя о том, как он сам поест и накормит кота Жоржика, вдруг вспомнил Жоржа Свинкина. Он быстренько повернул обратно и бегом прибежал в квартиру Шурика.

Закрыв дверь за бескомандным тренером, Егор Веселых выяснил у бабушки Анфисы Поликарповны обстановку, проговорил с большим удовлетворением:

— Вовремя же я пришел. Иначе бы этот субъект испортил Николаю настроение, а тот и так еле живой от переживаний. Куриного супа у вас не получится, но курицу я еще попытаюсь спасти и зажарю.

— Не пугайте меня, — умоляющим тоном попросила бабушка Анфиса Поликарповна.

— Наоборот, я вас успокаиваю. Этот бывший клетчато-полосатый забыл вынуть из курицы внутренности. Обещаю вам спасти ее! — Егор Веселых так развеселился, что даже немного похохотал. — Понимаете, Анфиса Многокарповна...

— Что? Что? Я Поликарповна!

Егору Веселых пришлось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы перестать хохотать.

— Простите, оговорился! «Поли» — значит «много». Вот у меня и получилось... Многокарповна! Больше не буду! Больше не буду! — И Егор Веселых стал серьезным.

— Никогда бы не подумала, — обиженно сказала бабушка Анфиса Поликарповна, — что меня будут дразнить даже на старости лет!

— Видимо, это означает, — самым любезнейшим тоном ответил Егор Веселых, — что ваших лет никто не замечает.

Шурик и дядя Коля застали их в таком веселом настроении, что сразу почувствовали: все сегодня будет хорошо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Самое крупное событие нашего повествования — необычайный, редчайший по напряжению и прямо-таки драматизму футбольный поединок между командами „Строитель“ и „Лесник“, решивший судьбу дяди Коли, бывшего попа Попова

еспромхозовские автобусы примчались к стадиону еще до того, как здесь начали собираться поселковые болельщики. Сразу чувствовалось, что гости настроены по-боевому, сил и голосов не пожалеют, чтобы помочь своей команде. Пока споры и разговоры сводились в основном к вратарю, невиданному, небывалому не только в здешних местах, но и по телевизору.

И, конечно, конечно же, все мечтали хотя бы об одном пенальти этому невообразимому вратарю.

Когда на трибунах появились и поселковые болельщики, шум образовался весьма и весьма великий. Они подзадоривали друг друга, дразнили, пугали, подсмеивались, и все — нервничали.

На поле для разминки выбежали команды. Болельщики стоя приветствовали их криками и аплодисментами.

Но восторженность скоро сменилась недоумением и растерянностью: в воротах «Строителя» вратаря не было! Он не вышел на разминку!

Сделано это было по распоряжению Егора Веселых, которому доверили роль играющего тренера. Он не хотел до начала матча показать противнику, на что способен дядя Коля. А болельщиков он решил просто заинтриговать до предела.

Трибуны недовольно роптали, а Комарик не выдержал, подбежал к игрокам «Строителя», очень ехидно пропищал:

— Без вратаря решили попробовать? Так я и в пустые ворота попадаю!

— Сегодня тебе гола не забить! — громко и уверенно сказал Егор Веселых. — Можешь зря силы не тратить, посиди на скамейке запасных!

Болельщики «Лесника» кричали хором:

— Вратаря! Вратаря! Вратаря!

А вратарь с Шуриком сидели в раздевалке и молчали.

Никто и не подозревал, уважаемые читатели, никому и не мог поведать дядя Коля о том, что он сейчас переживал. Он сам стыдился своего откровенного и неукротимого желания, но побороть его не было пока сил. Дядя Коля всем своим существом верил, что если исполнит это откровенное и неукротимое желание, то успокоится, обретет уверенность, хорошо проведет игру и не пропустит ни одного гола.

Для этого дяде Коле необходимо было помолиться. Да, да, ему просто хотелось помолиться, встать на колени и по давнишней привычке обратиться к господу.

Дядя Коля победил в себе это желание. Ведь если бы он обратился за поддержкой к господу, получилось бы, что он мячи брал бы с божьей помощью. А он страстно мечтал быть непробиваемым вратарем самостоятельно, верить только в себя.

И помочь ему могли лишь люди.

Однако общее состояние дяди Коли все еще было неважное, и он спросил нервно, мрачно:

— Что молчишь? Скажи хоть что-нибудь!

— Игра пройдет нормально, — тоже не очень спокойно и не очень весело ответил Шурик, — если вы не растеряетесь после гола.

— Сколько раз тебе говорить, что ни одного гола я не пропущу?! — Дядя Коля даже притопнул. — Понимаешь ты это или нет? Я хочу отдать футболу все! Я ведь жить без него не могу!.. Ну, ну, ну, хватит... — успокаивая самого себя, проговорил дядя Коля, погладив Шурика по взъерошенной голове. — Великое нас ждет испытание, и мы его выдержим. Мячу в моих воротах не бывать!

Тут их позвал Степа.

Огромную фигуру дяди Коли болельщики заметили сразу, едва он появился на беговой дорожке среди игроков своей команды.

Сначала трибуны примолкли, потом постепенно разразились удивленным, восторженным гулом и снова примолкли.

Когда дядя Коля встал в воротах, Шурику захотелось убежать, спрятаться куда-нибудь и закрыть уши.

— Начинается! — громко и неестественно радостно сказал Егор Веселых. — Скоро здесь будет Комарик!

Комарик был неплохим футболистом, мог бы стать и отличным и в команду мастеров мог попасть, но ленился на тренировках, по давней, еще школьной привычке страдал безответственностью, да еще и хулиганил на поле. Если к этому добавить излишнюю самоуверенность и зазнайство, то сами понимаете, уважаемые читатели, что мечтать о большом футболе у Комарика достаточных оснований не имелось.

И все-таки он был опасен для любого вратаря и хорошо знал это.

И сегодня, помня о том, что на игре присутствует московский тренер, а в воротах противника стоит всеми расхваленный голкипер, Комарик сверхтвердо решил, как говорится, выложиться, отдать игре все силы и еще чуть больше. Трудности сегодня его возбуждали, вдохновляли, и его прямо-таки несло вперед.

Едва мяч оказался у Комарика, как тот стремительно обыграл четырех соперников и уже летел к воротам. Навстречу ему кинулся Егор Веселых.

Ловко-ловко-ловко обманул его Комарик и пробил с ходу...

Леспромхозовские болельщики привстали со своих мест...

Ударив, Комарик даже не посмотрел в сторону ворот, победно вскинул руки, уверенный, что через мгновение мяч будет в сетке...

А болельщики все так и стояли, не произнося от изумления ни звука...

Мяч точно и сильно летел в левый нижний угол. Дядя Коля не шевелился, и лишь когда мяч пролетел мимо ворот, выпрямился.

Обескураженный Комарик пропищал:

— Больше такого не будет!

Шурик сбегал за мячом, бросил его дяде Коле, сказал:

— Нельзя же так рисковать!

— Не мешай ему! — крикнул Егор Веселых. — Пусть привыкает!

А трибуны гудели и гудели, недоуменно обсуждая непонятное поведение и без того загадочного вратаря.

«Лесник» явно был, как говорится, в ударе, поэтому удары по воротам так и сыпались. Дядя Коля, бросаясь к мячу, рычал, грозно кричал, ухал, ахал, но не сделал пока ни одной ошибки.

Защита «Строителя» растерялась, и, чтобы исправить положение, Егор Веселых решил привести в исполнение свой замысел — он намеренно сыграл рукой в штрафной площадке.

Стадион аааааааааахнул!

Пенальти!

Восторженно пропищав, Комарик схватил мяч, бросился к одиннадцатиметровой отметке, поставил мяч и буквально выпучил от изумления глаза: вратарь улыбался во весь рот! Руки потирал от удовольствия!

— Давай, Комарик, давай! — насмешливо и радостно крикнул Егор Веселых, тоже улыбаясь во весь рот, как будто сам собирался бить пенальти.

Все болельщики на трибунах вскочили, а многие поклонники «Лесника» даже подпрыгивали от нетерпения и скандировали:

— Ко-ма-рик! Ко-ма-рик!

Шурик скакал за воротами и кричал:

— Дядя Коля! Дядя Коля!

Комарик пробил и схватился за голову. Никто еще никогда не брал у него мяча после такого удара! Комарик выполнял его легко, привычно, непринужденно. Вся хитрость заключалась в том, что удар был крученым. Мяч сначала летел в один угол, а когда вратарь был уже в воздухе, менял направление и влетал в сетку.

На сей раз все было наоборот: мяч полетел влево, а дядя Коля — вправо, и когда он почти уже упал на землю, мяч изменил направление и послушно, как бы сам попал в руки вратаря.

Трибуны роптали.

Среди болельщиков «Лесника» назревало возмущение.

«Строитель» заиграл увереннее, но увлекся атакой, тем более, что нападение возглавил Егор Веселых, забыв, что он центральный защитник.

Вот и случилось следующее. Перехватив мяч в центре поля, Комарик обвел единственного перед собой соперника и один рванулся к воротам.

Над стадионом загремело:

— Ко-ма-рик! Ко-ма-рик!

Его никто и не пытался догнать, он летел к воротам один.

И тут произошло нечто совершенно уму непостижимое, просто немыслимое: навстречу нападающему бросился вратарь! Он пересек штрафную площадку и продолжал бежать дальше!

Увидев это, Комарик непроизвольно остановился, а дядя Коля огромнейшими шагами приближался к нему, вытянув руки, словно собираясь схватить растерявшегося футболиста, по крайней мере, за горло.

Не надо забывать, что Комарик всегда был не прочь похулиганить, но не терпел, когда к нему относились грубо. Даже побаивался этого, посему и побежал, далеко не отпуская мяч, в сторону.

Комарик в страхе направился к своим воротам — назад!

И дядя Коля вернулся в свои ворота, к которым подтянулись и футболисты «Строителя».

— Так больше нельзя! — кричал Шурик.

Дядя Коля согласно кивнул несколько раз, не обращившись.

Трибуны хохотали, обсуждая случившееся. Кто смеялся над Комариком, кто над вратарем, а большинство содрогалось от смеха над обоими. Хохотали громко и долго, пока не устали.

Между тем у обеих команд игра разладилась. Комарик совсем скис, и, если бы не обида, злость и раздраженное самолюбие, он бы не просто ушел с поля, а убежал бы от такого позора.

У Егора Веселых игра не получалась, командой руководить он не мог, потому что помимо всего прочего он вдруг стал хватать себя за нос в поисках усов и был уверен, что без усов играть ему нет смысла.

Нападающие «Лесника», оказавшись у ворот, откровенно боялись нанести завершающий удар и без конца перепасовывали мяч друг другу, пока его не отбирала защита «Строителя».

Громко и гневно роптали болельщики, особенно леспромхозовские. Но вскоре они дружно смолкли, помолчали и чуть ли не взвыли от восторга — пенальти!

Снова — пенальти! И снова — «Строителю»!

Произошло же следующее. Теперь у ворот дяди Коли Комарик всеми известными ему нечестными способами пытался вывести его из равновесия — толкал, хватал за свитер, несколько раз довольно больно пнул. И в один из таких безобразных случаев, очень сильно рассердившись, дядя Коля яростно дунул на Комарика. Тот не устоял на ногах и упал. Судье же показалось, что вратарь толкнул форварда, и указал он на одиннадцатиметровую отметку.

Ничего не понимающий Комарик сидел на земле, пока его не подняли. Уразумев, что ему предоставляется возможность пробить пенальти, он ждал призыва болельщиков «Ко-ма-рик! Ко-ма-рик!», но трибуны молчали настороженно и выжидательно.

И Комарик почувствовал, что БОИТСЯ бить, не только боится, а просто не может. И объяснялось это опять-таки просто. Дело в том, что, как только судья показал на одиннадцатиметровую отметку, вратарь заулыбался во весь рот, Егор Веселых засмеялся, мальчишка за воротами запрыгал, и Комарик понял, что гола ему не забить. Комарик стал усиленно морщиться, демонстративно растирать будто бы ушибленное

колени, но и другие нападающие «Лесника» не торопились попросить разрешения бить пенальти.

— Нет желающих? — довольно насмешливо спросил судья. — Может быть, вообще нет желающих продолжать игру?

И тогда леспромхозовские болельщики, встав во весь рост, все громогласным, угрожающим хором потребовали:

— Ко-ма-рик! Ко-ма-рик! Бей! Бей! Бей!

Сжавшись от этих криков, втянув голову в плечи, продолжая еще усиленное морщиться, еще демонстративнее растирать будто бы ушибленное колено, Комарик судорожно думал о том: а что же произойдет, если он не забудет и второй одиннадцатиметровый?!

— Ко-ма-рик, бей! Ко-ма-рик, бей!

Да, отступать в такой ситуации было нельзя, и бедный Комарик, злой, растерянный, дрожащий, еле-еле добрал до мяча в наступившей тишине.

Он подержал мяч в руках, шепнул ему что-то, нежно погладил, опустил его на землю остороженько, словно он был из тончайшего стекла, и сразу, вдруг, неожиданно ударил...

И трибуны радостно, возмущенно, восторженно, разочарованно ахнули.

Мяч влетел в верхний правый угол ворот, да — не влетел! В самый наипоследнейший момент дядя Коля как бы сам себя катапультировал и отбил мяч на угловой. Правда, во время броска дяде Коле пришлось больно-пребольно удариться головой о штангу и тяжело рухнуть на землю.

Шурик едва подбежал к нему, как он поднялся и сказал:

— Терпимо. Голова только гудит очень.

И трибуны очень гудели.

Леспромхозовские футболисты, низко опустив головы, не двигались, будто матч уже окончился. Игроки «Строителя» весело спрашивали их:

— Будем играть или нет?

Комарик побежал с поля, но тут раздался судейский свисток, извещающий об окончании первого тайма.

К проходу, по которому футболисты направлялись в раздевалки, кинулись болельщики — увидеть невиданного вратаря. А он шел спокойно, сосредоточившись

на каких-то мыслях, не глядя по сторонам, и только изредка прикасался рукой к голове, на которой быстро образовывалась шишка.

В раздевалке «Строителя» сразу же началось ликование, но его сразу же пресек Егор Веселых:

— Чему радуетесь? Никаких причин ни у кого из нас, кроме вратаря, нет для этого. Отдыхайте. Не думайте, что игра уже сделана. Впереди целый тайм. Сорок пять минут.

— Но ведь Комарик-то больше ни на что не способен, — со смехом сказал Степа. — Я бы на его месте больше на поле и не показался бы.

— Комарик ни в чем не виноват, — с уважением произнес дядя Коля. — Если бы мы так умели бить, то уже несколько штук было бы.

— Вот именно, — согласился Егор Веселых, — давайте-ка обсудим, как строить игру во втором тайме.

Ну, а в раздевалке «Лесника» все игроки дружно, возбужденно и несправедливо бранили и без того несчастного Комарика. Тренер, сколько ни пытался, не мог остановить футболистов.

Передать же, что творилось на трибунах во время перерыва, я и не берусь, уважаемые читатели, ибо для этого потребовалось бы страниц семнадцать. Говорили буквально все, иные даже кричали, многие, извините, вопили истошным голосом, и разобраться в мнениях никому бы не удалось. Здесь Комарика бранили меньше, чем в команде, потому что почти все поняли и признали непробиваемость нового вратаря.

А где же был и что же делал во время первого тайма организатор этого матча Жорж Свинкин? Он скромно сидел на трибуне рядом с бабушкой Анфисой Поликарповной и страдал. Временами его охватывало острое, почти неодолимое желание расплакаться от обиды и бессилия. Ведь он воочию увидел невиданного вратаря. Ведь если бы он, бескомандный тренер, мог заполучить в свою команду «Питатель» такого выдающегося голкипера, будущее ее было бы блистательным, а его тактический принцип «лучшее нападение — оборона» был бы признан всем мировым футболом.

Но что,

что,

что,

что же сделать, чтобы этот, предполо-

жим не негодяй, Попов Николай принял предложение?
— Что? Что? — скрипло прохрипел Жорж Свинкин.

— Что — что? — спросила бабушка Анфиса Поликарповна, которая сначала отказывалась присесть рядом с ним, а сейчас была довольна этим — есть хоть с кем поговорить. — Николай, конечно, замечательный вратарь, но ведь Комарик, простите, не соперник. Так сказать, соперничек.

— Против этого... Попова Николая любой игрок выглядит футболистиком, а любой удар превращается в ударчик. Но сегодня он обязательно пропустит гол.

— Не смешите меня! — Бабушка Анфиса Поликарповна рассмеялась. — Вы сегодня уже оскандались с курицей, не торопитесь оскандалиться еще раз.

— Комарик забьет Попову гол.

Тут трибуны притихли: появились команды. «Строитель» выбежал на поле бодро, весело и самоуверенно. Футболисты «Лесника» шли медленно-медленно, низко опустив головы, а последним плелся Комарик.

И не выдержал бескомандный, выдававший себя за московского, тренер Жорж Свинкин, вскочил и громко, убежденно, радостно и скрипло прохрипел:

— Комарик, го-о-о-о-ол!

Леспромхозовские болельщики моментально воспрянули духом и мощным хором потребовали:

— Ко-ма-рик! Гол! Ко-ма-рик! Гол!

С места с достоинством поднялась бабушка Анфиса Поликарповна, громко и уверенно заявила:

— Комарику никогда и ни за что не забить гола Николаю Попову!

Что тут началось!!!

Началось тут что!!!

Болельщики не расслышали даже судейского свистка, возвестившего о начале второго тайма. Они поприутихли лишь тогда, когда неожиданно взбодрившийся «Лесник» пошел в стремительную атаку. Немного ожил и Комарик. Он, правда, не рвался, как обычно, вперед, но, получив мяч, моментально и точно отправлял его партнерам.

Дядя Коля спокойно и уверенно расправился с несколькими ударами издали. А вот у Шурика не было спокойствия, тем более уверенности. «Строитель» яв-

но не мог найти игры. Егор Веселых подбадривал своих товарищей, весело покрикивал, но уже двое форвардов «Лесника» пробили по воротам с близкого расстояния, правда, мимо.

Трибуны следили за игрой молча, только изредка раздавались отдельные выкрики, просительные или требовательные.

Никто, кроме Шурика, не видел, конечно, как давненько нервничает, что-то шепчет, словно разговаривая сам с собой, дядя Коля. Он несколько раз погрозил кому-то кулаком и вдруг проговорил через плечо громко и обреченно:

— Шурик, я боюсь!

Тот и сам дрожал от неведомого страха и не сразу ответил:

— Чего вам бояться? Самое страшное позади.

— Я гол пропущу, Шурик!

— Вряд ли. Просто у вас в руках давно мяча не было.

Тем временем Комарик начал потихоньку пытаться прорваться к воротам, но игроки «Строителя» бдительно следили за ним и буквально не давали овладеть мячом. Однако по всему чувствовалось, что Комарик рано или поздно добьется своего.

Егор Веселых попробовал возглавить атаку, потерял мяч в середине поля, и в результате дяде Коле пришлось изрядно потрудиться.

Создавалось впечатление, что «Строителю» просто нет никакой необходимости выигрывать. Футболисты словно чувствовали себя болельщиками и с интересом ждали, когда в игру вступит их необыкновенный вратарь, и вроде бы всей душой желали пенальти в свои ворота.

Гадай не гадай, что и почему происходило на поле, но дядя Коля, как пишут в газетных отчетах, играл с полной отдачей. Шурик испуганно отмечал, что несколько раз дядя Коля почти ошибся.

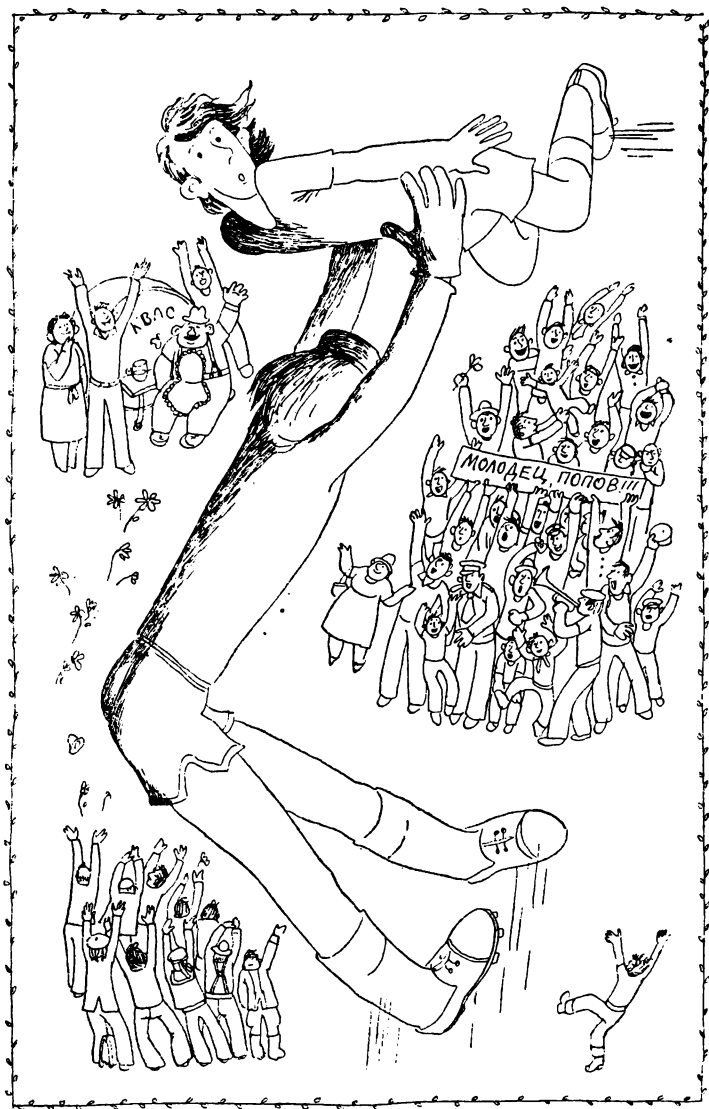
Дотянулся до мяча и Комарик...

Поймав мяч, дядя Коля остался лежать.

— В чем дело? — испуганно спросил Шурик.

— Оказывается, я устал, — признался дядя Коля, — но это не беда. Встаем!

Натиск «Лесника» продолжался. Он был настолько яростен, что дядя Коля не имел возможности сооб-

разить, как реагировать на тот или иной удар, а просто отражал, отражал, отражал...

Но вот наступила кульминация этого необычайного, редчайшего по напряжению и прямо-таки драматизму матча.

За несколько секунд до окончания игры Комарик, легкий и сильный, стремительно взлетел вверх, чувствуя, что сейчас для него последует пас вдоль ворот и — гол, лучший гол в его жизни, неминуем, какое бы чудо ни защищало ворота!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

О, этот гол мог украсить не только любой матч самого высокого ранга, он мог бы украсить спортивную биографию какого угодно выдающегося форварда!

Но уже в воздухе Комарик почувствовал, именно почувствовал, а не увидел, что пас неточен — мяч летел выше ворот. А Комарик продолжал лететь дальше.

Дядя же Коля все-таки бросился за мячом и, так сказать, по дороге за неимением мяча поймал Комарика, упал с ним на землю, быстро вскочил, высоко перед собой поднял футболиста, но его остановил пронзительный голос Шурика:

— Это не мяч, а Комарик!

Только тут дядя Коля пришел в себя: ведь он намеревался, машинально конечно, выпнуть Комарика, как мяч, в поле.

Судейский свисток остановил игру.

Трибуны ликовали. Болельщики обеих команд хлынули на поле поздравлять футболистов, а самые восторженные попробовали качать дядю Колю, то есть подбрасывать в воздух, но силенок для этого у них не хватило. А больше качать было некого.

Егор Веселых, сверхдовольный этим необычайным, редчайшим по напряжению и прямо-таки драматизму матчем, не мог перебороть волнения и в поисках усов опять хватал себя за нос то одной рукой, то другой.

— Вот кого качать надо! — радостно сказал усталый дядя Коля и легко подбросил в воздух несколько раз Комарика. — Большое спасибо тебе, Комаров, за науку! — И поставил его бережно на землю. — Тебе, Егорушка, спасибо. За усы прости меня великодушно, — совсем растрогался он. — Хороший ты человек, Шурик, — ласково продолжал он, погладив мальчика

по взъерошенной голове. — Всем вам, товарищи футболисты, великое от меня спасибо! — Он поклонился на все стороны. — А где же наша уважаемая Анфиса Поликарповна?

Но Егор Веселых увел его сначала в раздевалку переодеться.

Ликование болельщиков постепенно и неохотно подходило к концу, гасло. Жаль было им расходиться, и они не торопились с этим.

Не знали они, что сегодня их ждало еще одно не менее потрясающее зрелище, чем недавний редчайший по напряжению матч.

Откуда ни возьмись, как говорится, на стадионе появилось некое тарахтящее, скрипящее, стучащее, повизгивающее транспортное сооружение, этакий, уже известный вам, уважаемые читатели, тракторчонок с трубочкой, из которой вылетали клубики дыма.

Тракторчонок резво выкатился на беговую дорожку, прокатился по ней метров пятьдесят и остановился, мелко-мелко, но сильно содрагаясь, словно собирался подпрыгнуть.

Из кабины на землю соскочил столь чумазый человек, что его вполне можно было посчитать за негра, если бы не большие белые уши. Это, конечно, был Гаврила. Он крикнул:

— Где тут тренер Свин Жоркин?

И кто-то из болельщиков тоже крикнул:

— А где московский тренер? Будет он кого-нибудь из наших в свою команду брать?

Гаврила хотел еще что-то произнести, но тракторчонок вдруг рванулся с места, и водитель едва успел отскочить в сторону, а чудо двадцатого века, машина будущего повернула на поле, прямехонько на болельщиков.

Не сразу они сообразили броситься врассыпную.

Тракторчонок же чуть ли не метался по полю, неожиданно и резко поворачивая в разные стороны. Создавалось впечатление, что он всерьез решил обязательно кого-нибудь сбить.

— Живее, живее отбегайте! — сердито советовал Гаврила, восторженно любясь действиями своей машины. — Резвее двигайтесь, расторопнее! Он ведь у меня упрямый! Уж если что задумал, никого он не послушается!

С каждой минутой тракторчонок тарахтел, скрипел, стучал, повизгивал со всевозрастающей силой, даже вроде бы и с озлоблением. И когда на поле никого не осталось, чудо двадцатого века бросилось за своим водителем. Тут Гаврила завопил уже не восторженно, а испуганно:

— Перестань дурака валять! Соображать надо, на кого едешь!

Навстречу тракторчонку двинулся появившийся в проходе дядя Коля. Машина будущего мчалась прямо на него, а дядя Коля спокойно шел на нее.

— Не связывайся с ним! — крикнул Гаврила. — Может, он сам заглохнет!

И когда между машиной и человеком осталось не более метров шести, дядя Коля грозно крикнул и вытянул вперед свои большие сильные руки...

Тракторчонок разом перестал тарахтеть, скрипеть, стучать, повизгивать, содрогаться — замолк вредный тракторчонок.

— Полный порядок! — восхитился Гаврила. — Где этот Свин Жоркин, из-за которого я и страдаю в данный момент?.. Ведь вот что, товарищи, происходит! — гневно возвысил он голос. — Теща моя Глафира Сосипатровна Суслопарова — золотой человек. Почти ежедневно угощает меня блинами, оладьями, пирогами и пирожками, пельменями, шаньгами. А тренер Свин Жоркин ограбил ее на три с полтиной. А к ней его привозил я. Вот теща моя, золотой человек, и вынесла постановление: пока не получит свои три с полтиной от Свина Жоркина, кормить меня не будет. А сегодня у нее пельмени редечные, грибные, капустные, рыбные и мясные. Она бы и сама его поймала, да у нее мотоцикл сломался. Где, где он, этот Свин Жоркин?

Никто из присутствовавших при этом не понимал, почему так безудержно хохочут трое — вратарь, центральный защитник и мальчик.

— Да не Свин Жоркин, а Жорж Свинкин! — сквозь смех еле-еле-еле выговорил Шурик.

— Мы совсем забыли об уважаемой Анфисе Поликарповне, — с упреком сказал дядя Коля.

В это время раздался тонкий голосок Комарика:

— Нашли, нашли московского тренера!

Дело было так. Пока на поле бесчинствовал тракторчонок, несколько болельщиков отправились искать

московского тренера. Долго его искали, наконец обнаружили и, извините за грубое слово, уважаемые читатели, очень обалдели. Московский тренер за трибунами бойко торговал газированной водой.

Да, да, если дядя Коля, бывший поп Попов, понял, что он жить не может без футбола, то Жорж Свинкин, теперь уже, можно сказать, бывший бескомандный тренер, понял, что жить не может без торговли газированной водой. Это он понял всем сердцем совсем недавно, когда матч подходил к концу. И зачем он только связался с футболом, где все и всё против него?

Предложив бабушке Анфисе Поликарповне помочь найти Шурика, Жорж Свинкин за трибунами увидел большущую очередь перед тележкой с газированной водой, подошел и с негодованием понаблюдал, как заспанная тетя невероятно медленно и угнетающе лениво обслуживала жаждущих.

Дети в очереди хныкали и канючили.

— Нельзя ли побыстрее? — крикнул кто-то из взрослых.

— Можно! И нужно! — гордо, хрипло и скрипло ответил Жорж Свинкин, властным жестом предложил заспанной тете освободить ему место, и торговля, можно сказать, закипела. Никогда еще в жизни не торговал он с таким удовольствием, так легко, весело и стоя.

Бабушка Анфиса Поликарповна не смела его беспокоить, хотя сама волновалась: как ей разыскать внука? А внук уже бежал к ней. Впереди него бежал Гаврила. Он остановился у тележки, но не успел рта раскрыть, как Жорж Свинкин презрительно и высокомерно спросил:

— Сколько с меня?

— Три с полтиной.

— Получите и уходите.

Гаврила умчался, а болельщики потребовали от московского тренера объяснений. И, так как очереди за газированной водой уже не было, Жорж Свинкин уступил место заспанной продавщице и весьма взволнованно ответил:

— Вам довелось увидеть игру невиданного вратаря. Это для вас организовал я. На этом мои полномочия окончились. Всего вам доброго. А ты, Коля, с друзья-

ми идите и еще раз взгляните на поле, где сегодня так успешно начался твой путь в большой футбол.

Друзья поднялись на трибуну и увидели, что тракторчонок опять гонится за Гаврилой.

Чудо двадцатого века оглушительно тарахтело, скрипело, стучало, повизгивало.

Гаврила споткнулся и упал.

Тракторчонок остановился в трех сантиметрах от него, засодрогался, словно собираясь подпрыгнуть, подпрыгнул, замолк, и все четыре колеса раскатились на все четыре стороны. Гаврила сидел на земле и плакал.

— Может, он теперь учиться пойдет на настоящего тракториста? — спросил Шурик.

— Если лень не помешает, — ответил Егор Веселых.

— Человек, если захочет, — сказал дядя Коля, — может добиться невозможного. Опять мы забыли про уважаемую Анфису Поликарповну.

Они спустились с трибуны, и тут Шурика остановила учительница и знакомым голосом произнесла:

— Ах, Мышкин, Мышкин! Ты, видимо, уже и забыл, что когда-то вполне мог стать абсолютно круглым отличником!

— Нет, не забыл, — поздоровавшись, с достоинством повзрослевшего человека ответил он. — Наоборот. Только сейчас я и поверил, что действительно могу стать абсолютно круглым отличником. И еще я буду футболистом. Тоже отличным. — И он очень вежливо поклонился и направился к своим друзьям.

А к ним спешила бабушка Анфиса Поликарповна и звала:

— Идемте, идемте, идемте домой! Я разогрею вам ужин.

— А я угощу вас чаем из моего самоварчика, — сказал дядя Коля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интервью, взятое автором у действующих лиц этого повествования

Вот и настала пора, уважаемые читатели, нам с вами распрощаться. Грустное это дело, но, как ни странно, необходимое.

Больше я уже не встречу с моими героями и, расставаясь с ними и горюя об этом, я взял у всех действующих лиц нашего повествования интервью, задав им всем один вопрос: что вы хотите пожелать вашим читателям? Вот их ответы.

ПАПА. Помнить, что главное назначение ребенка — учеба и только учеба.

МАМА. Не забывать, что только отличная учеба поможет вам стать выдающимися специалистами.

ДЕДУШКА. Необязательно быть выдающимися. Надо просто выбрать такую профессию, чтобы она приносила пользу семье, в том числе и дедушке.

БАБУШКА АНФИСА ПОЛИКАРПОВНА. Заботиться о своем здоровье, не торчать перед телевизором, дышать свежим воздухом.

ТЕТЯ ВАРВАРА. Не только не тунеядничать, а всеми силами бороться с лентяями. Не кормить их, пока не перестанут лодырничать. Знать, что взрослый тунеядник противнее и опаснее маленького.

ЕГОР ВЕСЕЛЫХ. Как говорил мой любимый командир, старший лейтенант Синица, легче всего на свете сделать глупость. Поэтому надо искать трудности, а не бегать от них.

ГАВРИЛА. Не рассчитывать на тещу, если даже она золотой человек. Жить своим умом.

СУСЛОПАРОВА ГЛАФИРА СОСИПАТРОВНА. Не приводить в дом подозрительных людей.

ДЯДЯ КОЛЯ. Заниматься только тем делом, без которого жить не можешь.

ШУРИК. Чтобы мы понимали родителей, а они нас.

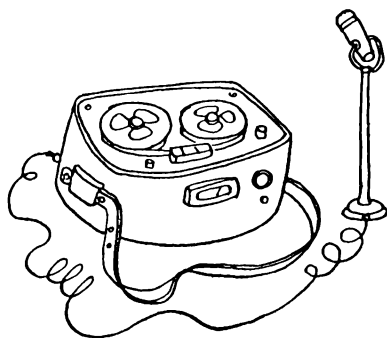
ЖОРЖ СВИНКИН. Я очень взволнован предложением что-нибудь пожелать читателям. Пусть они тратят силы только на добрые дела. Пусть помнят, что лучше хорошо торговать газированной водой, чем плохо играть в футбол. Досви... досви... досви...

АВТОР. Досви... уважаемые читатели!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Чем закончилось для попа Попова приобретение им в районном центре телевизора	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. Полукруглый отличник Шурик Мышкин вполне может стать потомственным, абсолютно круглым отличником, но по ряду причин мечтает стать обыкновенным троечником	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Дядя Коля — бывший поп Попов — на первой же тренировке берет все мячи	31
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Бабушка Анфиса Поликарповна считает, что это за ней нужен глаз да глаз, а не за ее внуком Шуриком Мышкиным	44
ГЛАВА ПЯТАЯ. Дядя Коля видит поразительный сон, в котором он, бывший поп Попов, встречается с самим господом богом, оказавшимся неплохим специалистом в вопросах развития современного футбола и пытавшимся пробить по воротам дяди Коли пенальти	53
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Самый ужасный конфуз, обнаруженный бабушкой Анфисой Поликарповной. Появление футбольного тренера Жоржа Свинкина, личности предельно подозрительной и на редкость хитрой	61
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О том, как Егорка Хряков превратился в Жоржа Свинкина и что из всего этого получилось	75
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Жорж Свинкин продолжает поиски Попова Николая. Шурик Мышкин знакомится с очень веселым центральным нападающим по фамилии Веселых, а по имени Егор	84
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Жорж Свинкин выдает себя за государственного футбольного тренера и мечется в поисках вратаря Попова Николая	94
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Возвращение вратаря дяди Коли, бывшего попа Попова, его знакомство с форвардом Егором Веселых, полный напряжения и даже некоторого драматизма их футбольный поединок	101
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Жорж Свинкин продолжает метаться в поисках вратаря Попова Николая, попадает в ужаснейшие ситуации и оказывается в милиции	115

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Егор Веселых расстается с огромными черными усами и вспоминает некоторые наиболее важные моменты своей жизни, очень горестно размышляя об основном недостатке своего характера	127
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. «Адре... адре... адре...» . . .	137
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Совершенно загадочное исчезновение бабушки Анфисы Поликарповны	147
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Последние усилия Жоржа Свинкина	164
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Самое крупное событие нашего повествования — необычайный, редчайший по напряжению и прямо-таки драматизму футбольный поединок между командами «Строитель» и «Лесник», решивший судьбу дяди Коли, бывшего попа Попова	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Интервью, взятые автором у действующих лиц этого повествования	196

**Лев Иванович
Давыдычев**

**ДЯДЯ КОЛЯ—ПОП ПОПОВ —
ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ БЕЗ ФУТБОЛА**

**Повесть
для детей младшего
школьного возраста**

**Зав. редакцией И. Лепин
Редактор А. Зибзеева
Художественный редактор Н. Горбунов
Технический редактор В. Чувашов
Корректор Е. Соколова**

ИБ № 717

Сдано в набор 25. 01. 80. Подписано в печать
13. 06. 80. ЛБ02057. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бум.
тип. № 3. Гарнитура «Школьная». Печать высокая.
Усл.-печ. л. 10,50. Уч.-изд. л. 10,461. Тираж
30 000 экз. Заказ № 159. Цена в ледерине 60 к.,
в колленкоре 55 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь
ул. К. Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли. 614001
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Давыдычев Л. И.

**Д13 Дядя Коля — поп Попов — жить не может без
футбола: Повесть для мл. шк. возр. — Пермь: Кн.
изд-во, 1980. — 199 с.**

Как и прежние детские повести Л. Давыдычева, его новая книга полна веселых неожиданностей. Но ее герои не только увлекаются футболом и попадают в смешные переделки — они учатся дружить, быть самостоятельными и ответственными.